Преподобный
Никодим Святогорец

НЕВИДИМАЯ БРАНЬ

Перевод с греческого
святителя Феофана Затворника

Данилов мужской монастырь
Москва • 2013

УДК 271.2
ББК 86.372
Н 62

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИС 13-313-2059

Н 62 **Никодим Святогорец, преподобный**
НЕВИДИМАЯ БРАНЬ. — М.: Данилов мужской монастырь, 2013. — 432 с.

ISBN 978-5-89101-515-9

Книга «Невидимая брань» одного из самых почитаемых и читаемых афонских старцев, богослова, писателя, переводчика — преподобного Никодима Святогорца (1748–1809) рассказывает о той невидимой брани, которую каждый христианин в течение всей своей жизни ведет с врагами своего спасения, о различных кознях вражеских и способах отражения их.

Преподобный Никодим говорит: «Место, где происходит самая борьба, есть собственное наше сердце и весь внутренний человек; время брани — вся наша жизнь <...> этой книгой всякий человек, желающий спасения, научается, как побеждать невидимых врагов своих, чтоб стяжать сокровища истинных и Божественных добродетелей и за то получить нетленный венец и залог вечный, который есть единение с Богом и в нынешнем веке, и в будущем».

Книга переведена и адаптирована для русского читателя преподобным Феофаном Затворником (1815–1894). Оба автора не понаслышке знают, что есть духовная брань, и каждый делится с нами частицей своего бесценного опыта.

УДК 271.2
ББК 86.372

© Религиозная организация «Данилов ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)», составление, оформление, верстка, 2013

ISBN 978-5-89101-515-9 © Феоктист (Игумнов), иеромонах, предисловие, 2013

ТРИ РЕДАКЦИИ ОДНОЙ КНИГИ

Известно, что русская Невидимая брань и греческая Ὁ Ἀόρατς Πόλεμος являются авторскими переложениями книги итальянского монаха-театинца Лоренцо Скуполи «Брань духовная»[1], которую он составил для своих духовных дочерей — насельниц венецианского монастыря святого апостола Андрея Первозванного и впервые анонимно издал в Венеции в 1589 году. Преподобный Никодим, редактируя (именно редактируя, так как перевод был сделан не им, а Эммануилом Романитисом) книгу католического автора, внес в текст довольно большое число изменений и дополнений, призванных адаптировать «Брань духовную» для православного восприятия и, что наиболее важно, сделать книгу соответствующей православному нравственно-аскетическому учению. В результате правки преподобного Никодима текст «Невидимой брани» увеличился за счет добавления святоотеческих и библейских цитат в два раза в сравнении с текстом «Брани духовной». Святитель Феофан Затворник, переводя «Невидимую брань» преподобного Никодима на русский язык, также редактировал и исправлял текст книги,

[1] Combattimento spiritual (итал.).

об этом святитель говорит в предисловии и призывает читателя считать его труд не столько переводом, сколько свободным переложением.

Интересно, что два святых православных автора, живших в близкое друг к другу время, работая над нравственно-аскетической книгой западного католического происхождения для употребления в православной среде, внесли разную правку. Рассмотрение отличий текста и учения двух редакций «Невидимой брани» позволит сделать вывод о том, что считал возможным и необходимым предложить своим читателям преподобный Никодим, а что — святитель Феофан. И в этом смысле особый интерес представляют правки, внесенные в главы о молитве.

Святитель Феофан, обосновывая необходимость внесения правок в эти главы, в одном из своих писем говорит так: «Та книга католиком писана, а католики об умной молитве и иных вещах подвижнических иначе от нас судят. Старец Никодим поправил, но не всё. Я докончил правку»[2]. В итоге текст святителя Феофана больше отличается от текста преподобного Никодима, чем текст последнего от текста Скуполи. Так, святитель убирает все выражения, восходящие к богословским формулировкам латинской традиции. Он никогда не говорит о медитации как об отдельной форме умной молитвы, в то время как преподобный Никодим лишь немного корректирует главы о медитации, полностью переписывает целые главы,

[2] *Феофан Затворник, свт.* Собрание писем. — М., 1900. — Т. 7. С. 192.

изменяет структуру других глав согласно собственной логике и постановке вопроса. Эти добавления — не просто исправления текста преподобного Никодима. Святитель Феофан во многих местах меняет терминологию и саму суть текста, тогда как греческий перевод зачастую сохраняет терминологию итальянского оригинала и вставки многочисленных святоотеческих примечаний являются в нем, по большей части, второстепенными по сравнению с содержанием первоисточника[3]. К примеру, преподобный Никодим сохраняет ряд сугубо католических терминов, говорит о заслугах Христа. Оставляет он без изменения место, в котором Скуполи излагает доктрину о достаточной благодати. Когда Скуполи призывает читателя обратить особое внимание на молитву Angelus Domini[4], преподобный Никодим повторяет его почти буквально, удаляя лишь упоминание о трех строках приветствия этой молитвы. С другой стороны, в одной из глав преподобный Никодим находит возможность добавить два кратких упоминания о молитве Иисусовой, которых нет в оригинале.

Всего учению о молитве у преподобного Никодима посвящены девять глав, первые две — собственно молитве, еще восемь — несколько переработанному в сравнении

[3] *Ершов С.* Опыт духовной брани на христианском Востоке и Западе // *Скуполи Л.* Брань духовная, или Наука о совершенной победе самого себя. — СПб: Издательский дом «Азбука-классика», 2009. — С. 15.

[4] Католическая молитва, названная по ее начальным словам, состоит из трех кратких текстов, описывающих тайну Боговоплощения, перемежаемых приветствием Радуйся, Мария, а также заключительных молитвенных обращений к Богородице и Богу-Отцу.

с текстом Скуполи описанию практики медитации. Святитель Феофан сохранил только первые две главы этого раздела, но опустил восемь последующих глав, заменив их на семь своих. К этим главам «Брани духовной» преподобным Никодимом сделаны дополнения, которые святитель Феофан включает в свою работу. Там же святитель говорит о случающемся разделении молитвы на словесную, мысленную и сердечную, тогда как «полная и настоящая молитва есть, когда со словом молитвенным и молитвенной мыслью сочетается и молитвенное чувство»[5].

Примечательно, что святитель Феофан в этой главе ничего не говорит об Иисусовой молитве (у него ее рассмотрению посвящена 51 глава), тогда как аналогичная глава «Невидимой брани» преподобного Никодима говорит об умной молитве именно как о молитве Иисусовой и довольно тщательно излагает святоотеческое учение по этому вопросу со ссылками на «Добротолюбие», святителя Григория Паламу и решения Константинопольского Собора от 1351 года.

Существует мнение, выраженное, к примеру, священником Георгием Чистяковым[6], что святитель Феофан крайне отрицательно относился к психофизическому аспекту Иисусовой молитвы и отрицал какую бы то ни было связь между молитвой и дыханием, молитвой и биением сердца и т. д., что он не придавал никакого зна-

[5] *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. С. 205.

[6] *Чистяков Георгий, свящ.* Иисусова молитва. – [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http: // damian/ru/Actualn_tema/Chistakov/jesuspray/html, свободный. – Загл. с экрана.

чения позе, в которой находится молящийся. Поэтому, переводя аскетические тексты с греческого языка на русский, он, якобы, исключал из них все подобного рода советы для молящихся.

Сложно сказать, чем руководствуются исследователи, делая такой категоричный вывод относительно всей переводческой деятельности святителя. Учение об Иисусовой молитве, изложенное святителем Феофаном в главе 51 «Невидимой брани», говорит о противоположном. В качестве примера можно привести следующую цитату: «Заметь еще: быть вниманием надо в сердце или внутри персей, как говорят иные отцы, именно — немного выше левого сосца, и там повторять молитву Иисусову. Когда от напряжения сердце начнет щемить, тогда поступи, как советует монах Никифор, именно — подымись с того места и стань со вниманием и молитвенным словом там, где мы обыкновенно ведем беседу с самими собой, под кадыком наверху груди. После опять сойдешь над левый сосец. Не побрезгуй сим замечанием, как оно ни покажется тебе слишком простым и мало духовным»[7].

Упоминает святитель и святоотеческие указания на специальную молитвенную позу и положение головы. Эти указания святитель Феофан называет не существенно необходимыми и не для всех пригодными, так как они являются только внешними приспособлениями[8].

Лоренцо Скуполи говорит о двух видах мысленной молитвы. Первый ее вид — это явная молитва, «когда

[7] *Никодим Святогорец, прп.* Указ. соч. — С. 222–223.
[8] Там же. С. 222.

мы просим чрез слова, мысль нашу изображающие»[9]. Второй вид называется у Скуполи тайной молитвой. Он состоит в том, что мы, «дабы испросить милость, пылаем внутренне к Богу, изображая и предлагая свою скудость без всяких слов, например, когда мы мыслию своею восходим ко Богу и исповедуем пред Ним слабость свою в том, что мы сами собою не в силах избавиться зла и благое творить, или когда мы на горняя возводим мысленные очи свои, воздыхая непрестанно, чающе оттоль помощи, то таковое желание может быть столь же сильно, как и самая молитва»[10]. Преподобный Никодим передает здесь текст Скуполи по-гречески довольно точно. Святитель Феофан, переводя этот текст, говорит следующее: «Никогда не ограничивайся в молитве своей одним молитвословием, но молись вместе и умом, и сердцем: умом — разумея и сознавая всё молитвословимое, сердцем — всё то чувствуя. Наипаче же молись сердцем»[11]. В дальнейших главах святитель Феофан излагает святоотеческое учение о молитве. Это его авторские главы, они никак не пересекаются с текстом преподобного Никодима Святогорца.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что внесенная православными редакторами правка изменяет саму цель «Невидимой брани». Если для автора «Брани духовной» таковой целью является очищение души от

[9] *Скуполи Л.* Брань духовная, или Наука о совершенной победе самого себя. — СПб: Издательский дом «Азбука-классика», 2009. — С. 127.

[10] Там же. С. 128.

[11] *Никодим Святогорец, прп.* Указ. соч. — С. 206.

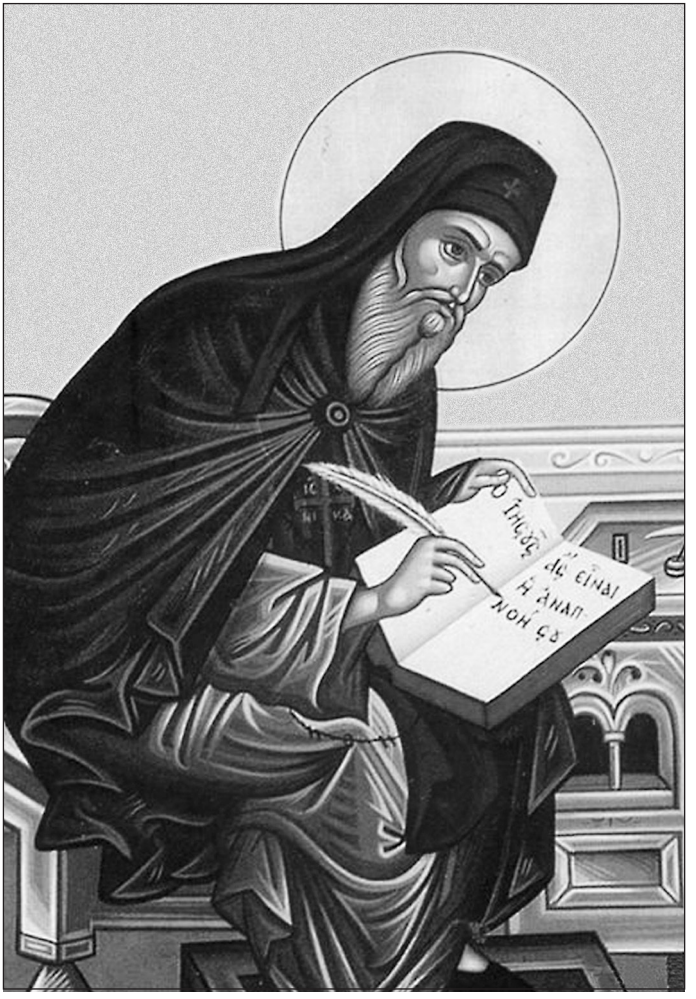
греха, то для преподобного Никодима Святогорца и святителя Феофана Затворника цель значительно выше — чистая безóбразная (немечтательная) молитва, возводящая душу христианина к Богу и соединяющая ее с Ним. При этом та чистота души, к которой стремится Скуполи — лишь подготовительный этап.

В ряде мест своей книги Скуполи учит стимулировать воображение, эмоции и фантазию с тем, чтобы достичь успеха в деле очищения от греха. Понятно, что это неприемлемо для православных авторов и, идя по такому пути, невозможно достичь чистой молитвы. Преподобный Никодим не только удаляет при редактировании все подобные места, но и добавляет целую главу «Об исправлении воображения и памяти» (глава 25 в греческом тексте), в которой говорит о том, что многовидное, многосоставное и дебелое воображение — следствие грехопадения и для того, чтобы вернуться к свободе богообщения нам необходимо очистить свой разум от мысленных образов. Там же он показывает читателю средства, с помощью которых можно этого достичь. В другом месте преподобный Никодим добавляет учение о контроле над чувствами, которого нет у Скуполи (дополнение к главе 24 «О том, как управлять языком»). Подобным образом преподобный Никодим действует и при работе над редактированием глав о молитве. Он оставляет главы о медитации практически неизменными, но при этом он меняет сам смысл медитации. В его изложении медитация (или размышление) нужна не для того, чтобы побуждать к работе мысль, воображения, эмоции и желания, а для сердечного сокрушения о своих грехах и умиления.

Святитель Феофан идет в своей работе дальше. Он совершенно очищает текст «Невидимой брани» от тех мест, которые могут показаться не совсем корректными с точки зрения православного нравственно-аскетического учения. Поэтому в русском переводе «Невидимой брани» нет никакого упоминания о медитации. Святитель Феофан, заменив главы о молитве своими, сумел с предельной ясностью передать святоотеческое учение о чистой молитве.

Иеромонах Феоктист (Игумнов)

В подлиннике этой книги, в заглавии ее значится, что книга составлена другим лицом, неким мудрым мужем, старец же Никодим только пересмотрел ее, исправил, пополнил и обогатил примечаниями и выписками из Святых Отцов, подвижников. Потому старцу Никодиму она принадлежит больше по духу, чем по букве. При переводе этой книги сочтено более пригодным примечания и свидетельства отеческие внести в текст, а по причине этого приходилось иной раз изменять слова книги для улучшения ее стиля, что допускалось иногда и без этого. Потому предлагаемую книгу следует считать не столько переводом, сколько свободным переложением.


Ὁ ἵππος
μὴ εἶναι
ἡ ἀνάπ
παυσή σου

ПРЕДИСЛОВИЕ *

Настоящая душеполезная книжица справедливо носит данное ей наименование: «Невидимая брань». Как многие из священных и богодухновенных книг Ветхого и Нового Завета получили свое наименование от самих предметов, о коих они поучают (книга Бытия, например, названа так потому, что возвещает о сотворении и благоустроении всего сущего из не сущего; Исход — потому, что описывает исход сынов Израиля из Египта; Левит — потому, что содержит устав священнодействий для колена левитского; книги Царств — потому, что повествуют о жизни и деяниях царей; Евангелия — потому, что *благовествуют радость велию, яко родися Спас миру Христос Господь* (ср.: Лк. 2, 10–11), и указывают всем верным путь ко спасению и наследию вечноблаженной жизни); так кто не согласится, что и настоящая книга, судя по содержанию ее и по предметам, которыми она занимается, достодолжно названа: «Брань невидимая»?

Ибо она поучает не о какой-либо чувственной и видимой брани и не о врагах явных и телесных, но о брани мысленной и невидимой, какую каждый христианин

* Составлено старцем Никодимом в рукописи, которой он пользовался.

восприемлет с того часа, как окрестится и даст пред Богом обет — воевать за Него, во славу Божественного имени Его даже до смерти (почему написанное в книге Чисел (21, 14): *сего ради глаголется в книзе: брань Господня*, — иносказательно написано о сей невидимой брани), и о врагах бестелесных и неявных, кои суть различные страсти и похотения плоти, и демоны злые и человеконенавистные, день и ночь не перестающие воевать против нас, как сказал блаженный Павел: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

Воины, ведущие борьбу в этой невидимой брани, поучает она [книга], суть все христиане; военачальником их изображается Господь наш Иисус Христос, окруженный и сопровождаемый тысяченачальниками и стоначальниками, то есть всеми чинами Ангелов и святых; поприще брани, бранное поле, место, где происходит самая борьба, есть собственное наше сердце и весь внутренний человек; время брани — вся наша жизнь.

Какие же суть оружия, в которые облекает своих воинов эта невидимая брань? Слушай. Шлемом для них служит совершенное себе неверие и совершенное на себя ненадеяние; щитом и кольчугой — дерзновенная вера в Бога и твердое на Него упование; броней и нагрудником — поучение в страданиях Господа; поясом — отсечение плотских страстей; обувью — смирение и немощности своей постоянное признание и чувство; шпорами — терпение в искушениях и отгнание нерадения; мечом, кото-

рый непрестанно держат они в одной руке, — молитва, как словесная, так и мысленная, сердечная; копьем трехострийным, которое держат они в другой руке, — твердая решимость отнюдь не соглашаться на борющую страсть, отрывать ее от себя с гневом и ненавидеть от всего сердца; коштом и пищей, которыми подкрепляются они на сопротивление врагам, — частое причастие Богообщения как таинственного от таинственной жертвы, так и мысленного; светлой и безоблачной атмосферой, дающей им возможность издали усматривать врагов, — всегдашнее упражнение ума в познании того, что право есть пред Господом, всегдашнее упражнение воли в вожделевании одного того, что благоугодно Богу, мир и спокойствие сердца.

Здесь, — здесь, в этой «Невидимой брани» (то есть в книге) или, лучше сказать, в этой ***Брани Господней,*** воины Христовы научаются познанию различных прелестей, многообразных козней, недомыслимых лукавств и хитростей воинских, какие употребляют против них мысленные супостаты, посредством чувств, посредством фантазии, посредством лишения страха Божия, особенно же посредством четырех прилогов, какие вносят они в сердце во время смерти, — разумею прилоги неверия, отчаяния, тщеславия и преображения их самих в ангелов света. Научаясь же распознавать все сие, они и сами при этом умудряются, как разрушать такие козни врагов и противоборствовать им, и познают, какой тактики и какого закона брани должно им в каком случае держаться и с каким мужеством вступать в борьбу. И коротко

скажу, этой книгой всякий человек, желающий спасения, научается, как побеждать невидимых врагов своих, чтоб стяжать сокровища истинных и Божественных добродетелей и за то получить нетленный венец и залог вечный, который есть единение с Богом и в нынешнем веке, и в будущем.

Примите же, христолюбивые читатели, настоящую книгу радостно и благосклонно и, научаясь из нее искусству ***невидимой брани***, старайтесь не просто только воевать, но и законно воевать, воевать, как должно, чтобы и увенчанными быть; потому что, по Апостолу, бывает, что иной хоть и подвизается, однако ж не венчается, если незаконно подвизался (см.: 2 Тим. 2, 5). Облекитесь в оружия, какие она указывает вам, чтобы насмерть поразить ими своих мысленных и невидимых врагов, кои суть душепагубные страсти и их устроители и возбудители — демоны. *Облецытеся во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским* (Еф. 6, 11). Вспомните, как при Святом Крещении обещали вы пребывать в отречении от сатаны, и всех дел его, и всего служения его, и всей гордыни его, то есть сластолюбия, славолюбия, сребролюбия и прочих страстей. Подвизайтесь же, сколько можете, чтобы обратить его вспять, посрамить и победить во всем совершенстве.

А какие воздаяния и награды имеете вы получить за такую победу свою?! Весьма многие и великие. И послушайте об них из уст Самого Господа, Который обещает их вам в Святом Откровении слово в слово так: *побеждающему дам ясти от древа животнаго, еже есть по-*

среде рая Божия (Откр. 2, 7). *Побеждаяй не имать вредитися от смерти вторыя* (там же, ст. 11). *Побеждающему дам ясти от манны сокровенныя* (там же, ст. 17). *Побеждающему и соблюдающему дела Моя до конца, дам ему власть на языцех... и дам ему звезду утреннюю* (там же, ст. 26–28). *Побеждаяй, той облечется в ризы белыя... и исповем имя его пред Отцем Моим и пред Ангелы Его* (там же, ст. 3, 5). *Побеждающаго сотворю столпа в церкви Бога Моего* (там же, ст. 12). *Побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем* (там же, ст. 21). *Побеждаяй наследит вся, и буду ему Бог, и той будет Мне в сына* (там же, ст. 21, 7).

Видите, какие удостоения! Видите, какие воздаяния! Видите этот осьмисоставный и многоцветный нетленный венец или, лучше, эти венцы, которые сплетаются для вас, братия, если победите диавола! Вот об этом теперь и пекитесь, из-за этого подвизайтесь и от всего воздерживайтесь, *да никтоже приимет венца* вашего (Откр. 3, 11). Ибо воистину стыд великий, что те, которые подвизаются на ристалищах в телесных и внешних подвигах, в пять раз больше от всего воздерживаются, чтобы получить какой-нибудь тленный венец из дикой маслины, или из пальмовой ветви, или из финиковой, или из лавровой, или из миртовой, или из другого какого растения; а вы, имеющие получить такой нетленный венец, проводите жизнь свою в нерадении и беспечности. Не пробудит ли вас от этого сна хоть слово святого Павла, который говорит: *Не весте ли, яко текущии в позорищи, вси убо*

текут, един же приемлет почесть; тако тецыте, да постигнете. Всяк же подвизаяйся от всех воздержится: и они убо да истленен венец приимут, мы же неистленен (1 Кор. 9, 24–25).

Если же, воодушевившись ревностью, сподобитесь вы такой победы и таких светлых венцов, то не забудьте тогда, братия мои, помолиться ко Господу о прощении грехов и того, кто был вам споспешником к получению такого блага посредством настоящей книги. Прежде же всего не забудьте воздеть очи свои к небу и воздать благодарение и славу первому Источнику и Совершителю такой вашей победы, Богу и Началовождю вашему Иисусу Христу, говоря каждый к Нему оное Зоровавелево слово: *от Тебя, Господи, победа... и Твоя есть слава; я же точию раб Твой* (ср.: 2 Езд. 4, 59), и другое, пророком Давидом изреченное: *Тебе, Господи, величество, и сила, и слава, и одоление, и исповедание, и крепость...* (1 Пар. 29, 11), ныне и во веки веков. Аминь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

В чем состоит христианское совершенство. Для стяжания его необходима брань. Четыре вещи, крайне потребные для успеха в сей брани

Все мы естественно желаем и заповедь имеем быть совершенными. Господь заповедует: *будите убо вы совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48); святой Павел убеждает: *злобою младенствуйте, умы же совершени бывайте* (1 Кор. 14, 20); в другом месте у него же читаем: *да будете совершени и исполнени* (Кол. 4, 12), и опять: *на совершение да ведемся* (Евр. 6, 1). Предначертывалась эта заповедь и в Ветхом Завете. Так, Бог говорит Израилю во Второзаконии: *совершен да будеши пред Господем Богом твоим* (Втор. 18, 13). И святой Давид то же заповедует сыну своему Соломону: *и ныне, Соломоне, сыне мой, да знаеши Бога отец твоих и служи Ему сердцем совершенным и душевною волею* (1 Пар. 28, 9). После сего не можем не видеть, что Бог требует от христиан

полноты совершенства, требует, то есть, чтобы мы были совершенны во всех добродетелях.

Но если ты, возлюбленный во Христе читатель мой, желаешь достигнуть такой высоты, надобно тебе наперед узнать, в чем состоит христианское совершенство. Ибо не узнавши этого, можешь уклониться с настоящего пути и, думая, что течешь к совершенству, направляться совсем в другую сторону.

Скажу прямо: самое совершенное и великое дело, которого только может желать и достигнуть человек, есть сближение с Богом и пребывание в единении с Ним.

Но немало таких, которые говорят, что совершенство жизни христианской состоит в пощениях, бдениях, коленопреклонениях, спании на голой земле и в других подобных строгостях телесных. Иные говорят, что оно состоит в совершении многих молитвословий дома и в выстаивании долгих служб церковных. А есть и такие, которые полагают, что совершенство наше всецело состоит в умной молитве, в уединении, отшельничестве и молчании. Наибольшая же часть ограничивает сие совершенство точным исполнением всех, уставом положенных подвижнических деланий, не уклоняясь ни к излишеству, ни к недостатку в чем-либо, а держась золотой середины. Однако ж все эти добродетели одни не составляют искомого христианского совершенства, но суть лишь средства и способы к достижению его.

Что они суть средства и средства действенные к достижению совершенства в христианской жизни — в этом нет никакого сомнения. Ибо видим очень многих добродетельных мужей, которые проходят, как должно, сии добродетели, с той целью, чтобы получить через это силу и мощь против своей греховности и худости, чтобы почерпнуть из них мужество противостоять искушениям и обольщениям трех главных врагов наших: плоти, мира и диавола, чтобы запастись в них и через них духовными пособиями, столь необходимыми для всех рабов Божиих, особенно же для новоначальных. Они постятся, чтобы смирить плоть свою буйную; совершают бдения, чтобы изощрять око свое умное; спят на голой земле, чтобы не разнеживаться сном; связывают язык молчанием и уединяются, чтобы избежать и малейших поводов к учинению чего-либо оскорбляющего Всесвятого Бога; творят молитвы, выстаивают службы церковные и иные совершают дела благочестия для того, чтобы внимание их не отходило от вещей небесных; читают о жизни и страданиях Господа нашего не для другого чего, как для того, чтобы лучше познать собственную свою худость и благосердую благость Божию, чтобы научиться и расположиться последовать Господу Иисусу Христу с самоотвержением и крестом на раменах своих и чтобы паче и паче возгревать в себе любовь к Богу и нелюбие к себе.

Но, с другой стороны, эти же добродетели тем, которые в них полагают всю основу своей жизни и своего упования, могут причинить больший вред, нежели явные их опущения, не сами по себе, потому что они благочестны и святы, а по вине тех, которые не как должно пользуются ими, — именно, когда они, внимая только сим добродетелям внешне совершаемым, оставляют сердце свое тещи в собственных своих волениях и в волениях диавола, который, видя, что они соступили с правого пути, не мешает им не только с радостью подвизаться в этих телесных подвигах, но и расширять и умножать их по суетному их помыслу. Испытывая при сем некоторые духовные движения и утешения, делатели сии начинают думать о себе, что возвысились уже до состояния чинов ангельских и чувствуют в себе присутствие Самого Бога; иной же раз, углубившись в созерцание каких-либо отвлеченных, неземных вещей, мечтают о себе, будто совсем выступили из области мира сего и восхищены до третьего неба.

Но как погрешительно действуют таковые и как далеко отстоят от истинного совершенства, это всякий может уразуметь, судя по жизни их и по их нраву. Они обыкновенно желают, чтоб их предпочитали другим во всяком случае; они любят жить по своей воле и всегда упорны в своих решениях; они слепы во всем, что касается их самих, но весьма зорки и

старательны в разбирательстве дел и слов других; если кто начнет пользоваться почетом у других, какой, как им думается, имеют они, они не могут этого стерпеть и явно делаются немирными к нему; если кто помешает им в их благочестивых занятиях и подвижнических деланиях, особенно — Боже, сохрани! — в присутствии других, они тотчас возмущаются, тотчас кипятятся гневом и становятся совсем другими, на себя непохожими.

Если Бог, желая привести их к познанию себя самих и направить на истинный путь к совершенству, пошлет им скорби и болезни или попустит подвергнуться гонениям, которыми обычно Он испытывает, кто истинные и настоящие рабы Его, тогда обнаруживается, что сокрывалось в сердце их и как глубоко растлены они гордостью. Ибо, какая бы ни случилась с ними прискорбность, они не хотят подклонить выю свою под иго воли Божией, упокоеваясь на праведных и сокровенных судах Его, и не желают, по примеру смирившего Себя ради нас и пострадавшего Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, смирить себя паче всех тварей, почитая любезными друзьями гонителей своих, как орудия божественной к ним благостыни и поспешников их спасения.

Почему очевидно, что они находятся в великой опасности? Имея внутреннее свое око, то есть ум

свой, помраченным, им смотрят они и на самих себя, и смотрят неверно. Помышляя о внешних своих делах благочестия, что они хороши у них, они думают, что достигли уже совершенства, и, возгордеваясь от этого, начинают осуждать других. После сего нет уже возможности, чтоб кто-либо из людей обратил таковых, кроме особого Божия воздействия. Удобнее обратится на добро явный грешник, нежели скрытный, укрывающийся под покровом видимых добродетелей.

Теперь, узнавши так ясно и определенно, что духовная жизнь и совершенство не состоят в одних тех видимых добродетелях, о которых мы сказали, узнай и то, что она не состоит и в другом чем, кроме как в сближении с Богом и в единении с Ним, как сказано вначале, — в связи с чем состоят сердечное исповедание благости и величия Божия и сознание собственной нашей ничтожности и склонности на всякое зло; любовь к Богу и нелюбие к себе самим; подчинение себя не только Богу, но и всем тварям из любви к Богу; отвержение всякой собственной нашей воли и совершенная покорность воле Божией; и при том желание всего этого и совершение от чистого сердца, *во славу Божию* (см.: 1 Кор. 10, 31), только для одного благоугождения Богу, только потому, что так хочет Он Сам и что так надлежит нам любить Его и работать Ему.

Вот закон любви, начертанный перстом Самого Бога в сердцах верных рабов Его! Вот отвержение самих себя, какого требует от нас Бог! Вот благое иго Иисуса Христа и легкое бремя Его! Вот покорность воле Божией, которой требует от нас Искупитель наш и Учитель и собственным примером Своим и Своим словом! Ибо не повелел ли наш Начальник и Совершитель нашего спасения Господь Иисус говорить в молитве своей к Небесному Отцу: *Отче наш!.. да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Мф. 6, 10)? И Сам Он, вступая в подвиг страданий, не возглашал ли: *не Моя, Отче, но Твоя да будет воля* (ср.: Лк. 22, 42)! И о всем деле Своем не сказал ли: *снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38)?

Видишь теперь, брате, в чем дело. Предполагаю, что ты изъявляешь готовность и порываешься достигнуть высоты такого совершенства. Буди благословенно рвение твое! Но уготовься и на труд, пот и борение с первых же шагов течения твоего. Все должен ты предать в жертву Богу и творить одну волю Его. Но ты в себе самом встретишь столько волений, сколько у тебя сил и потребностей, которые все требуют удовлетворения, невзирая на то, согласно ли то с волей Божией. Потому для достижения возжеланной тобою цели тебе необходимо сначала подавлять

свои собственные воления, а наконец и совсем их погасить и умертвить; а чтоб успеть в этом, должно тебе непрестанно себе противиться в худом и принуждать себя на доброе; иначе — должно непрестанно бороться с собою и со всем, что благоприятствует твоим волениям, возбуждает и поддерживает их. Уготовься же на такое борение и на такую брань и ведай, что венец — достижение возжеланной тобою цели — не дается никому, кроме доблестных воителей и борцов.

Но сколько брань сия наитруднейша есть паче всякой другой, — так как, вступая в брань с собою, в себе же самих встречаем и противовоителей, — столько же победа в ней наиславнейша паче всякой другой и, главное, паче всего благоугоднейша Богу. Ибо если, воодушевясь ревностью, победишь и умертвишь беспорядочные страсти свои, свои похотения и воления, то благоугодишь Богу паче и поработаешь Ему благолепнее, нежели избичевывая себя до крови и истощая себя постом больше всех древних пустынножителей. Даже то, если ты, искупив сотни рабов-христиан из рабства у нечестивых, дашь им свободу, не спасет тебя, если ты при этом сам пребываешь в рабстве у страстей. И какое бы вообще дело, будь оно самое великое, не предпринял ты и с каким трудом и какими пожертвованиями не совершил бы его, не доведет оно до той цели, какую достигнуть

возжелал ты, если притом ты оставляешь без внимания страсти свои, давая им свободу жить и действовать в тебе.

Наконец, после того как узнал ты, в чем состоит христианское совершенство и что для достижения его необходимо тебе вести непрестанную и жестокую брань с самим собою, надлежит тебе, если истинно желаешь сделаться победителем в сей невидимой брани и сподобиться достодолжного за то венца, водрузить в сердце своем следующие четыре расположения и духовные делания, как бы облещись в невидимые оружия, самые благонадежные и всепобедительные, именно: а) никогда ни в чем не надеяться на себя; б) носить в сердце всегда полное и вседерзновенное упование на единого Бога; в) непрестанно подвизаться; г) всегда пребывать в молитве.

Глава вторая

Никогда ни в чем не должно верить себе самим и надеяться на самих себя

Не полагаться на самих себя, возлюбленный мне брате, столь необходимо в нашей брани, что без сего, будь в том уверен, не только не возможешь одержать желаемой победы, не устоишь даже в самом незначительном нападении на тебя врага. Запечатлей это поглубже в уме своем и сердце.

Со времени преступления прародителя нашего мы, несмотря на расслабление своих духовно-нравственных сил, обыкновенно думаем о себе очень высоко. Хотя каждодневный опыт очень впечатлительно удостоверяет нас в лживости такого о себе мнения, мы в непонятном самопрельщении не перестаем верить, что мы нечто, и нечто немаловажное. Эта, однако ж, духовная немощь наша, весьма трудно притом замечаемая и сознаваемая, паче всего в нас противна Богу, как первое исчадие нашей самости и самолюбия и источник, корень и причина всех страстей и всех наших падений и непотребств. Она затворяет

ту дверь в уме или духе, через которую одну обыкновенно входит в нас благодать Божия, не давая благодати сей войти внутрь и возобитать в человеке. Она и отступает от него. Ибо как может благодать для просвещения и помощи войти в того человека, который думает о себе, что он есть нечто великое, что сам все знает и не нуждается ни в чьей сторонней помощи? Господь да избавит нас от такой люциферовской болезни и страсти! Имеющих эту страсть самомнения и самоценности Бог строго укоряет через пророка, говоря: *горе, иже мудри в себе самих, и пред собою разумни* (Ис. 5, 21). Почему апостол и внушает нам: *не бывайте мудри о себе* (Рим. 12, 16).

Ненавидя же это злое в нас самомнение, Бог ничего, напротив, так не любит и так не желает видеть в нас, как искреннее сознание своей ничтожности и полное убеждение и чувство, что всякое в нас добро, в нашем естестве и нашей жизни, происходит от Него единого как источника всякого блага и что от нас не может произойти ничего истинно доброго: ни помысл добрый, ни доброе дело. Почему Сам же Он и печется промыслительно насадить этот небесный росток в сердцах возлюбленных другов Своих, возбуждая в них неценение себя и утверждая ненадеяние на себя, иногда через благодатное воздействие и внутреннее озарение, иногда внешними ударами и скорбями, иногда нечаянными и почти непреодолимыми

искушениями, а иногда и другими способами, для нас не всегда понятными.

При всем том, однако ж, то есть хотя это нечаяние от себя ничего доброго и ненадеяние на себя есть Божие в нас дело, мы и со своей стороны должны делать всякие усилия для стяжания такого расположения, делать все, что можем и что в нашей власти. И я, брате мой, намечаю тебе здесь четыре делания, в силу которых ты, с Божией помощью, можешь улучить, наконец, неверие себе, или то, чтоб никогда ни в чем на себя не надеяться.

а) Познай свое ничтожество и постоянно содержи в мысли, что ты сам собой не можешь делать никакого добра, за которое оказался бы достойным Царствия Небесного. Слушай, что говорят богомудрые отцы: Петр Дамаскин уверяет, что «ничего нет лучше, как познать свою немощность и неведение, и ничего нет хуже, как не сознавать этого» (греческое «Добротолюбие». С. 611). Святой Максим Исповедник учит, что «основание всякой добродетели есть познание человеческой немощности» (там же. С. 403). Святой Златоуст утверждает, что «тот только и знает себя наилучшим образом, кто думает о себе, что он ничто».

б) Ищи помощи в сем у Бога в теплых и смиренных молитвах, ибо это Его есть дар. И если ты желаешь получить его, то тебе надлежит прежде водво-

рить в себе убеждение, что ты не только не имеешь такого о себе сознания, но что и стяжать его совсем не можешь сам собой; затем, дерзновенно предстоя пред величием Бога и твердо веруя, что по безмерному Своему благоутробию, Он всеконечно дарует тебе такое себя познание, когда и как знает, не допускай уже отнюдь ни малейшего сомнения, что ты действительно получишь его.

в) Привыкай всегда опасаться за себя и бояться бесчисленных врагов своих, которым не можешь ты противостоять и малое время; бойся долгого их навыка вести с нами брань, их вселукавства и засад, их преображения в ангелов света, их бесчисленных козней и сетей, которые тайно расставляют они на пути твоей добродетельной жизни.

г) Если впадешь в какое-либо прегрешение, как можно живее обращайся к узрению немощности своей и сознанию ее. На тот конец Бог и попустил тебя пасть, чтобы ты лучше познал слабость свою и таким образом не только сам научился презирать себя самого, но возжелал быть презираемым и от других по причине толикой слабости своей. Ведай, что без такого желания невозможно возродиться в тебе и укорениться благодетельному неверию себе, в котором основание и начало истинного смирения и которое само имеет основу в сказанном опытном познании своего бессилия и своей ненадежности.

Из сего всякий видит, сколь необходимо для желающего стать причастником Света Небесного познать самого себя и как к таковому познанию благость Божия гордых и самонадеянных обычно приводит посредством их падений, праведно попуская им впасть в то самое прегрешение, от которого предохранить себя они сами себя считают довольно сильными, да познают немощность свою и да не дерзают более полагаться на себя как в этом, так и во всем другом.

Однако ж это средство, хотя и очень действенное, но и не безопасное, Бог не всегда употребляет, но когда уже все другие средства, более легкие и свободные, о которых мы помянули, не приводят человека к самопознанию. Тогда уже наконец попускает Он человеку падать в грехи, большие или малые, судя по великости или малости его гордости, самомнения и самонадеянности, так что где нет такого самомнения и самонадеянности, там не бывает и вразумительных падений. Посему, когда случится тебе пасть, спешно беги помыслами к смиренному самопознанию и уничиженному о себе мнению и чувству и докучательной молитвой взыщи у Бога дарования тебе истинного света для познания ничтожности своей и утверждения сердца своего в ненадеянии на себя, чтобы опять не впасть в то же или еще в более тяжкое и разорительное прегрешение.

Прибавлю к сему, что не только когда кто впадет в какой-либо грех, но и когда подпадает какому несчастью, бедствию и скорби, особенно телесной болезни, нелегкой и долговременной, должно ему разуметь, что сие страждет он, чтобы пришел в самопознание, а именно в сознание своей немощности, и смирился. На этот конец и для этой цели попускается Богом, чтобы находили на нас всякого рода искушения от диавола, от людей и от поврежденного естества нашего. И святой Павел, эту цель видя в искушениях, каким подвергался он в Асии, говорил: *сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, восставляющаго мертвыя* (2 Кор. 1, 9).

И еще приложу: кто хочет познать немощность свою из самой действительной своей жизни, тот пусть, не говорю много дней, но хоть один день понаблюдает свои помыслы, слова и дела — о чем думал, что говорил и делал. Несомненно, найдет он, что большая часть его помыслов, слов и дел были погрешительны, неправы, неразумны и худы. Такой опыт впечатлительно даст ему понять, сколь он нестроен в себе и немощен, а от такого понятия, если он искренне желает себе добра, доведет до восчувствования, сколь нелепо ожидать какого-либо добра от себя одного и надеяться на себя.

Глава третья

О надежде на единого Бога и уверенности в Нем

Хотя в невидимой нашей брани столь необходимо, как мы сказали, отнюдь не надеяться на себя самих, при всем том, если мы только отложим всякую на себя надежду и отчаемся в себе, не приискавши другой опоры, то или тотчас убежим с поля брани, или всеконечно будем побеждены и взяты в плен врагами нашими. Посему вместе с совершенным от себя самих отречением потребно еще нам водрузить в сердце совершенное упование на Бога и полную в Нем уверенность, то есть потребно полным сердцем чувствовать, что нам решительно не на кого надеяться, как на Него одного, и ни от кого другого, как от Него одного, можем мы ожидать всякого добра, всякой помощи и победы. Ибо как от самих себя, которые есмы ничто, не ожидаем мы ничего, кроме преткновений и падений, по причине которых и отлагаем всякую на себя надежду, так, напротив, всеконечно от Бога получим мы всякую победу, как только во-

оружим сердце свое живым на Него упованием и полной уверенностью в получении от Него помощи по следующему псаломскому свидетельству: *на Него упова сердце мое, и поможе ми* (Пс. 27, 7).

Утвердиться в такой надежде и ради нее помощь всякую получить помогут нам следующие помышления:

а) То, что ищем помощи у Бога, Который, как Всемогущий, может сделать все, что ни восхощет; следовательно, и нам может помочь.

б) То, что ищем ее у Бога, Который, как Всеведущий и Премудрый, знает все наисовершеннейшим образом; следовательно, вполне знает и то, что пригоднее для спасения каждого из нас.

в) То, что ищем такой помощи у Бога, Который, как бесконечно Благий, с неизреченной любовью предстоит нам, всегда желательно готовый с часу на час и с минуты на минуту подать всякую помощь, потребную нам для одержания полной победы в духовной, действующейся в нас брани, тотчас, как только притечем в объятия Его с твердым упованием.

И как возможно, чтобы добрый оный Пастырь наш, Который три лета ходил, ища погибшее овча, с таким сильным гласом, что исссуше гортань Его, и ходил стезями столь трудными и тернистыми, что пролил кровь Свою всю и отдал жизнь, как, говорю, возможно, чтобы Он теперь, когда овча сие идет

вслед Его, с любовью обращается к Нему и упо-вательно призывает Его на помощь, не обратил очей Своих на него, не взял его на Божественные рамена Свои и, принесши в сонм Ангелов небесных, не устроил с ними празднственного по сему случаю торжества? Если Бог наш не перестает искать с великим тщанием и любовью, чтобы найти, подобно евангельской драхме, слепого и глухого грешника, как возможно допустить, чтобы Он оставил его теперь, когда он, как овча погибшее, вопиет и зовет Пастыря своего? И кто поверит когда, чтобы Бог, Который непрестанно толкает в сердце человека, желая войти внутрь и вечерять с ним, по апокалипсическому слову (см.: Откр. 3, 20), сообщая ему дары Свои, кто поверит, чтобы сей самый Бог, когда человек открывает Ему свое сердце и призывает Его, оставался глухим и не желал войти в него?

г) Четвертый, наконец, способ к оживлению твердого упования на Бога и привлечению Его скорой помощи есть пересматривание в памяти всех опытов скорой от Бога помощи, изображенных в Божественном Писании. Опыты сии, столь многочисленные, наияснейше показывают нам, что никогда не был оставляем постыженным и беспомощным никто из возуповавших на Бога. *Воззрите на древния роды*, — взывает премудрый Сирах, — *и видите, кто верова Господеви и постыдеся?* (Сир. 2, 10).

Такими четырьмя оружиями облекшись, брате мой, мужественно выступай на дело брани и веди ее бодренно, в полной уверенности, что тебе дано будет одержать победу. Ибо ими всеконечно стяжешь ты совершенное упование на Бога, а такое упование непрестанно будет привлекать к тебе помощь Божию и облекать всепобедительной силой. То же и другое наконец глубоко укоренит в тебе полное ненадеяние на себя. Об этом ненадеянии на себя я не пропускаю случая напомнить тебе и в этой главе, потому что не знаю, кому когда не было бы нужды напоминать о сем. Так глубоко внедрилось в нас и так крепко сцепилось с нами это самоценение, будто мы нечто, и нечто немалое, что оно всегда скрытно живет в сердце нашем, как некое тонкое и незаметное движение, даже и тогда, как мы уверены, что никакого не имеем упования на себя, а, напротив, исполнены полного упования на единого Бога. Чтобы избегать тебе, сколько можешь, такого сердечного самомнения и действовать без всякого на себя надеяния, а с единым упованием на Бога, всякий раз настраивайся так, чтобы сознание и чувство своей немощности у тебя предшествовало созерцанию всемогущества Божия, а то и другое предшествовало каждому деянию твоему.

Глава четвертая

Как можно узнать, с ненадеянием ли на себя и совершенной надеждой на Бога действует кто

Нередко случается, что иные самонадеянные думают, будто не имеют никакой на себя надежды, а все упование свое возлагают на Бога и в Нем одном почивают своей уверенностью. На деле же не бывает так. В этом сами они могут удостовериться, судя по тому, что бывает в них и с ними после того, как случится им пасть как-нибудь. Если они, скорбя о падении, укоряя и браня себя за то, в то же время замышляют: «Сделаю то и то, следствия падения загладятся, и у меня опять все пойдет как следует», — то это верный знак, что и прежде падения своего они надеялись на самих себя, а не на Бога. И чем скорбь их при этом мрачнее и безотраднее, тем обличительнее, что они слишком много уповали на себя и очень мало на Бога, оттого скорбь падения их и не растворяется никакой отрадой. Кто же не полагается на себя, но уповает на Бога, тот, когда падет, не слишком ди-

вится сему и не подавляется чрезмерной скорбью, ибо знает, что это случилось с ним, конечно, по немощности его, но паче по слабости упования его на Бога. Почему вследствие падения усиливает ненадеяние свое на себя, паче же тщится усугубить и углубить смиренное упование свое на Бога, а далее, ненавидя непотребные страсти, бывшие причиной его падения, спокойно и мирно несет за оскорбление Бога покаянные труды и, вооружась зельным [крепким] упованием на Бога, с величайшим мужеством и решительностью преследует врагов своих даже до смерти.

О сказанном пред сим желал бы я, чтобы поразмыслили некоторые личности, думающие о себе, что они добродетельны и духовны, которые, когда впадут в какое-либо прегрешение, мучатся и томятся и покоя себе не находят, и, уже истомившись от этой печали и томления, происходящих у них не от чего другого, как от самолюбия, бегут по тому же опять побуждению самолюбия к духовному отцу своему, чтобы освободиться от такой тяготы. А им следовало это сделать тотчас по падении, и сделать не по чему другому, как по желанию поскорее омыть скверну греха, оскорбившего Бога, и приять новую силу против себя самого, в святейшем Таинстве Покаяния и Исповедания.

Глава пятая

О погрешительности мнения тех, которые почитают чрезмерную печаль добродетелью

При этом погрешают те, которые почитают добродетелью чрезмерную печаль, бывающую у них после учинения греха, не разумея, что это происходит у них от гордости и самомнения, утверждающихся на том, что они слишком много надеются на себя и на силы свои. Ибо, думая о себе, что они суть нечто немалое, они взяли на себя многое, надеясь сами справиться с тем. Видя же теперь из опыта своего падения, что в них нет никакой силы, они изумляются, как встречающие нечто неожиданное, мятутся и малодушествуют, ибо видят падшим и простертым на земле тот самый истукан, то есть себя самих, на который возлагали все свои чаяния и надежды. Но этого не бывает со смиренным, который на единого Бога уповает, ничего решительно доброго не чая от себя самого. Посему и когда впадает в какое бы ни было прегрешение, хотя чувствует тяготу этого и пе-

чалится, однако ж не мятется и не колеблется недоумениями, ибо знает, что это случилось с ним от его собственного бессилия, опыт которого в падении для него не неожиданная новость.

Глава шестая

Некоторые ведения, служащие к очертанию предела и пространства неверия себе и полного упования на Бога

Поскольку вся сила, коей побеждаются враги наши, порождается в нас от неверия себе самим и упования на Бога, то надлежит тебе, брате мой, запастись точными ведениями относительно сего, чтоб с Божией помощью всегда носить в себе и хранить такую силу. Ведай убо твердо-натвердо, что ни все способности и добрые свойства, естественные ли то или приобретенные; ни все дарования, даром дарованные; ни знание всего Писания; ни то, если мы долгое время работали Богу и навык приобрели в сем работании Ему; ни все это вместе не даст нам верно исполнять волю Божию, если при каждом богоугодном, добром деле, которое предлежит нам совершить; при каждой беде, которой ищем избегнуть; при каждом кресте, который должны понести по воле Бога нашего; если, говорю, во всех таких и подобных им случаях не воодушевит сердца нашего

особая некая помощь Божия и не подаст нам силы к совершению достодолжного, как сказал Господь: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5); так что всю жизнь свою, все дни и все минуты мы неотложно должны хранить в себе неизменным такое в сердце чувство, убеждение и настроение, что ни по какому поводу, ни по какому помыслу непозволительно нам положиться и возуповать на самих себя.

Относительно же упования на Бога, к тому, что я сказал уже в третьей главе, приложи еще следующее: ведай притом, что ничего нет легче и удобнее для Бога, как сделать, чтобы ты победил врагов своих, будь их не много или много, будь они старые и сильные или будь новые и малосильные. Однако ж на все у Него свое время и свой порядок. Посему пусть иная душа чрезмерно обременена грехами, пусть она повинна во всех преступлениях мира, пусть осквернена так, как только может кто вообразить, и пусть она притом, сколько хотела и сколько могла, употребляла всякое средство и всякий подвиг, чтобы отстать от греха и обратиться на путь добра, но никак не могла установиться ни в чем достодолжном, даже самом малом, а, напротив, еще глубже погружалась в зло — пусть она такая; при всем том, однако ж, отнюдь не должно ей ослабевать в уповании на Бога и отступать от Него, не должно ей оставлять ни орудий, ни подвигов своих духовных, но должно

бороться и бороться с собой и с врагами, со всем мужеством и неутомимостью. Ибо ведая, ведай, что в этой невидимой брани только тот не теряет, кто не перестает бороться и уповать на Бога, Которого помощь никогда не отступает от борющихся в Его полках, хотя иной раз Он попускает получать им и раны. Посему борись каждый, не уступая, потому что в этом неотступном борении все дело. У Бога же всегда готовы и врачевство поражаемым от врагов, и помощь на поражение их, которые в должное время и подает Он борцам Своим, ищущим Его и твердую на Него имеющим надежду; в час, когда не чают, увидят они, как исчезают гордые враги их, как написано: *оскудеша крепцыи вавилонстии еже ратовати* (Иер. 51, 30).

Глава седьмая

О том, как надлежит нам упражнять ум свой, чтобы он не недуговал неведением

Если неверие себе и упование на Бога, столь необходимые в нашей духовной брани, останутся в нас одни, то мы не только не получим победы, а, напротив, низринемся еще в большее зло. Потому вместе с ними и при них надлежит нам вести и особого рода делания, или обучительные упражнения духовные.

В числе упражнений сих на первом месте должны стоять упражнения ума и воли.

Ум надлежит избавить и хранить от неведения, столь ему враждебного, так как оно, омрачая его, не дает ему ведать истину — собственный его предмет и цель стремлений его. Для этого надо его упражнять, чтобы он был светел и чист и мог хорошо различать, что требуется для нас, чтоб очистить душу от страстей и украсить ее добродетелями.

Такой светлости ума можем мы достигнуть двумя способами: первый, и более необходимый, есть молитва, которою надлежит умолять Духа Святого,

да благоволит Он излить свет Божественный в сердца наши, что, наверное, и сотворит Он, если воистину будем мы искать единого Бога, если искренне будем ревновать о том, чтоб во всем поступать по воле Его, и если в каждом деле будем охотно подчинять себя совету опытных духовных отцов наших и ничего не делать без вопрошения их.

Второй способ упражнения ума есть постоянное рассматривание вещей и углубление в познание их, чтоб ясно видеть, какие из них хороши и какие худы; не так, как судит о них чувство и мир, но как судит правый разум и Дух Святой или истинное слово Богодухновенных Писаний и духоносных отцов и учителей Церкви. Ибо когда такое рассматривание и углубление будет правое и подобающее, то всеконечно оно даст нам ясно уразуметь, что мы должны от сердца ни во что вменять и почитать суетным и ложным все, что любит и что всячески ищет слепой и развращенный мир.

Именно, что почести, удовольствия и богатства мира суть не что иное, как суета и смерть души; что поношения и злохуления, какими преследует нас мир, доставляют истинную нам славу, а его скорби — радость; что прощение врагам нашим и делание им добра есть истинное великодушие — одна из величайших черт Богоподобия; что больше являет силы и власти тот, кто презирает мир, чем тот, кто властву-

ет над целым миром; что охотное послушание есть действие, более обнаруживающее мужества и твердости духа, чем подчинение себе великих царей и повелевание ими; что смиренное самопознание должно предпочитать всем другим самым высоким познаниям; что победить и умертвить свои недобрые склонности и похотения, как бы они ни были незначительны, большей достойно похвалы, чем взятие многих крепостей, чем разбитие сильных полчищ, добре вооруженных, чем даже творение чудес и воскрешение мертвых.

Глава восьмая

О том, почему неправо судим мы о вещах и как стяжать правые о них суждения

Причина, почему неправо судим мы о вещах, о коих сказано пред сим, та, что не всматриваемся в глубь их, чтоб видеть, что они суть, а воспринимаем любовь к ним или отвращение тотчас с первого на них взгляда и по их видимости. Это полюбление их или отвращение к ним предзаемлют ум наш и омрачают его, почему он и не может право судить о них, как они есть воистину. Итак, брате мой, если желаешь, чтобы такая прелесть не находила места в уме твоем, внимай себе добре; и когда или видишь очами своими, или в уме представляешь какую вещь, держи, сколько можешь, желания свои и не позволяй себе с первого раза ни любовно расположиться к сей вещи, ни отвращения к ней возыметь, но рассматривай ее отрешенно одним умом. В таком случае ум, не будучи омрачен страстью, бывает в своем естестве свободен и чист и имеет возможность познать истину, проникнуть в глубь вещи, где нередко зло укрывает-

ся под лживо-привлекательною наружностью и где сокрываемо бывает добро под недоброй видимостью.

Но если у тебя вперед пойдет желание и сразу или возлюбит вещь, или отвратится от нее, то ум твой не возможет уже познать ее добре, как следует. Ибо такое предваряющее всякое суждение расположение или, лучше сказать, эта страсть, вошедши внутрь, становится стеной между умом и вещью и, омрачая его, делает то, что он думает о сей вещи по страсти, то есть иначе, нежели как она есть на деле, и через это еще более усиливает первоначальное расположение. А оно, чем более простирается вперед или чем более возлюбляет и возненавидевает вещь, тем более омрачает ум в отношении к ней и наконец совсем его затемняет. И тогда страсть к той вещи возрастает до крайнего предела, так что она кажется человеку любезной или ненавистной более всякой вещи, когда-либо им любимой или ненавидимой. Таким-то образом бывает, что, когда не соблюдается показанное мной правило, то есть чтоб удерживать желание от возлюбления или от возненавидения вещи прежде осуждения ее, тогда обе эти силы души, то есть ум и воля, всегда зле преуспевают, все более и более погружаясь из тьмы во тьму и от прегрешения в прегрешение.

Итак, блюдись, возлюбленный, со всем вниманием от любви или отвращения к какой-либо вещи

по страсти, прежде чем успеешь ее добре рассмотреть при свете разума и правого слова Божественных Писаний, при свете благодати и молитвы и при помощи рассуждения духовного отца твоего, чтоб не погрешить и не счесть истинно доброго за худое и истинно худого за доброе; как это большей частью случается с такого рода некоторыми делами, которые сами по себе добры и святы, но по обстоятельствам, именно потому, что совершаемы бывают или не вовремя, или не к месту, или не в должной мере, причиняют немалый вред тем, которые их совершают. И из опыта знаем, каким бедам подвергались некоторые от подобных похвальных и святых дел.

Глава девятая

О хранении ума от бесполезного многоведения и праздной пытливости

Как необходимо, как сказали мы, блюсти ум от неведения, так равно необходимо блюсти его и от противоположного неведению многоведения и любопытства. Ибо коль скоро наполним мы его множеством ведений, представлений и помыслов, не исключая и суетных, непотребных и вредных, то сделаем его бессильным, и он не возможет уже добре уразумевать, что пригодно к истинному самоисправлению нашему и совершенству. Почему надлежит тебе так себя держать в отношении к ведению о земных вещах, хотя иной раз позволительных, но не необходимых, как бы ты был уже умершим; и, собирая всегда ум свой внутрь себя, сколько можно сосредоточеннее, оставлять его праздным от мыслей о всех вещах мира.

Сказания о бывшем и новые сведения о бывающем да мимо идут тебя, и все перевороты в мире и царствах да будут для тебя такими, как бы их совсем

не было, а когда кто принесет тебе их, отвратись от них и далеко отрей их от своего сердца и воображения. Слушай, что говорит святой Василий: «Да будет тебе горьким вкушением слышание мирских вестей и сотами меда сказание мужей преподобных» (Добротолюбие. Ч. 5. С. 52); внемли и тому, что вещает пророк Давид: *поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой, Господи* (Пс. 118, 85). Возлюби же внимать лишь духовным и небесным вещам и изучать их, и ничего в мире не хоти знать, кроме Господа *Иисуса Христа, и Сего распята* (1 Кор. 2, 2), кроме Его жизни и смерти и кроме того, что Он требует от тебя. Действуя так, будешь действовать благоугодно Богу, Который избранными и возлюбленными имеет тех, которые Его любят и тщатся творить волю Его.

Всякое другое расследование и разузнавание есть порождение и пища самолюбия и гордости; это — узы и сети диавола, который, видя, как воля тех, которые внимают духовной жизни, сильна и крепка, покушается победить ум их такими любопытствами, чтоб таким образом овладеть и им, и той. Для этого он обыкновенно влагает в них мысли высокие, тонкие и изумляющие, особенно тем из них, которые остроумны и скоры на высокоумничанье. И они, увлекаясь удовольствием иметь и рассматривать такие высокие помыслы, забывают блюсти чистоту своего

сердца и внимать смиренному о себе мудрованию и истинному самоумерщвлению; и таким образом, будучи опутываемы узами гордости и самомнения, делают себе идола из своего ума, а вследствие того мало-помалу, сами того не чувствуя, вдаются в помысл, что не имеют уже более нужды в совете и вразумлении других, так как привыкли во всякой нужде прибегать к идолу собственного разумения и суждения.

Это дело крайне опасное и трудно врачуемое; гордость ума гораздо бедственнее, чем гордость воли. Ибо гордость воли, будчи явна для ума, может быть иной раз им удобно уврачевана через подклонение ее под иго должного. Ум же, когда самонадеянно утвердился в мысли, что его собственные суждения лучше всех других, кем, наконец, может быть уврачеван? Может ли он кого-либо послушаться, когда уверен, что суждения всех других не так хороши, как его собственные? Когда же это око души — ум, помощью которого человек мог бы узнавать и исправлять гордость воли, сам ослеплен гордостью и остается неуврачеванным, кто уврачует и волю? И бывает тогда внутри все расстроено, и притом так, что негде и некому пластыря приложить. Вот почему надлежит тебе как можно скорее воспротивляться этой пагубной гордыне ума, прежде чем она проникнет до мозга костей твоих; воспротивляйся же, обуздывай быстроту ума своего и покорно подчиняй свое мнение

мнению других; будь *буй* [безумен, несмыслен] из любви к Богу, если желаешь быть премудрее Соломона. *Аще кто мнится мудр быти в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет* (1 Кор. 3, 18).

Глава десятая

Как обучить волю свою, чтобы она во всех делах своих, внутренних и внешних, как последней цели искала одного благоугождения Богу

Кроме обучительного упражнения ума своего, надлежит тебе управлять и волей своей так, чтобы не позволять ей склоняться на пожелания свои, а, напротив, вести ее к тому, чтобы она совершенно единой была с волей Божией. И при этом добре содержи в мысли, что недостаточно для тебя того одного, чтобы желать и искать всегда благоугодного Богу, но надлежит еще притом, чтобы ты желал этого, как движимый Самим Богом, и для той единой цели, чтобы угодить Ему от чистого сердца. Для устояния в каковой цели мы имеем выдерживать более сильную борьбу с естеством своим, нежели при всем том, о чем говорено выше. Ибо естество наше так склонно к угождению себе, что во всех делах своих, даже самых добрых и духовных, ищет успокоения и услаждения себя самого и этим незаметно и утаенно, похотливо питается, как пищей.

От сего бывает, что когда предлежат нам духовные дела, мы тотчас вожделеваем их и устремляемся к ним; однако ж не как движимые волей Божией или не с той одной целью, чтоб угодить Богу, но ради того утешения и обрадования, которое порождается в нас, когда вожделеваем и ищем того, чего хочет от нас Бог; каковая прелесть бывает тем скрытнее и утаеннее, чем выше само по себе и духовнее то, чего вожделеваем. Посему я и говорю, что не должно нам довольствоваться тем одним, чтоб желать, чего хочет Бог, но надлежит еще желать сего, как, когда, почему и для чего хочет того Он. И апостол заповедует нам искушать, что есть воля Божия не только благая, но и угодная, и совершенная по всем обстоятельствам, говоря: *не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная, и совершенная* (Рим. 12, 2). Ибо если в деле будет недостаток хоть по одному какому обстоятельству или если мы будем совершать его не от всего произволения и не всеусиленно, то явно, что оно несовершенно и есть и именуется. Заключай из сего, что даже когда вожделеваем мы и ищем Самого Бога, то и в этом деле могут иметь место некие неправости и опущения, и в него могут прокрадываться своего рода льщения нашей к себе любви или нашего самолюбия, так как при этом почасту имеем

мы в виду паче собственное наше благо для себя самих, чем волю Божию для Самого Бога, Который благоугождается делами, только во славу Его творимыми, и хочет, чтоб мы Его одного любили, Его одного вожделевали и Ему одному работали.

Итак, если ты, брате мой, желаешь предохранить себя от таких утаенных препон на пути к совершенству, если желаешь успешно установиться в таком благонастроении, чтоб и желать и делать все только ради того, что того хочет Бог, только во славу Его и для благоугождения Ему, и для работания Ему одному, желающему, чтоб в каждом деле нашем и в каждом помышлении нашем Он один был и началом и концом, — поступай следующим образом.

Когда предлежит тебе какое дело, согласное с волей Божией или само по себе хорошее, не склоняй тотчас воли своей к нему и не вожделевай его, если прежде не вознесешься умом своим к Богу, чтоб уяснить, что есть прямая воля Божия на то, чтоб желать и совершать такие дела, и что они благоугодны Богу. И когда так сложишься в мыслях, что самой волей Божией будет определяться у тебя склонение воли твоей, тогда вожделевай его и совершай ради того, что сего желает Бог, ради одного Ему благоугождения и лишь во славу Его.

Равным образом, когда желаешь отклониться от того, что несообразно с волей Божией или нехорошо,

не тотчас отвращайся от того, но прежде прилепи око ума своего к воле Божией и уясни себе, что прямая есть воля Божия, чтобы ты отклонился от сего для благоугождения Богу. Ибо лесть естества нашего крайне тонка и немногими распознается: оно утаенно ищет одного своего си [себе угодного], а между тем по видимости так ведет дело, что нам кажется, будто единственная у него цель — благоугождать Богу, чего на деле поистине нет.

Таким образом, часто случается, что, желая или не желая чего-либо собственно для себя, в свою угоду, мы думаем, что желаем или не желаем того единственно для угождения Богу. Чтоб избежать такого самопрельщения, исключительное средство — чистота сердца, которая состоит в совлечении ветхого человека и в облечении в нового. К этому направляется вся невидимая брань.

Желаешь ли научиться искусству, как это делать, — послушай. В начале всякого своего дела надлежит тебе совлещись, сколько возможно, всякого собственного хотения и не желать ни делать, ни отклоняться от дела, если прежде не восчувствуешь, что тебя к тому подвигает и устремляет единственно сознание на то воли Божией. Если во всех своих делах внешних, а наипаче внутренних — душевных, не можешь ты всегда действительно чувствовать это подвижение от Бога, удовольствуйся возможностью

его в тебе, а именно: всегда имей искренне такое настроение, чтобы во всяком деле ничего не иметь в виду, кроме единого угождения Богу.

Чтобы действенно чувствовать подвижение от Бога на дело, это бывает или через Божественное просвещение, или мысленное озарение, в которых чистым сердцам созерцательно открывается воля Божия, или через внутреннее вдохновение Божие, внутренним неким словом, или через другие действия благодати Божией, в чистом сердце действуемые, как-то: теплоту животочную, радость неизреченную, взыграния духовные, умиление, сердечные слезы, любовь Божественную и другие Боголюбивые и блаженные чувства, не по воле нашей бывающие, но от Бога, не самодеятельно, а страдательно. Всеми такими чувствами удостоверяемся, что то, что ищем сделать, есть по воле Божией. Прежде же всего надлежит нам теплейшую и чистейшую воссылать к Богу молитву, всеусердно моля Его однажды, дважды и многажды, просветить тьму нашу и вразумить нас. «Трижды помолись, — говорят великие старцы Варсонофий и Иоанн, — и потом, куда склонится сердце твое, то и делай. Не следует притом забывать, что при всех исчисленных внутренних движениях духовных образующиеся в тебе решения должен ты поверять советом и рассуждением опытнейших.

В отношении к делам, которых совершение должно длиться или навсегда, или более или менее долгое время, не только в начале приступания к ним надлежит иметь в сердце искреннее решение трудиться в них только для угождения Богу, но и после, до самого конца должно почасту обновлять такое благонастроение. Ибо если ты не будешь так поступать, то находиться будешь в опасности быть опять оплетенным узами естественной к самому себе любви, которая, клонясь более к самоугодию, нежели к Богоугождению, с продолжением времени нередко успевает незаметно уклонить нас от первоначального доброго благонастроения и доводит до изменения первых добрых намерений и целей. Посему-то Григорий Синаит и написал: «Каждочасно внимай и настроению воли своей с тщательным рассмотрением, куда она клонится: по Богу ли, ради ли самого добра и для пользы душевной сидишь ты безмолвствуя, поешь, читаешь, молишься и другие проходишь подвиги, чтоб иначе без своего ведома не окрадывать тебе самого себя» (греческое «Добротолюбие». Гл. 19. С. 916).

Потому, кто не внимает добре сему, тот после того как начнет делать какое дело с единственой целью благоугодить Господу, потом мало-помалу нечувствительно вводит в то дело и самоугодие, находя в нем и своим пожеланиям удовлетворение, и это

в такой степени, что уже совсем забывает о воле Божией. И связывается он услаждением от того дела так сильно, что если Сам Бог воспрепятствует ему исполнять его или посредством болезни какой, или через искушение от людей и бесов, или другим каким образом, он возмущается против того весь и нередко осуждает то одного, то другого, что послужили ему препоной в любимом ему течении дел, иной же раз ропщет на Самого Бога, что служит явным признаком, что их сердечное настроение не Божие, а породилось от поврежденного и гнилого корня самолюбия.

Ибо, кто подвигаем бывает на дела одним сознанием воли Божией на то и одним желанием угодить чрез то Богу, тот никогда не вожделевает одного дела паче другого, хотя бы одно из них было высоко и велико, а другое — низко и малозначительно, но одинаковое имеет расположение воли к обоим им, поскольку они угодны Богу. Посему таковой высокое ли и великое какое дело делает или низкое и малозначительное, равно бывает покоен и доволен — потому, что всесторонне объят он главным своим намерением и главной своей целью — всегда и во всех делах своих быть лишь благоугождающим Богу, в жизни ли то или в смерти, как говорит и апостол: *темже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти* (2 Кор. 5, 9). Сего ради,

возлюбленне, будь всегда к себе внимателен и сам в себе сосредоточен и старайся всячески направлять дела свои исключительно к сей цели.

Если когда подвигнут будешь на какое-либо дело и по такому побуждению душевному, чтоб избежать мучений ада или получить в наследие рай, то ты можешь и это мысленно направить к последней цели твоей — благоугождать Богу хождением в воле Его, потому что Бог хочет, чтобы ты вошел в рай, а не отошел в ад.

Это побуждение или цель — благоугождать Богу — и познать никому невозможно вполне, какую имеет силу и мощь в духовной жизни нашей. Ибо пусть какое-либо дело будет по себе самое простое и последнее, но когда оно творится единственно для благоугождения Богу и во славу Его, тогда оно бывает несравненно ценнее в очах Божиих, нежели многие другие высокие, славные и величайшие дела, совершаемые не с этой целью. Посему для Бога приятнее видеть, когда ты один динарий дашь бедному с той лишь целью, чтобы благоугодить Божественному Его величеству, нежели когда ты обнажился бы от всего своего имущества с другой какой целью, даже с той, чтобы получить небесные блага, хотя такая цель и добра и желательна.

Этот внутренний подвиг, который должно тебе держать при каждом деле, подвиг — направлять свои

мысли, чувства и дела к одному богоугождению — сначала покажется тебе трудным, но потом он сделается легким и удобным, если, во-первых, непрерывно будешь упражняться в таком духовном делании, а во-вторых, всегда будешь возгревать в себе вожделение Бога, к Нему воздыхая живым устремлением сердца, как к единому совершеннейшему благу, достойному того, чтоб Его искать для Него Самого, Ему служить и Его любить паче всего другого.

Такое искание беспредельного блага в Боге, чем чаще будет происходить в сознании и чем глубже будет проникать в чувство сердца, тем чаще и тем теплее будут совершаться сказанные действия воли нашей и тем скорее и удобнее образуется в нас навык — всякое дело делать по одной любви к Господу и по одному желанию благоугодить Ему, наидостойнейшему всякой любви.

Глава одиннадцатая

Некоторые напоминания, могущие подвигать волю нашу на желание всяким делом благоугождать Богу

Чтобы с бóльшим удобством мог ты подвигать волю свою — во всем желать одного угождения Богу и славы Его, припоминай почаще, что Он прежде разными образами почтил тебя и явил к тебе любовь Свою: создал тебя из ничего по образу и подобию Своему и все другие твари сотворил на служение тебе; избавил тебя от рабства диавола, послав не Ангела какого, но Сына Своего Единородного, чтобы Он искупил тебя не тленною ценой злата и серебра, но бесценной кровью Своей и Своей смертью, самой мучительной и уничижительной; после же всего этого каждый час и каждое мгновение сохраняет тебя от врагов; борется за тебя Божественною благодатью Своей; уготовляет в питание и защищение тебя в Пречистых Тайнах Тело и Кровь возлюбленного Сына Своего.

Все это есть знак великой чести и любви к тебе Бога; чести такой великой, что и постигнуть нельзя,

как столь великий Владыка всяческих оказывает такую честь нашему ничтожеству и непотребству. Суди посему, какое чествование и какое благоговеинство должны мы воздавать столь безмерному Величеству, сотворившему для нас такие и столькие предивные дела. Если земным царям, благодетельствующим нам, не можем мы удержаться, чтобы не воздавать за то благодарением, прославлением, чествованием и повиновением, то в какой безмерной мере должны все такое воздавать мы, ничтожнейшие, Высочайшему Царю всяческих, столь нас возлюбившему и облагодетельствовавшему, что и числа тому невозможно определить.

Паче же всего этого, теперь сказанного, содержи всегда в памяти, что Божеское величие само по себе достойно всякого чествования, поклонения и чистосердечного служения на благоугождение Ему.

Глава двенадцатая

О многих желаниях и стремлениях, сущих в человеке, и о борьбе их между собой

Знай, что в этой невидимой брани две воли, сущие в нас, воюют между собой: одна принадлежит разумной части души и потому называется волей разумной, высшей; а другая принадлежит чувственной нашей части, и потому называется волей чувственной, низшей, вообще же называется она волей бессловесной, плотской, страстной. Высшая воля желает всегда одного добра, а низшая — лишь зла. То и другое совершается само собой, почему ни доброе желание само по себе не вменяется нам в добро, ни злое — во зло. Вменение зависит от склонения нашего свободного произволения; посему, когда склоняемся мы произволением своим на доброе желание, оно вменяется нам в добро, а когда склоняемся на злое желание, оно вменяется нам в зло. Желания эти одно другому сопутствуют: когда приходит доброе желание, тотчас выступает против него желание злое, и когда приходит желание злое, тотчас вы-

ступает против него желание доброе. Произволение же наше свободно следовать тому и другому, и к какому желанию склоняется оно, то и бывает на этот раз победительным. В этом и состоит вся невидимая наша духовная брань. Цель ее для нас должна состоять в том, чтобы никак не позволять свободному произволению своему склоняться на желание низшей, плотской и страстной воли, а всегда следовать одной воле высшей, разумной, ибо она есть воля Божия, следовать которой есть коренной закон нашего бытия: *Бога бойся и заповеди Его храни, яко сие всяк человек,* — говорит премудрый [Соломон] (Еккл. 12, 13). То и другое желание влечет к себе наше произволение и желает подчинить его себе. Подави низшее желание и склонись на высшее — и победа за тобой; а изберешь низшее, презрев высшее, — побежденным окажешься. Святой Павел пишет о том, что внутри нас происходит борение: *обретаю убо закон, хотящу ми творити доброе, яко мне злое прилежит. Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку; вижду же ин закон во удех моих, противу воюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным, сущим во удех моих* (Рим. 7, 21–23). И всем предписывает как закон: *духом ходите, и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16). А этого без борьбы с плотью достигнуть нельзя.

Особенно великий подвиг и тяжелый труд должны бывают испытывать вначале те, которые, прежде своей решимости изменить мирскую и плотскую жизнь на жизнь богоугодную и предаться делам любви и искреннего работания Богу, связали себя злыми навыками чрез частое удовлетворение желаний своей плотской и страстной воли. В них окрест свободного произволения хотя с одной стороны стоят возжеланные им требования разумной воли, Богом воздействуемые, но зато и с другой стоят все еще не без сочувствия встречаемые пожелания воли плотской и страстной и, противоборствуя первым, влекут его на свою сторону с такой силой, как иной раз влекут ужом подъяремное животное, и только благодать Божия дает им силу устаивать в однажды принятом намерении. Время противоборства им и неуступание победы ослабляет силу их, но борьба от этого не прекращается.

Потому пусть никто не мечтает стяжать истинное христианское благонастроение и христианские добродетели и работать Богу как подобает, если не хочет нудить себя на отвержение и поборение всяких страстных движений плотской воли, не только больших, но и малых, которым он прежде привык удовлетворять охотно и любительно. В том-то, что по саможалению не хотят себя понуждать и себе отказывать решительно во всем, и лежит главная причи-

на, почему так мало достигающих полного совершенства христианского. Ибо, когда они, с трудом победив большие страстные склонности, не хотят потом нудить себя на препобеждение малых, кажущихся ничтожными, то, поскольку сии малые суть порождения и выражения больших, удовлетворяя им, питают они сии последние, которые потому все продолжают жить и действовать в сердце, хотя обнаруживаются не в больших размерах. Сердце потому при этом остается страстным и нечистым и, главное, — нимало не отрешенным от самоугодия и саможаления, которые всегда оставляют в сомнительном достоинстве всякие дела богоугождения.

Например, есть такие, которые, не присваивая себе чужого, не в меру любят свое и, с одной стороны, слишком много уповают на него, с другой — бывают туги на благотворение; другие, не домогаясь почестей недобрыми средствами, не ставят, однако ж, их ни во что, а нередко и желают их, если бы как-нибудь устроилось получение их, будто против воли их; иные опять соблюдают подолгу положенные посты, не отказываются, однако ж, удовлетворять желание поесть вдоволь и сладко, чем вполне уничтожается достоинство поста; некоторые живут целомудренно, однако ж, продолжают держать сношения и знакомства с нравящимися им лицами и услаждаются тем, не хотя вникнуть, что чрез это они большое

воздвигают в себе препятствие к совершенству в духовной жизни и единению с Богом.

Приложу сюда же невнимание некоторых к естественным недостаткам своего характера, которые, хотя не зависят от произвола, делают, однако ж, его повинным суду, когда кто, видя, как они мешают делу духовной жизни, не заботится не только совершенно их уничтожить, но и вложить в безвредные пределы, когда это возможно с помощью благодати Божией, при должном к себе внимании и ревности. Таковы, например, нелюдимость, вспыльчивость, впечатлительность и вследствие того не рассуждающая быстрота в словах, движениях и делах, суровость и ворчливость, упорство и спорливость, и подобное. Все такие несовершенства и немощи естественные следует исправлять, у одних отнимая излишества, к другим прилагая недостающее, и те и другие преобразуя в соответственные добрые качества. Ибо ничто естественное, как бы оно дико и упорно ни было, не может устоять против произволения, когда оно, вооружась благодатью Божией, возревнует со всем вниманием и тщанием противостоять тому.

Вследствие вышесказанного бывает, что иные и делают добрые дела, но дела сии остаются несовершенными, храмлющими, сплетенными с похотями, царствующими в мире (см.: Ин. 2, 16). Оттого лица сии нимало не преуспевают на пути ко спасению, но

вращаются на одном месте, а нередко возвращаются вспять и впадают в прежние грехи, так как, видно, и сначала не вполне возлюбили они добрую во Христе жизнь, не всецело преисполнились чувством благодарения к Богу, избавившему их от власти диавола, и не с совершенной решимостью положили работать Ему единому на благоугождение Ему. Отсюда же происходит и то, что такие всегда остаются необученными в добре и слепыми и не узревают опасности, в какой находятся, думая, что положение их прочно и им не угрожает никакая беда.

Сего ради, возлюбленный во Христе брате мой, убеждаю тебя, возлюби притрудность и тягостность, какие неизбежно сопровождают внутреннюю брань нашу, если не желаешь всегда быть побеждаемым. Так советует и премудрый Сирах: *Не возненавиди труднаго дела* (Сир. 7, 15). Потому что на этом все в брани сей стоит, как на основании. Чем сильнее возлюбишь ты эту притрудность или безжалостное к себе самоутруждение в подвигах, тем скорейшую и полнейшую одержишь ты победу над собой и тем, что в тебе противоборствует высокому добру, а вследствие того преисполнишься всякой добродетелью и благонастроением, и мир Божий водворится в тебе.

Глава тринадцатая

О том, как надлежит воевать против бессловесной воли чувственной, и о деланиях, какие должна проходить воля, чтобы стяжать навык в добродетелях

Всякий раз, как бессловесная воля чувственная, с одной стороны, а воля Божия, совестью изрекаемая, с другой, борят свободное твое произволение и влекут его к себе, ища препобедить его, надлежит тебе, если ты искренний ревнитель о добре, со своей стороны употреблять подобающие приемы, чтобы способствовать воле Божией одержать победу. Для сего:

а) как только ощутишь движения низшей чувственной и страстной воли, тотчас всеусильно воспротивься им и отнюдь не допускай, чтобы твое произволение склонялось на них, хотя мало, — подави их, отжени, отрей от себя сильным напряжением воли;

б) чтоб это успешнее совершилось и принесло добрый плод, спеши возгреть вседушную неприязнь к такого рода движениям, как к врагам своим, ищущим похитить и погубить душу твою, — разгневайся на них;

в) но в то же время не забывай взывать к Подвигопомощнику нашему, Господу Иисусу Христу, о помощи, ограждении и укреплении доброй воли твоей, ибо без Него не можем мы иметь успеха ни в чем;

г) сии три внутренние действия, искренне воспроизведенные в душе, всякий раз дадут тебе победу над недобрыми движениями. Но это есть только прогнание врагов. Если хочешь их самих поразить в самое сердце, для сего теперь же, если удобно, сделай что-нибудь противоположное тому, что внушало страстное движение, а если можно, положи делать то и всегда. Это последнее наконец совсем избавит тебя от появления испытанных тобой нападений.

Поясним это примером. Положим, что кто-нибудь оскорбил тебя чем-нибудь, большим или малым, и у тебя поднялись движения неудовольствия и раздражения с внушениями отплатить. Внимай себе и спеши осознать, что эти движения хотят увлечь тебя не на доброе; потому стань в позу воюющего и защищайся:

а) пресеки эти движения, не давай им хода далее внутрь и никак не допускай своему произволению стать на сторону их, будто правую. Это будет — воспротивиться им;

б) но они все стоят перед тобой, готовые опять к наступлению; восставь потому неприязнь против них, как против врагов, и разгневайся на них, по чувству самосохранения, пока можешь искренне сказать:

неправду возненавидех и омерзих. (Пс. 118, 163), или: *совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми* (Пс. 138, 22). Это сильный удар им, и они отодвинутся, но не исчезнут. Затем:

в) *взывай ко Господу: Боже, в помощь мою вонми; Господи, помощи ми потщися* (Пс. 69, 2). И не переставай взывать, пока и следа не останется вражеских движений и не водворится мир в душе;

г) умирившись так, сделай что-нибудь оскорбившему тебя такое, что бы показывало твою к нему мирность и благорасположение: слово дружеское, одолжение подручное и подобное. Это будет исполнением того, что заповедует святой Давид: *Уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15).

Такого рода действия прямо ведут к навыку в добродетели, противоположной тем страстным движениям, которые смущали, а навык сей есть поражение их в сердце или умерщвление. Такого рода действия потрудись предупредить, или сопроводить, или заключить таким внутренним решением, которое навсегда делало бы невозможными подобные страстные движения; именно, в предлагаемом примере, сочтя себя достойным всякого оскорбления, произведи в себе желание оскорблений и всякого рода онеправдований, возлюби их и стань готовым с радостью встречать и принимать их как спасительнейшие врачевства. В других же случаях старайся возбудить

и утвердить в себе другие соответственные чувства и расположения. Это будет — изгнать из сердца страсть и заместить ее противоположной ей добродетелью, что и есть цель невидимой брани.

Предложу тебе общее на все случаи указание, по руководству Святых Отцов. Три у нас в душе части, или силы: мысленная, желательная и раздражительная. От этих трех сил по причине повреждения их рождаются и троякого рода неправые помыслы и движения. От силы мысленной рождаются помыслы: неблагодарности к Богу и ропотливости, богозабвения, неведения божеских вещей, нерассудительности, всякого рода хульные помыслы. От силы желательной рождаются помыслы: сластолюбия, славолюбия, сребролюбия, со всеми их многочисленными видоизменениями, составляющими область самоугодия. От силы раздражительной рождаются помыслы: гнева, ненависти, зависти, мщения, злорадства, зложелательства и все вообще злые помыслы. Все такие помыслы и движения следует тебе побеждать показанными приемами, стараясь всякий раз восставлять и водружать в сердце противоположные им добрые чувства и расположения: вместо неверия — несомненную в Бога веру, вместо ропотливости — искреннее благодарение Бога за все, вместо богозабвения — непрестанную углубленную память о Боге вездесущем и всесодержащем, вместо неведения —

ясное созерцание или в уме перебирание всех спасительных истин христианских, вместо нерассудительности — чувства, обученные в рассуждении добра и зла, вместо всяких хульных помыслов — Богохваление и славословие; равным образом вместо сластолюбия — всякое воздержание, постничество и самоумерщвление, вместо славолюбия — смирение и жажду безвестности, вместо сребролюбия — довольство малым и нищетолюбие; также вместо гнева — кротость, вместо ненависти — любовь, вместо зависти — сорадование, вместо мщения — прощение и мирность, вместо злорадства — сострадание, вместо зложелательства — доброхотство. Кратко совмещу все сие со святым Максимом в следующих положениях: мысленную силу свою укрась непрестанным к Богу вниманием, молитвой и ведением Божеских истин, силу желательную — полным самоотвержением и отрешением от всякого самоугодия, силу раздражительную — любовью; и, верное слово, свет ума твоего никогда не помрачится в тебе и сказанные недобрые помыслы не возмогут найти места в тебе. Если ты самодеятельно будешь восставлять в себе утром, вечером и в другие часы дня исчисленные добрые чувства и расположения, то враги невидимые не приблизятся к тебе, ибо в таком случае ты будешь походить на полководца, который непрестанно осматривает ополчение свое и строит его в боевой поря-

док, а на такого нападать — враги это знают — неудобно.

Останови побольше внимание свое на последнем пункте — на действиях, противоположных тем, к каким влекут страстные помыслы, и на водружение в сердце противоположных страстям чувств и расположений. Только этим способом можешь ты искоренить в себе страсти и стать в более безопасное положение. Ибо, пока корни страстей остаются внутри, они всегда будут производить из себя свои порождения и ими затуманивать лик добродетелей, а иногда и совсем закрывать и вытеснять. В таких же случаях мы подлежим опасности опять впасть в прежние грехи и сгубить все труды свои.

Ведай потому, что этот последний прием должно тебе не однажды только употребить, но надо употреблять часто, многократно, непрерывно, до тех пор, пока не разобьешь, не расстроишь и не истребишь страстного навыка, против которого вооружаешься; ибо, как навык сей взял силу над сердцем частым повторением известных действий в удовлетворение живущей в нем страсти, так, напротив, для ослабления и уничтожения такой власти надлежит, кроме сердечного его отражения, употребить противоположные прежним действия, противные страсти, ее бьющие и поражающие. Их учащение прогонит страстный навык, убьет движущуюся в нем страсть

и укоренит в сердце противоположную добродетель и навык к соответственным ей делам. При этом я не стану много тебе толковать, так как это само собой видно, что для приобретения добрых навыков необходимо делать больше дел добрых, чем для навыков недобрых требовалось дел недобрых; потому что худые навыки скорее укореняются, имея помощником и споспешником себе живущий в нас грех или самоугодие. Посему, как ни будут казаться тебе трудными и неудобоисполнимыми такие противные твоей страсти действия, то по причине немощности еще твоей доброй воли, то по причине сопротивления тому твоей воли страстной, самоугодливой, ты ни за что не оставляй их, но всячески нудь себя их делать. Пусть они несовершенны вначале, но всячески они поддержат твою твердость и мужество на брань и успособят тебе путь к победе.

Приложу еще: стой бодренно и, собравшись в себя вниманием, борись мужественно — и борись не с великими только и сильными, но и с малыми и легкими движениями каждой твоей страсти. Потому что малые открывают дорогу для великих, особенно когда обратятся в привычку. Опыт уже не раз подтверждал, что когда кто мало обращает внимания и заботы об отражении от сердца малых страстных пожеланий, после того как преодолел уже великие, то такой подвергается внезапным и неожиданным на-

падениям врагов, и таким сильным, что не устаивает в борьбе и падает еще горше прежних падений.

Напоминаю тебе, кроме того, что тебе надобно отсекать и умерщвлять всякое пристрастие к вещам, хотя позволительным, но не необходимым, коль скоро замечаешь, что они ослабляют напряжение доброй твоей воли, отвлекают внимание к себе и расстраивают заведенный тобой порядок благочестивой жизни, каковы: прогулки, вечера, беседы, знакомства, стол, сон и подобное. Много добра получишь ты от этого — подготовишься побеждать себя и во всем другом, сделаешься более сильным и опытным в борьбе с искушениями, избежишь многих и многих сетей диавола, который умеет расстилать их среди этих незазорных стезей и, уверяю, будешь совершать дела не неблагоугодные Богу.

Итак, возлюбленне, если последуешь ты моим указаниям и бодренно вступишь в святые вышеозначенные подвиги, то будь уверен, в короткое время преуспеешь и сделаешься духовным истинно и самим делом, а не лживо и только по имени. Но ведай, что самопротивление и самопринуждение тут — неотложный закон, исключающий всякое самоуслаждение, даже и в духовном порядке жизни. Если ты примешаешь сюда или исключительно будешь избирать делания лишь приятные, хотя из духовного порядка, то испортишь все свое дело, будешь трудиться, но

настоящего плода не получишь, получишь только пустоцвет и ни в чем духовном подлинно и прочно не установишься. Будет казаться, что имеешь нечто духовное, но на деле того не будет. Ибо все истинно духовное производится благодатью Святого Духа; благодать же сия вселяется только в тех, которые распяли себя в злостраданиях и произвольных лишениях без всякого саможаления, и чрез то соединились с распеншимся за них Господом Спасителем нашим.

Глава четырнадцатая

Как быть, когда высшая, разумная воля кажется совсем будто побеждаемой волей низшей и врагами

Если иной раз восчувствуешь такое сильное восстание греховное, что тебе покажется, будто уж и устоять против него не можешь и будто уж сама ретивая ревность противостоять ему иссякла, то смотри, брате мой, не опускай рук, но встрепенись и стой твердо. Это вражеская уловка — помыслом о безнадежности устоять — подсечь самое противостояние и заставить, сложив всякое оружие, отдаться в руки врагов. Приводи тогда пояснее на мысль эту козни врага и не уступай. Ибо пока ты не склонишься произволением на страстное влечение, ты все состоишь в числе победителей, отражателей и поражателей врага, хотя бы даже сочувствие твое отошло уже на сторону страсти. Принудить же твое произволение никто и ничто не может или против воли твоей вырвать из рук твоих победу и низложить тебя, какую бы сильную и ожесточенную брань ни поднимали в тебе враги твоего спасения.

Бог даровал нашему свободному произволению такую силу, что хотя бы все свойственные человеку чувства, весь мир и все демоны вооружились против него и вступили с ним в схватку, они насиловать его не могут; на его стороне всегда останется свобода возжелать предлагаемого и ими требуемого, если захочет, и не возжелать, если не захочет. За то оно и отвечает за все и подлежит суду. Запомни же это добре, что как бы ни казался ты себе расслабевшим, ты отнюдь не можешь извинять себя, если склонишься на страстное влечение. Это и совесть твоя скажет тебе. Изготовься же тем ретивее противостоять, чем сильнее нападение, и никогда не отступай от такого решения, при всяком таком случае возглашая в себе командирские слова к нам одного из наших главнокомандующих: *стойте, мужайтеся, утверждайтеся* (1 Кор. 16, 13).

Держа же таким образом произволение свое непреклонным на греховное возбуждение и стоящим на стороне требований высшей воли, пускай в дело одно за другим и оружия свои духовные. Главное из них — молитва. Ею и воодушевляй себя, говори в себе: *Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, от кого устрашуся? Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое; аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю* (Пс. 26, 1–3). *Не на лук бо мой уповаю,*

и меч мой не спасет мене. О Бозе похвалимся весь день, и о имени Твоем исповемыся во век (Пс. 43, 7–9). *Страха же вашего, враги, не убоюся, ниже смятуся. Господа сил, Того освящу, и Той будет вам за меня в страх. На Него уповая пребуду, и Той будет мне во освящение. Аще паки возможете, паки побеждени будете, и иже аще совет совещаете, разорит Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудет в вас* (ср.: Ис. 8, 12–14, 9, 10).

Воодушевясь так, сделай и ты то же, что делает иной раз в видимой брани воин, сильно теснимый врагом: воин немного отскакивает назад, чтоб избрать лучшую точку и присмотреться, как удобнее пустить стрелу в сердце врага, а ты, собрав помыслы свои внутрь и восставив сознание и чувство своего ничтожества и немощности самому сделать должное в это время, прибегни к Богу, все могущему, и с теплым упованием и слезами призови Его на помощь против борющей тебя страсти, говоря: *Воскресни, Господи, помози мне и избави мя имене ради Твоего* (ср.: Пс. 43, 27). *Побори,* Иисусе мой, *борющия мя. Приими оружие и щит и востани в помощь мою. Да постыдятся и посрамятся ищущии душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся мыслящии ми злая* (Пс. 34, 1–2, 4). Владычице Богородице, не допусти мне уступить врагам и побежденным быть от них! Ангел хранитель мой, кровом крил

твоих укрой меня от вражеских стрел и мечом твоим порази и отжени их от меня!

Потерпи в таких воззваниях и увидишь скорую помощь. Внимай, однако ж, себе пристальнее. Враг знает силу таких воззваний к Богу и спешит упредить их или расстроить бессмысленной, возбуждаемой им, ропотливостью на Бога, зачем попустил Он подвергнуться такому вражескому нападению и такой опасности пасть, чтоб чрез это и воззвания не допустить или пресечь, и Божией помощи сделать недостойным. Как только заметишь такое богопротивное движение, спеши восставить то искреннее и истинное убеждение, что *Бог не искушает никогоже*, и что *каждый искушается от своея похоти влеком и прельщаем* (ср.: Иак. 1, 13–14). Затем вникни в предшествовавшие дела свои, чувства и помышления, и найдешь, что из них зародилась приведшая тебя в опасное положение внутренняя буря. Враг наклеветал на Бога, а твои оплошности прикрыл. Тебе предлежит верой оправдать в себе Бога и рассуждением снять с себя вражеский льстивый покров, обличить себя в поблажках себе и невнимании и, в покаянии исповедав сей внутренний грех пред Богом, возвратиться к воззваниям, как указано, которые возвратят тебе и всегда готовую в таких особенно случаях помощь Божию.

После сего, когда внутренняя буря стихнет, борение должно идти по общим правилам невидимой брани, о коих отчасти уже сказано.

Глава пятнадцатая

О том, что брань надо вести непрестанно и мужественно

Если желаешь ты победить врагов своих как можно скорее и легче, необходимо тебе, брате, вести брань со всеми страстями своими непрестанно и мужественно, особенно же и преимущественно против самолюбия, или неразумной любви к себе в самоугодии и в саможалении, потому что оно служит основой и источником всех страстей, и что его иначе укротить нельзя, как непрестанными произвольными самоозлоблениями и любовной встречей скорбей, лишений, напраслин, притеснений со стороны мира и мирских. Опущение из виду этого безжалостного к себе отношения было, есть и будет всегда причиной безуспешности наших духовных побед, их трудности, редкости, несовершенства и непрочности.

Итак, эта наша духовная брань должна быть у нас всегдашняя и непрестающая и должна быть ведена с душевной бодростью и мужеством, что легко ты стяжать можешь, если взыщешь того от Бога.

Выходи же на эту брань не колеблясь. Если придет смутительное помышление о ярости и непрестающей злобе, какую питают против тебя враги — демоны, и о многом множестве их полчищ, то с другой стороны помысли и о беспредельно-величайшей силе Божией и о любви Его к тебе, равно как и о несравненно большем множестве Ангелов небесных и о молитвах святых. Все они неявно борются за нас с нами против врагов наших, как написано относительно Амалика: *яко рукою тайною ратует Господь на Амалика* (Исх. 17, 16). Сколько слабых жен и сколько маловозрастных детей подвигло на брань помышление о такой мощной и всюду готовой помощи! И они одержали верх и победили всю мудрость мира, все козни врага диавола и всю злобу ада.

Посему никогда отнюдь не следует тебе устрашаться, когда начнет докучать тебе наплыв помышлений, что брань против тебя врагов слишком сильна, что ей конца нет и она протянется на всю твою жизнь, что не избежать тебе падений и повторения их многократного и разнообразного. Знай, что враги наши со всеми своими кознями состоят в руках Божественного нашего Архистратига, Господа Иисуса Христа, в честь и славу Коего ведешь ты брань. Как Он Сам вводит тебя в брань, то всеконечно не только не допустит врагов твоих сделать тебе насилие и победить тебя, если ты сам произволением своим не

перейдешь на сторону их, но будет Сам бороться за тебя и предаст врагов твоих в руки твои побежденными, когда и как сие Ему благоугодно будет, как написано: *Господь Бог твой ходит в полце твоем, избавляти тя и предати враги твоя в руце твои* (Втор. 23, 14).

Если Господь замедлит дать тебе полную победу над врагами и отложит сие до последнего дня жизни твоей, то знай, что это сделает вящего ради блага для тебя самого; только ты не отступай и не переставай вести брань вседушно. Пусть иной раз и рану получишь, но не слагай оружий и не обращайся в бегство. Одно имей в мысли и намерении — воевать со всем воодушевлением и мужеством, потому что это неизбежно. Нет человека, которого бы миновала брань сия в жизни или в смерти. И кто не ведет брани, чтоб победить страсти и врагов своих, тот неизбежно будет схвачен в плен, здесь ли или там, и предан смерти.

Не бесполезно тебе держать при сем в мысли и то, с какою целью Богу благоугодно оставлять нас в таком военном положении. А это вот для чего. Как древле Бог, вводя Израиля в землю обетованную, не все обитавшие там народы повелел истребить, а оставил на месте пять чуждых и враждебных Израилю племен, во-первых, для того, чтобы испытывать, твердо ли верует в Него избранный народ и верно ли

исполняет Его заповеди, а во-вторых, для того, чтобы научить народ Свой искусству вести брани (см.: Суд. 2, 21–23; 3, 1–2), так не истребляет Он вдруг и все страсти наши, но оставляет их в нас, чтоб они вели с нами брань до самой смерти, для таковой же цели, именно чтобы испытывать нашу к Нему любовь и покорность воле Его и научать нас брани духовной. Подробнее излагает это блаженный Феодорит. Бог, говорит он, делает это для того: а) чтобы мы не предавались беспечности и нерадению, но были бдительны, старательны и внимательны; б) чтоб мы не забывали о всегда готовом нападении на нас и не были внезапно окружаемы врагами и побеждаемы страстями; в) чтоб всегда пребывали прибегающими к Богу и помощи от Него ищущими и чающими; г) чтоб не гордились, а смиренно о себе мудрствовали; д) чтоб научились ненавидеть от сердца страсти и врагов, которые так неутомимо нападают на нас; е) чтоб испытывалось, до конца ли сохраняем мы Божию честь, любовь и веру; ж) чтоб побуждать нас точнее исполнять все заповеди Божии и не преступать даже и самых малых; з) чтобы на деле познать, сколь многоценна добродетель, и потому никак не соглашаться оставлять ее и падать в грех; и) чтоб непрестанная брань давала нам возможность стяжевать бóльшие и бóльшие венцы; к) чтобы Бога прославлять, диавола же и грех наипаче посрамлять

терпением своим до конца; л) чтоб, навыкши брани в продолжение жизни, не боялись мы ее в час смерти, когда имеет быть самая жестокая против нас брань.

Таким образом, будучи окружены всегда столькими и такими врагами, так злобно нас ненавидящими, не можем мы ожидать от них ни мира, ни перемирия, ни пресечения, ни отсрочки брани, а в каждое мгновение должны быть готовы на брань и тотчас же мужественно вступать в нее, как только откроют ее враги. Конечно, было бы лучше, если бы мы вначале не открывали дверей естества своего и не впускали врагов и страстей внутрь себя, в душу и сердце, но после того как однажды проложили они себе дорогу в нас, нечего уже нам предаваться беспечности, но надлежит вооружиться против них, чтоб изгнать их из себя. Они бесстыжи и упорны и не выйдут, если не изгнать их бранью.

Глава шестнадцатая

Как воину Христову следует утром устрояться на брань

Как только проснешься ты утром и несколько помолишься, говоря: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», — первое предлежащее тебе дело есть заключить себя, как в некоем месте или позорище, в своем собственном сердце. Установившись здесь, возведи затем себя в сознание и чувство, что ошуюю тебя стоит уже тот враг твой и то страстное влечение, с коими ты состоишь в то время в борьбе, готовые тотчас напасть на тебя, и вследствие того восстанови в себе решительность или победить, или умереть, но не уступать; сознай также, что одесную тебя невидимо предстоят тебе победоносный Архистратиг твой, Господь наш Иисус Христос, с Пресвятою Материю Своею и множеством Ангелов святых с Архангелом Михаилом во главе, готовые на помощь тебе, и вследствие того воодушевись благонадежием.

Вот восстанет на тебя князь преисподних, диавол, с полчищами бесов своих и начнет разжигать

страстное в тебе влечение, уговаривая притом тебя разными льстивыми обещаниями твоему самоугодию перестать бороться с этой страстью и покориться ей и уверяя, что так будет лучше и покойнее. Но внемли себе — в то же время должен слышаться тебе и с десной стороны остерегательный и воодушевительный глас, который Ангел твой хранитель от лица всех, сущих одесную тебя, не преминет внушать тебе, говоря: «Ныне предлежит тебе брань с твоей страстью и другими врагами твоими. Не устрашись, и не убойся, и не убегай от страха сего с поля брани. Ибо Сам Господь Иисус, Архистратиг твой, стоит близ, окруженный тысяченачальниками и стоначальниками бесплотных [сил] и всеми сонмами Ангелов святых, готовый споборать тебе против врагов твоих и не допустить их преодолеть тебя и победить, как обетовано: *Господь поборет по вас* (Исх. 14, 14)».

Посему стой твердо, нудь себя не поддаваться и всячески напрягайся перетерпеть это нападшее на тебя испытание, из глубины сердца взывая: *Не предаждь мене в души стужающих ми* (Пс. 26, 12). Взывай к Господу твоему, к Владычице Богородице, ко всем Ангелам и святым. Придет помощь, и ты победишь, ибо написано: *Пишу вам, юноши*, ободренные и ретивые воители, *яко победисте лукаваго* (1 Ин. 2, 13). Пусть ты немощен и связан худыми навыками и враги твои сильны и многочисленны, но

гораздо большая готова тебе помощь от Того, Кто создал тебя и искупил, и несравненно сильнее всех Бог Защититель твой в брани сей, как написано: *Господь крепок и силен, Господь силен в брани* (Пс. 23, 8), Который притом вящее имеет желание спасти тебя, нежели враг твой погубить тебя. Итак, борись и никогда не тяготись трудом от брани сей. Ибо этим трудом, нуждением себя и безжалостным, несмотря на боль, отрыванием себя от порочных навыков, приобретается победа и стяжевается великое сокровище, на которое покупается Царство Небесное и ради которого душа навсегда соединяется с Богом.

Так каждый день с утра начинай во имя Божие борьбу с врагами твоими оружием ненадеяния на себя и дерзновенной надежды на Бога, молитвой и безжалостным понуждением себя на подобающие труды и подвиги духовные, наипаче же оружием умно-сердечной молитвы: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» Имя это страшное, как меч обоюдоострый вращаемо будучи в сердце, поражает и прогоняет демонов и страсти. Посему Иоанн Лествичник сказал: «Именем Господа Иисуса бичуй супостатов». Об этой молитве ниже будем говорить в особой главе. Таким, говорю, оружием поражай того врага, ту страсть и то злое влечение, которое борет, в том порядке, который я указал в 13-й главе, а именно: сначала сопротивлением страсти, потом вознена-

видением ее и, наконец, делами противной ей добродетели, совершая все это, скажем так, в молитвенной атмосфере. Так действуя, будешь совершать дело, угодное Богу твоему, Который со всей торжествующей на Небесах Церковью стоит невидимо и смотрит на ратоборство твое.

Притрудно и томительно ратоборство такое; но не скорби и не опускай рук, помышляя, что, с одной стороны, долг имеем мы работать и благоугождать Богу нашему, с другой — что нам, как сказано было выше, неизбежно, необходимо ратоборствовать, если хотим жить, потому что коль скоро перестанем ратовать, тотчас поражены будем насмерть. Да не обольстит тебя враг внушением: «Ты только на час уступи». Пусть на час. Но чем станешь ты, отступив от жизни по Богу и предавшись миру и его утехам и наслаждениям плотским? Богоотступником, а таким стать не только на час, но и на одно мгновение страшно. К тому же обычное ли дело, чтоб это было на час? Не паче ли потечет у тебя в этой богопротивной жизни час за часом, а потом дни за днями и годы за годами? А дальше что? Если смилуется над тобой Господь и даст тебе еще очнуться, возникнуть от этой диавольской сети и пробудиться от сна греховного, ты все же должен будешь вступить в ратоборство, от которого теперь убежишь, ища льготной жизни, с той только разностью, что тогда оно будет

для тебя несравненно тяжелее, острее и болезненнее, и к тому еще малоуспешнее.

Если же Господь оставит тебя в руках произволения твоего и врагов твоих, что тогда? Не буду повторять, скажу только: припомни, ибо кто этого не знает? После жизни в томительных узах злых страстей, иногда в опьянении чувственности, но всегда без истинных радостей, внезапно постигнет час смерти, страшно-мучительное состояние души, которое и слово Божие не могло изобразить, а сказано только: тогда будут взывать: *горы, падите на ны* (ср.: Откр. 6, 16). Сей вопль, начавшись в час смерти, будет немолчно продолжаться во все время по смерти до конца мира и услышится в момент наступления Страшного Суда, и всегда бесполезно. Не будь же столько безумен, чтоб заведомо броситься в вечные адские муки, убегая от моментальных подвижнических трудов и борений. Но как человек рассудительный и, скажу, расчетливый, лучше теперь подыми недолгие труды и болезни духовного ратоборства, чтоб, победив борющих, получить венец и быть в единении с Богом и здесь, и там — в Царствии Небесном.

Глава семнадцатая

В каком порядке следует нам поборать свои страсти

Премного полезно тебе, брате мой, знать добре то, в каком порядке следует тебе поборать свои страсти, чтоб совершать сие достодолжно, а не просто как попало, как делают некоторые и мало успевают, а нередко терпят и вред. Порядок, в каком надобно бороться с врагами своими и поборать свои злые пожелания и страсти, есть следующий: войди вниманием в сердце свое и исследуй тщательно, какими помыслами, какими расположениями и пристрастиями оно особенно занято и какая страсть наиболее господствует над ним и тиранствует в нем, потом против этой страсти прежде всего и поднимай оружие и ее поборать старайся. На этом и сосредоточь все внимание и заботу, с одним только исключением, что когда подымется между тем другая какая страсть случайно, то ей следует тебе тотчас заняться и ее прогнать, и потом опять обращать оружие против главной своей страсти, которая непрестанно

высказывает свое присутствие и власть. Ибо как во всякой борьбе, так и в нашей невидимой, следует противоборствовать тому, что самим делом борет в настоящий момент.

Глава восемнадцатая

Как поборать внезапно поднимающиеся движения страстей

Если ты, возлюбленный мой, не привык еще поборать внезапные движения и возбуждения страстей по поводу, например, оскорблений или других встреч, советую тебе вот что делать: поставить себе в закон, всякий день, когда сидишь еще дома, просматривать все могущие встретиться с тобой в продолжение дня случаи, благоприятные и неблагоприятные, и какие вследствие того могут породиться в тебе страстные движения, похоти и раздражения, — и наперед приготовься, как подавлять их в самом зарождении их, не давая им ходу. Действуя так, ты никогда не будешь внезапно застигнут никакими движениями страстей, но всегда будешь готов сделать им отпор и возможешь ни гневом не смутиться, ни похотью не увлечься. Такого рода просмотр случайностей надо делать тогда наипаче, когда имеешь выйти со двора и идти в такие места, где должен встретиться с личностями, могущими или привлечь, или раздражить.

Будучи приготовлен, ты легко избежишь того и другого. Волна страсти, если и подымется какая, перекатится чрез тебя или разобьется о тебя, как о твердый камень, а не подбросит тебя, как легкую ладью. Да уверит тебя в сем относительно гнева святой пророк Давид, говорящий: *уготовихся и не смутихся* (Пс. 118, 60).

Но таким приготовлением не все уже сделано. Возбуждение страсти все же может подняться, и тоже неожиданно. В таком случае вот что делай: как только ощутишь страстное движение, похотное или раздражительное, спеши обуздать его напряжением воли, низойди в сердце вниманием ума и всячески старайся не допустить его до сердца и блюди, чтобы оно ни тем, что раздражает, не раздражилось, ни к тому, что привлекает, не прилегло. Если же случится внезапно породиться в сердце тому или другому, постарайся на первый раз, чтобы то не вышло наружу, не обнаруживай того ни словом, ни взором, ни движением.

Потом понудь себя возвести ум свой и сердце свое горé к Богу, и, воспроизведши в себе ясное сознание и чувство и любви Божией беспредельной, и правды Его нелицеприятной, тем и другим постарайся страстное движение вытеснить, а противоположное ему доброе восставить. При предлежащей встрече, может быть, и неудобно будет это сделать вполне как следует, но всячески намерения и на-

пряжения делать то не оставляй. Пусть теперь это безуспешно; после докончишь, когда прекратится страстевозбудительная встреча. О том же неотложно попекись, чтобы не обнаружить порождающейся страсти. И это будет не давать ей хода. Зато, как только освободишься от недоброго притока впечатлений, спеши к сердцу и постарайся выбросить закравшуюся туда гадину.

Но наилучшее и наидействительнейшее ограждение от внезапного возбуждения страстей есть устранение причин, от которых происходят всегда такие движения. Таковых причин на все две: любовь и ненависть. Если ты, возлюбленный мой, попался в плен любви к какому-либо лицу или пристрастен к какой-либо вещи, большой или малой, то естественно, что, когда встречаешь их или когда видишь, что их оскорбляют и им вредят или отвлечь и похитить у тебя хотят, ты тотчас возмущаешься тем, скорбишь, мятешься и восстаешь против тех, которые это делают. Посему, если желаешь, чтобы не случились с тобой такого рода внезапные тревоги, попекись побороть и исторгнуть из сердца такую недобрую любовь и такое недоброе пристрастие, и чем дальше зашел ты в той и в другом, тем большее приложи попечение о том, чтобы оравнодушить себя и разумно относиться к вещам и лицам, ибо чем сильнее у тебя любовь и пристрастие, тем бурнее и внезапное возбуждение страсти во всех указанных случаях.

Равно если имеешь неприязнь к какому-либо лицу или отвращение к какой-либо вещи, то также естественно приходишь внезапно в негодование или омерзение, когда встречаешь их, особенно, когда расхваливает кто их. Посему, если хочешь соблюсти покой сердца в таких случаях, понудь себя на сей раз подавить восставшие недобрые чувства, а после истребить их и совсем.

В сем поможет тебе такое рассуждение (относительно лиц): что и они суть творения Божии, созданные, как и ты, по образу и подобию Божию, всесильной десницей Бога Живаго; что и они искуплены и воссозданы бесценной Кровию Христа Господа; что и они — собраты твои и сочлены, которых не следует тебе ненавидеть даже мыслью своей, как написано: *да не возненавидиши брата твоего во уме твоем* (Лев. 19, 17); особенно же, что когда ты — предположим, что они достойны нерасположения и неприязни — восприимешь их в доброе расположение и любовь, то тем уподобишься Богу, Который любит все создания Свои и никаким не гнушается, как восхваляет Его премудрый Соломон: *Любиши же сущая вся, и ничесогоже гнушаешися, яже сотворил еси: ниже бо ненавидя что устроил еси* (Прем. 11, 25), и Который, презирая грехи человеческие, *солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. 5, 45).

Глава девятнадцатая

Как поборать плотские страсти

С плотскими страстями, брате мой, надлежит бороться своим особым способом, чем с прочими. Чтоб это шло у тебя в должном порядке, знай, что иное должно тебе делать прежде искушения сими страстями, иное во время искушения и иное после прекращения его.

Прежде искушения внимание твое должно быть обращено на причины, которые обыкновенно служат поводом к порождению искушения или возбуждению страсти. Здесь закон: всевозможно избегай всех случаев, могущих возмутить покой плоти твоей, особенно встречи с лицами другого пола. И если иной раз будет належать нужда беседовать с каким-нибудь таким лицом, беседуй недолго, соблюдая не только скромность, но и некую строгость в лице своем, и слова твои пусть будут при всей приветливости больше сдержанны, нежели благосклонны.

Не ими веры врагу твоему во веки (Сир. 12, 10), — говорит премудрый Сирах. И ты никогда не

верь телу своему: ибо, как медь сама по себе рождает от себя ржавчину, так и растленное естество тела рождает из себя злые движения похотные. *Якоже бо медь ржавеет, тако и злоба его* (там же). Не верь же, еще повторяю тебе, не верь в этом отношении самому себе, хотя, положим, ты не чувствуешь и столько уже времени не чувствовал сего жала плоти твоей. Потому что эта треокаянная злоба, чего не делала многие годы, иногда делает в один час и в одно мгновение и всегда молча делает обычно свои приготовления к нападению. И знай, что чем больше прикидывается она другом и не подает ни малейшего повода к подозрению, тем больший потом наносит вред и нередко поражает насмерть.

Должно также всякому бояться наипаче тех лиц другого пола, с которыми почитает благословным обычное в житейском быту взаимообращение, или потому, что они родственны, или потому, что благочестивы и добродетельны, или еще потому, что от них получено благодеяние и есть потребность почаще изъявлять им за то признательность. Бояться сего надобно потому, что к такому, без страха и внимания к себе, взаимообращению всегда почти примешивается губительная сласть чувственная, которая потом мало-помалу нечувствительно проникает в душу до самых глубин и так омрачает ум, что подвергшиеся сей заразе начинают ни во что вменять всякие

опасные причины греха, как-то: страстные взгляды, сладкие речи с той и другой стороны, привлекательные движения и положения тела, пожатия рук, отчего наконец впадают и в самый грех, и в другие диавольские сети, из которых иной раз и совсем высвободиться не могут.

Бегай же, брате мой, этого огня, потому что ты порох, и никогда не дерзай в самонадеянности думать, что ты порох смоченный и весь наполнен водой доброй и крепкой воли. Нет, нет! Но думай паче, что ты сухой-пресухой порох и тотчас вспыхиваешь, как только почувствуешь тот огонь. Отнюдь не полагайся на твердость твоей решимости и твою готовность скорее умереть, нежели оскорбить Бога грехом. Ибо хоть и можно допустить, что ты посему смоченный порох, но от частого сообращения и сидения с глазу на глаз, огонь плотской мало-помалу иссушит оросительную воду доброго твоего произволения, и ты сам не заметишь, как окажешься пламенеющим плотской любовью, и до такой степени, что перестанешь стыдиться людей и Бога бояться и ни во что станешь вменять честь, жизнь и все мучения ада, стремясь к соделанию греха.

Бегая убо, бегай всевозможно:

а) От такого сообращения с лицами, могущими послужить для тебя в соблазн, если искренне желаешь не попасть в плен греха и не уплатить оброка

его, который есть смерть душевная. Премудрым называет премудрый Соломон того, кто боится и избегает причин греха, а того, кто, много дерзая о себе, самонадеянно не избегает их, называет неразумным, говоря: *Премудр убоявся уклонится от зла, безумный же на себе надеявся смешавается со беззаконным* (делом) (Притч. 14, 16). Не на это ли указывал и апостол, когда заповедовал коринфянам: *бегайте блудодеяния* (1 Кор. 6, 18)?

б) Бегай ничегонеделания и лености и стой бодренно, во все глаза смотря за помыслами и мудро устрояя и ведя дела свои, требуемые твоим положением.

в) Никогда не ослушивайся настоятелей твоих и отцов духовных, но охотно повинуйся им во всем, скоро и с готовностью исполняя, что ни прикажут, и наипаче то, что смирительно для тебя и противно твоей воле и твоим склонностям.

г) Никогда не позволяй себе смело судить о ближнем, никого не суди и не осуждай, и особенно за этот самый плотской грех, о коем у нас речь, хотя бы кто явно впал в него, но поимей к нему сострадание и жалость; не негодуй на него и не смейся над ним, но от его примера позаимствуй себе урок смирения и, зная, что и сам ты крайне слаб и на худое подвижен, как прах на пути, говори себе: «Ныне пал он, а завтра паду я». Ведай, что если ты скор на осуждение

и презрение к другим, то Бог больно накажет тебя за это, попустив самому тебе впасть в тот же грех, за который осуждаешь других. *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1), и на то же не будете осуждены, чтобы из падения своего познали пагубность гордыни своей и, смирившись, взыскали врачевства от двух зол: от гордости и блуда. Но если Бог по милости Своей и хранит тебя от падения и ты удерживаешь неизменно твердым целомудренный помысл свой, ты все же перестань осуждать, если осуждал, и не самонадеянничай, а паче бойся и не верь своему постоянству.

д) Внимай себе и бодрствуй над собой. Если стяжал ты какой дар Божий или находишься в добром состоянии духовном, не воспринимай в самомнении суетного и мечтательного о себе помышления, будто ты нечто, и что враги твои не посмеют напасть на тебя, и ты столько ненавидишь их и презираешь, что сразу отразишь, если они осмелятся приблизиться к тебе. Как только так подумаешь, падешь легко, как осенний лист с дерева.

Вот что следует тебе соблюдать прежде искушения плотской страстью.

Во время же самого искушения вот что делай: дознай поскорее причину, от которой породилась брань, и тотчас отстрани ее. Причина этому бывает или внутренняя, или внешняя. Внешней причиной тому

бывают: вольность очей, сладкие для слуха речи, такие же по содержанию и напеву песни, щегольские, из нежных материй одежды, благоуханные для обоняния духи, вольные обращения и беседы, соприкосновения и пожатия рук, танцы и многое подобное. Врачевством против всего этого служат: скромное и смиренное одеяние, нежелание ни видеть, ни слышать, ни обонять, ни говорить, ни касаться ничего такого, что производит это срамное движение, особенно же избегание сообращения с лицами другого пола, как говорено выше. Причиной внутренней служит, с одной стороны, жизнь в довольстве и покое плоти, когда все желания телесные находят полное удовлетворение, с другой — срамные помыслы, которые приходят или сами собой при воспоминании виденного, слышанного и испытанного, или от возбуждения их духами злобы.

Что касается до жизни в полном довольстве и покое плоти, то ее надобно ожесточить пощениями, бдениями, хрускоспаниями [сном на жестком], особенно множайшими поклонами до утомления, и другими произвольными телоозлоблениями, как советуют и заповедуют опытные и рассудительные Отцы наши Святые. А против помыслов, от чего бы они ни происходили, врачевством служат разные духовные упражнения, сообразные с настоящим твоим состоянием и требуемые им, каковы: чтение святых и ду-

шеспасительных книг, особенно святых Ефрема Сирианина, Лествичника, «Добротолюбия» и других подобных; благочестивые размышления и молитва.

Молитву свою, когда начнут нападать на тебя срамные помыслы, совершай так: тотчас воздвигни ум свой к распятому ради нас Господу и из глубины души взывай к Нему: «Иисусе мой Господи! Сладчайший мой Иисусе! Ускори на помощь мне и не дай врагу моему полонить меня!» В то же время обнимай мысленно и чувственно, если есть близ, Животворящий Крест, на коем распят ради тебя Господь твой, лобызай часто язвы Его и говори к ним с любовью: «Краснейшие явы, язвы святейшие, язвы пречистые! Уязвите это мое окаянное и нечистое сердце и не допустите меня до того, чтоб я посрамил и оскорбил вас нечистотой своей».

Размышление же твое, в то время как множатся в тебе срамные помыслы плотской сласти, да не будет направлено прямо против них, хоть иные и советуют это; не берись изображать мысленно пред собой нечистоту и срамоту грехов плотской похоти, ни угрызения совести, которые последуют затем, ни растления естества твоего и потерю чистоты девства твоего, ни помрачения чести твоей и другое подобное. Не берись, говорю, размышлять об этом, потому что такое размышление не всегда бывает верным средством к преодолению искушения плоти, а,

напротив, может послужить к усилению брани, иной же раз и к падению. Ибо хотя ум при сем будет вести мысленную речь свою в укор и противление сей страсти, но как мысль, несмотря на то, все же будет держаться на предметах ее, к которым так неравнодушно сердце, то не дивно, что тогда, как ум расточает такие строгие суждения о таких делах, сердце соуслаждаться будет ими и соглашаться на них, что и есть внутреннее падение. Нет, надобно рассуждать о таких предметах, которые бы заслонили собой эти срамные вещи и совсем отвлекли от них внимание, содержанием же своим отрезвительно действовали на сердце. Такого рода предметы суть жизнь и страдание воплотившегося ради нас Господа Иисуса, неминуемый час смерти нашей, трепетный день Страшного Суда и разные виды адских мучений.

Если, как нередко случается, срамные помыслы эти будут и при этом продолжать нападать на тебя с особенной силой и неудержимостью, не бойся, не переставай размышлять о показанных пред сим предметах и не обращайся к тому приему борьбы, чтобы прямо против них восставать, раскрывая неодобрительные стороны их самих, как сказано было выше. Не делай так; но продолжай сколько можно внимательнее размышлять о показанных пред сим устрашительных и отрезвительных предметах, нимало не беспокоясь о помыслах тех срамных, как бы они не были твои собственные. Ведай, что нет лучшего

способа к прогнанию их, как презрение к ним и ни во что их вменение. Размышление же сие почаще прерывай такой или подобной ей молитвой: «Освободи меня, Творче мой и Избавителю, от врагов моих сих, во славу страстей Твоих и Твоей неизреченной благости». Молитвой же подобной и заключи свое размышление.

Смотри же, отнюдь не обращай ока ума своего на эту плотскую нечистоту, так как и одно представление о ней небезопасно; и не останавливайся на беседу с сими искушениями или о сем искушении, чтобы определить, произошло ли у тебя согласие на него или нет. Такое исследование, хотя на вид кажется хорошим, на деле же поистине есть козни диавола, покушающегося сим способом или отяготить тебя, или ввергнуть в малодушие и отчаяние, или удержать тебя сколько можно долее в сих помыслах и чрез них ввести в грех делом или по роду их, или в другой какой.

Вместо всяких таких исследований о помыслах сих, смущающих тебя, поди исповедуй все подробно духовному отцу своему и пребудь потом покоен в помышлении своем и в сердце своем, не мутя себя никакими вопросами, упокоеваясь на решении отца своего. Только все ему открой, что смущало и смущает ум твой и твое чувство в сем искушении, ничего не утаивая и не позволяя стыду связать язык твой, а паче смиряясь самоуниженно. Ибо, если во всякой

борьбе с врагами имеем мы нужду в глубоком смирении, чтобы победить их, сколь много паче потребно оно нам во время плотской брани? Так как и самое искушение это большей частью бывает или порождением гордыни, или вразумлением и наказанием за нее? Посему и говорит святой Иоанн Лествичник, что, кто впал в блуд или другой какой плотской грех, тот прежде того впал в гордость; и что впасть ему в грех попущено для того, чтоб он смирился: *Где совершилось падение, там прежде водворялась гордость; ибо гордость есть предвозвестница падения*. И еще: *Наказание гордому есть падение* (Слово 23, 4, 10).

Когда наконец утишатся срамные помыслы и искушение пройдет, вот что должно тебе делать: как бы ни казалось тебе, что ты свободен уже от плотской брани и как бы уверенным в том не имел ты себя, всячески, однако ж, пекись далеко держать ум свой и внимание свое от тех вещей и лиц, которые были причиной восстания на тебя такого искушения, и отнюдь не поблажай позыву повидаться с ними под тем предлогом, что они родственницы или что благочестивы и благодетели твои; вразумляй себя напоминанием, что и это есть греховное обольщение растленного естества нашего и сеть вселукавого врага нашего диавола, который тут преобразуется в Ангела света, чтоб ввергнуть во тьму, как говорит святой Павел (см.: 2 Кор. 11, 14).

Глава двадцатая

Как поборать нерадение

Чтобы не впасть тебе в бедственное зло нерадения, которое пресечет твое течение к совершенству и предаст тебя в руки врагов твоих, надлежит тебе бегать всякого рода пытливости (разведывания, что там, что здесь, праздношатайства, разговоров пустых, глазерства), всякого прилепления к чему-либо земному и всякого произвольноделания, или что-хочуделания, совсем не подходящего к твоему состоянию, а, напротив, должно тебе всячески понуждать себя к охотному и скорому исполнению всякого доброго руководства и всякого повеления настоятелей твоих и духовных отцов и делать всякое дело в то время и таким образом, как то им желательно.

Ко всякому делу, которое имеешь делать, отнюдь не замешкивай приступать, потому что первое недолгое мешкание приведет тебя ко второму, более долгому, а второе — к третьему, еще более долгому, и так далее. От этого дело начинается слишком поздно и не поспевает в свое время или совсем оставляется

как обременительное. Вкусив однажды сладости неделания, начнешь ты любить его и желать паче делания, а удовлетворяя это желание, дойдешь ты мало-помалу до навыка не делать или до лености, в которой страсть ничегонеделания до того овладеет тобой, что ты даже и сознавать перестанешь, как это ни с чем несообразно и преступно, разве только когда, отяготившись самой этою леностью, опять со всем усердием возьмешься за дела свои. Тогда со стыдом увидишь, как был ты нерадив пред этим и сколько пропустил должных дел ради пустого и бесполезного что-хочу-делания.

Это нерадение, начавшись чуть заметно, проникает во все и ядом своим поражает не только волю, вселяя в нее отвращение от всякого труда и от всякого духовного делания и послушания, но ослепляет и ум, не давая ему узреть всю неразумность и лживость помышлений, на коих держится такое настроение воли, и не допуская его представить сознанию те здравые суждения, которые были бы сильны подвигнуть эту разленившуюся волю, сколько можно скорее и со всем усердием исполнить должное дело, не отлагая его до другого времени. Ибо не довольно делать дела скоро, но должно каждое дело делать в свое ему время, какое требуется по свойству его, и со всем вниманием и тщанием, чтобы оно явилось в возможном совершенстве. Слушай, что написано:

Проклят (человек) творяй дело Господне с небрежением (Иер. 48, 10). И такой беде подвергаешь ты себя, потому что ленишься подумать о достоинстве и цене предлежащего тебе дела, чтобы побудить себя сделать его в свое время и с такой решимостью, которая развевала бы всякие навеваемые леностью помыслы о сопряженных с ним трудностях, чтоб отклонить тебя от него.

Да не отходит убо от мысли твоей убеждение, что одно возношение ума к Богу и одно смиренное коленопреклонение во славу и честь Бога несравненно более ценно, нежели все сокровища мира, и что всякий раз, как, прогнав нерадение, понудим мы себя со тщанием совершать свое должное дело, Ангелы на небесах готовят нам венец славной победы; и что, напротив, для нерадивых не только нет у Бога венцов, но что Он мало-помалу берет обратно от них и те дары, которые дал им за усердное прежде служение Ему, а наконец лишит их и Царствия Своего, если пребудут в нерадении, как в притче о званных на вечер и поленившихся прийти сказал: *глаголю бо вам, яко ни един мужей тех званных вкусит Моея вечери* (Лк. 14, 24). Такова участь нерадивых; тем же, которые тщаливы и нудят себя без саможаления на всякое доброе дело, Господь умножает Свои благодатные дары здесь и готовит вечноблаженную жизнь в Царстве Своем Небесном, как сказал: *Царство*

Небесное нудится, и нуждницы восхищают е (Мф. 11, 12).

Если злой помысл, усиливаясь ввергнуть тебя в нерадение, станет представлять тебе, что для стяжания добродетели, которую возлюбил ты и возжелал иметь, неизбежно тебе поднять величайший труд, и притом многие дни, что враги твои сильны и многочисленны, а ты один и немощен, что тебе надлежит сделать много, и притом великих дел, чтобы достигнуть такой цели, — если, говорю, помысл нерадения станет представлять тебе все такое, не слушай его; а, напротив, так представляй себе дело, что, конечно, надо делать тебе дела, но не много; что и труд надлежит тебе подъять, но очень малый и не многие дни; что и врагов встретишь, но не много, а только одного какого, и этот хоть против одного тебя и силен был бы, но при помощи Божией, которая всегда присуща тебе ради великого твоего на нее упования, ты несравненно сильнее его. Если будешь так поступать, то нерадение начнет отступать от тебя, вместо же него, под действием благих помышлений и чувств, начнет входить в тебя мало-помалу тщаливая о всем должном ревность и завладеет наконец всеми силами души твоей и тела твоего.

Таким же образом поступай и в отношении к молитве. Если для совершения какого-либо последования службы требуется, положим, час молитвенного

труда, и это кажется тяжелым для твоей лености, то ты, приступая к сему, не думай, что тебе придется час стоять, а воображай, что это продолжится какую-нибудь четверть часа, и незаметно простоишь молитвословствуя эту четверть; простоявши же ее, скажи себе: «Простоим еще четверточку: это немного, как видишь»; потом то же самое сделай для третьей и четвертой четверти; и кончишь таким образом это дело служения молитвенного, не заметив трудности и тяготы. Если же иной раз в продолжение этого случится почувствовать такую обременительность, что она мешает и самой молитве, то оставь на время молитвословие и потом опять, спустя немного, берись за него и докончи недоконченное.

Так же поступай и в отношении к рукоделию, и к делам послушания твоего. Покажется тебе, что таких дел много, ты и мятешься, и готов руки опустить. Но ты не думай об этом множестве дел, а скрепя сердце берись за первое предлежащее и делай его со всем усердием, как бы других совсем не было, и сделаешь его покойно; потом таким же образом поступи и в отношении к другим делам, и все переделаешь спокойно, без смятения и хлопотливости.

Так и во всем поступай и ведай, что если ты не возьмешься за разум и не станешь так поборать чувств притрудности и обременительности, какие представляет тебе враг от предлежащих тебе должных дел, то нерадение совсем наконец одолеет тебя,

так что ты не только тогда, как будет предлежать тебе какой-либо труд, но и когда он еще далеко впереди видится, будешь чувствовать, как будто у тебя гора на плечах, будешь тяготиться тем и мучиться, подобно невольникам, в безвыходном невольничестве состоящим. Так и во время покоя не будешь ты иметь покоя и без дел будешь чувствовать себя обремененным делами.

Ведай также, чадо мое, что эта болезнь лености и нерадения ядом своим невидимо мало-помалу растлевает не только начальные и малые еще корни, из которых могли со временем произрасти навыки добродетельные, но и те, которые давно уже углубились и служат основой всех порядков доброй жизни. Как червь мало-помалу истачивает дерево, так она, продолжаясь, нечувствительно снедает и истребляет самые нервы духовной жизни. Посредством ее диавол умеет расстилать сети и тенета искушений для всякого человека, что с особенной заботой и лукавой хитростью старается он устроять для ревнителей о духовной жизни, зная, что ленивый и нерадивый удобно поддается похотям и падает, как написано: *в похотех есть всяк праздный* (Притч. 13, 4).

Будь же всегда бдителен, молись и доброе держи тщание о добром, как подобает мужественному борцу: *руки же мужественных в прилежании* (там же). Не сиди сложа руки, отлагая сшитие себе брачного

хитона до того момента, когда надо будет в полном благоукрашении исходить в сретение грядущему Жениху, Христу Господу. Напоминай себе каждый день, что *ныне* в наших руках, а *завтра* в руках Божиих и что Давший тебе утро не связал Себя чрез то обещанием, что даст и вечер. Потому отнюдь не слушай диавола, когда он будет тебе нашептывать: «Отдай мне *ныне*, а Богу отдашь *завтра*». Нет, нет; но все часы жизни твоей проводи так, чтоб это было благоугодно Богу; содержи в мысли, что после настоящего часа не будет тебе дано другого и что за каждую минуту сего часа ты должен будешь отдать самый подробный отчет. Помни, что цены нет тому времени, которое ты имеешь в руках своих, и что если попусту потратишь его, придет час, когда взыщешь его и не обретешь. Почитай потерянным тот день, в который хотя и делал добрые дела, но не преодолевал своих худых склонностей и пожеланий.

Кончаю мои тебе об этом уроки, повторяя апостольскую заповедь: *подвизайся добрым подвигом* всегда (1 Тим. 6, 12). Ибо нередко бывало, что один час ревностного труда стяжевал рай, как и напротив — один час нерадения лишал его. Будь тщалив, если желаешь засвидетельствовать, сколь твердо пред Богом упование спасения твоего. *Иже надеется на Господа, в прилежании будет* (Притч. 28, 25).

Глава двадцать первая

Об управлении и добром пользовании внешними чувствами

Многодумным и непрерывным подвигом у ревнителей благочестия должны быть строгое управление и доброе направление употребления внешних наших пяти чувств: зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. Сердце наше непрестанно жаждет и ищет утех и наслаждений. Ему следовало бы находить их внутренним порядком, содержа и нося в себе Того, по образу Коего создан человек, самый источник всякого утешения. Но когда в падении отпали мы от Бога себя ради, то не удержались и в себе, а ниспали в плоть и чрез нее вышли вовне и там начали искать себе радостей и утех. Проводниками и руководителями в сем стали наши чувства. Чрез них душа исходит вовне, вкушает вещи, подлежащие испытанию каждого чувства, и теми, кои услаждают сии чувства, услаждается сама и из совокупности их составляет себе круг утех и наслаждений, во вкушении коих полагает свое первое благо. Порядок, таким образом,

извратился: вместо Бога внутри сердце ищет сластей вне и ими довольствуется.

Внявшие гласу Божию: «Покайтеся», каются и полагают себе законом восстановить в себе первоначальный порядок жизни, то есть возвратиться отвне внутрь и извнутрь к Богу, чтоб жить в Нем и Им, и в сем иметь свое первое благо, и в себе носить источник утешений. Восстановление такого порядка, хотя воспринимается сильным желанием и твердой решимостью, достигается, однако ж, не вдруг. Решившемуся на сие предлежит долгий труд борения с прежними навыками утешать, и услаждать, и ублажать себя, пока они отпадут и заменятся другими, по роду новой жизни. И вот здесь-то большое значение имеют управление и пользование внешними чувствами.

Каждое чувство имеет свой круг предметов, приятных и неприятных. Приятными услаждается душа и, привыкши к сему, образует в себе похотение к ним. От каждого чувства внедряется таким образом в душу несколько похотений, или склонностей и пристрастий. Они все кроются в душе и молчат, когда нет поводов к возбуждению их. Возбуждаются же они иногда помыслами о предметах их, но главным и сильнейшим образом тем, если предметы их предстоят чувствам и испытываются ими. В сем случае похотение к ним восстает неудержимо, и в том, кто не положил еще не поддаваться ему, *раждает грех*,

грех же содеян раждает смерть (Иак. 1, 15), и исполняется на нем пророческое слово: *взыде смерть сквозе окна ваша* (Иер. 9, 21), то есть сквозь чувства, кои суть окна души для сообщения с внешним миром, а в том, кто положил, поднимает брань не безопасную от падения. Потому для сего последнего должно быть неотложным законом так управлять и пользоваться чувствами, чтобы чрез них не возбуждались чувственные похотения, а, напротив, получались такие впечатления, которые подавляли бы их и возбуждали противоположные им чувства.

Видишь, брате, в какую опасность могут поставить тебя чувства твои. Внимай убо себе и умудряйся предотвращать ее. Всячески старайся не попускать им блуждать туда и сюда, как хотят, и не обращай их на вкушение одних чувственных сластей, а, напротив, обращай к тому, что добро, или полезно, или нужно. И если доселе иной раз чувства твои прорывались к чувственным наслаждениям, но отныне всевозможно подвизайся обуздывать их и от увлечений возвращать назад. Добре управляй ими, так, чтоб, где прежде порабощались они суетным и душевредным удовольствиям, там после сего от каждой твари и от каждого предмета воспринимали душеполезные впечатления и их вносили в душу. Такие впечатления, возрождая в душе духовные помыслы, будут собирать ее в себя саму и на крыльях умного

созерцания возносить к зрению Бога и славословию Его, как говорит блаженный Августин: «Сколько ни есть в мире тварей, все они ведут беседу с мужами благочестивыми на языке немом, правда, и молчаливом, но тем не менее многодейственном и для них удобнослышимом и удобнопонимаемом; отчего воспринимают они благие и благоговейные помышления и подвигаются на пламеннейшую любовь к Богу».

Это и ты можешь делать следующим образом. Когда внешним твоим чувствам предстоит какой-либо чувственный предмет, видимый ли, или слышимый, или обоняемый, или вкушаемый, или осязаемый, отдели в помысле своем то, что есть в нем чувственного и вещественного, от того, что есть в нем от творческого Духа Божеского, и помысли, что невозможно, чтобы он сам от себя имел свое бытие и все другое, что есть в нем, но что все это есть в нем дело Бога, Который невидимой силой Своей дает ему и это бытие, и эту доброкачественность, красоту и мудрое устройство, и эту силу действовать на других, и эту крепость от них принимать воздействие, и все другое, что есть в нем хорошего. Затем перенеси такие помышления и на все другие видимые вещи и возрадуйся сердцем, что один Бог есть причина и начало столь разнообразных, столь великих и столь дивных совершенств, открывающихся в тварях, что Сам Он в безмерности совмещает в Себе всевозможные

совершенства и что эти совершенства, видимые в тварях, суть не что иное, как слабое отражение и тень беспредельных Божиих совершенств. Такими помышлениями упражняй ум свой при виде всякой твари и привыкнешь, смотря на видимые вещи, не останавливаться вниманием на одной их внешности, но проникать внутрь, к тому, что в них есть Божеского, к невидимой, сокровенной их умозрительной красоте. Вследствие сего, все, что есть в вещах внешне привлекательного для твоей чувственной стороны, будет бесследно миновать твое внимание и чувство, и только одно внутреннее их содержание овладевать будет умом твоим, возбуждая и питая в нем духовные созерцания и подвигая на славословие Господа.

Так, смотря на четыре стихии — огонь, воздух, воду и землю — и помышляя об их существе, силе и действии, в великом утешении духовном воззовешь тогда к верховному Создателю их, так их устроившему: «Боже великий, Сила безмерная и Действо превожделенное! Радуюсь и веселюсь, что Ты един еси начало и причина всякой тварной сущности, силы и действа!» Воззрев на небо и световые тела небесные — солнце, луну и звезды — и помышляя, что свет свой и свой блеск получили они от Бога, воскликнешь: «Свете, паче всякого света светлейший, от Коего создан всяческий свет вещественный и невещественный! Свете предивный, первый предмет

радования Агелов и упоения блаженных, в неуклонное созерцание Которого изумленно погружаются очи Херувимов, и в сравнении с Коим все чувственные светы кажутся тьмой глубокой! Славословлю и превозношу Тебя, Свете истинный, просвещающий всякого человека грядущего в мир! Сподоби меня всегда умно зрети Тебя, да радуется полной радостью сердце мое!»

Также, смотря на дерева, травы и другие разные растения и зря умом, как они живут, питаются, растут и отрождают от себя подобное себе, и что не от себя самих имеют они жизнь и все другое, что есть в них, но от творческого Духа, Которого ты невидишь и Который один животворит их, так можешь воззвать: «Вот где истинная Жизнь, от Которой, в Которой и Которой живет, питается и множится все! О живоносное Услаждение сердца моего!» Подобным образом и при воззрении на неразумных животных можешь ты вознестись умом своим к Богу, давшему им чувства и силу двигаться с места на место, и сказать: «О первый всяческих Движителю, Который, все приводя в движение, Сам в Себе пребываешь недвижим! Сколь радуюсь я и веселюсь о сей неподвижности Твоей и Твоем твердом тождепребывании!»

Смотря же на себя самого или на других людей и помышляя, что тебе одному дано высокое положение,

что ты один из всех живых на земле существ одарен разумом и служишь точкой единения и союза вещественных и невещественных тварей — подвигнись на славословие и благодарение Творца своего и Бога и скажи: «О Пресущная Троице, Отче, Сыне и Душе Святый! Буди препрославлена во веки! Сколько долженствую я благодарить Тебя всегда, не только за то, что Ты создал меня из земли и поставил царем над всеми наземными тварями, не только за то, что Ты по естеству почтил меня образом Своим, разумом, словом, живым телом, но за то наипаче, что даровал мне силу свободным произволением моим соделываться подобным Тебе посредством добродетелей, чтобы чрез то вечно иметь Тебя в себе и блаженствовать в Тебе!»

Обращаюсь теперь к каждому из пяти чувств в частности и говорю тебе: видя красоту и благообразие тварей, отделяй умом своим то, что видишь, от духовного значения их, которого не видишь, и, помыслив, что вся эта благообразная красота, внешне видная, есть дело невидимого и всекраснейшего творческого Духа, в Коем причина всякой такой внешней красоты, скажи, преисполнен быв радованием: «Се обильные потоки из несозданного источника! Се всеоросительный дождь от безмерного моря всякого блага! Как обрадован я в недрах сердца моего, помышляя о неизреченной красоте Творца моего — начале и

причине всякой созданной красоты! Какой сладостью духовной преисполнен бываю, когда держу на уме мысль о неизглаголанной и недомыслимой красоте Бога моего, в коей начало всякой красоты!»

Когда слышишь какой-либо приятный голос или гармонию таких голосов и пений, обратись умом своим к Богу и скажи: «Гармония гармоний, Господи мой! Как радуюсь я о беспредельных совершенствах Твоих, кои все, сосредоточиваясь в Тебе в преестественной гармонии и потом отражаясь в сонмах Ангелов на небесах и в неисчислимых созданиях под небесами, составляют одну невообразимо стройную симфонию!» И еще: «Когда придет, Господи, мой час, услышать мне ушами сердца моего сладчайший глас Твой, говорящий: мир Мой даю тебе, — мир от страстей! *Яко глас Твой сладок*, как поет невеста в Песнях песней» (Песн. 2, 14)!

Если случится тебе обонять миро некое или цвета какого благовоние, перейди мыслью от этого внешнего благоухания к сокровенному уханию Духа Святого и скажи: «Се ухание Цвета оного всеблагоуханного и Мира оного неистощимого, Которое излилось на все творения Божии, как поется в Песнях песней: *Аз цвет польный, и крин удольный* (Песн. 2, 1); и еще: *миро излиянное имя Твое* (Песн. 1, 2). Се распространение источного Благоухания, Которое пребогато источает Божественные Свои отдыхания на

все, от высших чистейших Ангелов до последнейших тварей, и все облагоухавает». Так некогда Исаак, обоняв воню сына своего Иакова, сказал: *се воня сына моего, яко воня нивы исполнены, юже благослови Господь* (Быт. 27, 27).

Опять, когда ешь или пьешь, помысли, что это Бог дает всему съедобному приятный для нас вкус, и, Им единым услаждаясь, скажи: «Радуйся, душа моя, что тогда как вне Бога нет для тебя никакого удовлетворения, нет никакой сладости и утешения, ты, познав Его и к Нему прилепившись, в Нем едином можешь находить всякое услаждение, как приглашает тебя к сему Давид, говоря: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9), и как Соломон удостоверяет в истине сего, сказав: *плод его сладок в гортани моем* (Песн. 2, 3).

Также, когда простираешь руки свои, чтоб сделать какое дело, приводи на мысль, что Бог, даровавший тебе силу и способность действовать, есть первая причина всякого движения, ты же не что иное, как живое орудие в руке Его, и, вознесшись к Нему помыслом, скажи: «Какую радость испытываю я внутри себя, Вышний Боже всяческих, помышляя, что я без Тебя не могу сделать никакого дела и что Ты еси первый и начальный Действователь во всяком деле!»

А когда в других увидишь доброту, или мудрость, или правду, или другие какие добродетели,

то и в сем случае, отделяя от сего видимого невидимое, скажи к Богу твоему: «О пребогатое Сокровище всякой добродетели! Сколь велика для меня радость ведать и видеть, что всякое добро исходит от Тебя единого и что всякое наше добро в сравнении с Твоими Божественными совершенствами — ничто! Благодарю Тебя, Боже мой, за сие и за всякое другое добро, какое творишь ты ближнему моему; но помяни, Благодетелю наш, и о моей собственной нищете, и о великой моей недостаточности во всякой добродетели».

И скажу вообще, всякий раз, как почувствуешь в творениях Божиих что привлекательное и услаждающее, не останавливайся вниманием на них одних, но, минуя их, перейди помыслом своим к Богу и скажи: «Если творения Твои, Боже мой, так прекрасны, так радостотворны и усладительны, сколь же безмерно прекрасен, сколь безмерно радостотворен и сколь безмерно сладостен Ты Сам, Творче всяческих!»

Если будешь так поступать, возлюбленный мой, то можешь и посредством пяти своих чувств научиться Боговедению, восходя всегда умом своим от тварей к Творцу, так что бытие и благоустроение всего сотворенного будет для тебя книгой Богословия, и ты, находясь еще в сем чувственном мире, соделаешься причастным ведения, свойственного премирному

миру. Ибо воистину весь мир и вся природа есть не что иное, как орган некий, в коем под видимостью невидимо пребывает присущим Сам Устроитель и Художник всего, действуя и видимо проявляя художество Свое или в видимом и вещественном предоставляя взору разумных тварей невидимые и невещественные Свои совершенства и действия. Посему, с одной стороны, премудрый Соломон говорит, что *от величества бо красоты созданий сравнительно Рододелатель их познавается* (Прем. 13, 5), а, с другой, блаженный апостол Павел удостоверяет, что невидимое Божие, Его вечная сила и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы (см.: Рим. 1, 20). В мире Божием с одной стороны поставлены все творения Божии, премудро устроенные, с другой — люди, обогащенные разумной силой, с тою целью, чтоб они разумной силой своей, рассматривая творения и узревая в создании и устроении их беспредельную премудрость, восходили к познанию и созерцанию Предвечного и Ипостасного Слова, *Имже вся быша* (Ин. 1, 3). И мы естественно из действий познаем Действующего, так что следует только право и здраво рассудить, чтоб в творении обрести веру и в созданном узреть Создателя Бога.

Глава двадцать вторая

О том, что те же чувственные предметы, о которых мы говорили, бывают средствами и орудиями к доброму управлению наших чувств, если от них будем мы переходить к помышлению о воплощении Бога Слова и о таинствах его жизни, страданий и смерти

Выше я показал тебе, как от чувственных вещей можем возносить ум свой к созерцанию Бога. Теперь поучись другим способом возвысить ум свой от чувственного к Божественному — именно, чрез перехождение от него к размышлению о воплощении Бога Слова и о святейших таинствах Его жизни, страданий и смерти. Все чувственные вещи мира сего могут служить поводом к такому размышлению и созерцанию, если после того, как прежде, смотря на них, пройдешь мыслью, как сказали мы выше, что Всевышний Бог есть первая причина, давшая им бытие и все, что есть в них, — силы, совершенства, действия, положение между другими тварями; помыслишь, сколь великой и безмерной является благость

сего Самого Бога, когда Он, будучи единым началом всякого созданного бытия, восхотел низойти до такого смирения и умаления, чтоб соделаться человеком, пострадать и умереть за людей, попустив делу собственных рук Своих вооружиться против Себя и распять Себя.

Итак, когда увидишь, или услышишь, или осяжешь орудия, верви, бичи, столпы, терновые ветви, гвозди, молотки и другое что подобное, помысли в уме своем, как все такое служило некогда орудием страданий Господа твоего.

Когда видишь бедные дома или живешь в таком доме, преходи воспоминанием к вертепу и яслям рождшегося человеком Господа твоего. Когда увидишь, что дождь идет, вспомни о тех кровавых каплях потовых, которые капали с Божественного тела Сладчайшего Иисуса в саду Гефсиманском и оросили землю. Когда увидишь море и лодки на нем, вспомни, как некогда Бог твой ходил по водам и, стоя в лодке, учил народ. Камни, видимые тобой, пусть представляют тебе те камни, кои распались в момент смерти Господа твоего, и земля, по какой ходишь, пусть напоминает тебе то трясение ее, которым потряслась она тогда в заключение страстей Христовых.

Солнце пусть приводит тебе на память ту тьму, которая помрачила его тогда; вода да напоминает

тебе ту воду, которая вместе с кровью истекла из Божественных ребер Господа, когда воин проколол Его на кресте мертвого. Когда пьешь вино или другое какое питье, приводи на мысль оцет и желчь, коими на кресте напоили Владыку твоего.

Когда одеваешься, вспомни, что Предвечное Слово одеялось плотью человеческой, чтоб тебя одеть Божеством Своим. Видя себя одетым, помысли о Христе Господе, Который благоволил обнаженным быть, чтоб принять бичевание и пригвождену быть ко кресту ради тебя. Если покажется тебе какой глас сладким и привлекательным, перенеси любительное влечение сие на Спасителя твоего, в устах Коего изливалась всякая благодать и сладость, как поется в псалмах: *излияся благодать во устнах Твоих* (Пс. 44, 3), и по причине сладости языка Коего, народ неотступно держался Его, не желая оторваться от слушания Его, как свидетельствует святой евангелист Лука, говоря: *людие бо еси держахуся Его, послушающе Его* (Лк. 19, 48). Когда услышишь шум и крик народа, помысли о том пребеззаконном вопле Иудеев: *возми, возми, распни Его* (Ин. 19, 15), которым поражены были тогда уши Господа. Когда увидишь какое красивое лицо, вспомни, что *краснейший добротою паче всех сынов человеческих* (ср.: Пс. 44, 3), Господь Иисус Христос по любви к тебе благоволил явиться на кресте *не*

имеющим вида, ни доброты, умаленным паче всех сынов человеческих (Ис. 53, 2–3). Всякий раз, как бьют часы, да приходит тебе на ум то скорбное тужение сердца, которое объяло Господа Иисуса, когда Он в саду Гефсиманском начал ужасаться приближавшегося часа страданий и смерти; или думай, будто слышишь те удары молотов, которые слышались при пригвождении Господа ко кресту. И вообще скажу, при всяком печальном случае, который встретится тебе или другим, держи на уме, что всякая наша печаль, скорбь и страдание ничто в сравнении с болезненными мучениями и ранами, коими поражаемы были душа и тело Господа во время спасительных страстей Его, нашего ради спасения.

Глава двадцать третья

Как от чувственных впечатлений переходить к нравственно-назидательным урокам

Когда видишь вещи красивые на вид и ценимые на земле, помысли, что все они ничтожны, как сор какой, сравнительно с красотами и богатствами небесными, которые несомненно получишь ты по смерти, если презришь весь мир.

Обращая взор свой на солнце, помысли, что душа твоя более, чем оно, светла и прекрасна, если состоит во благодати Творца своего, а если нет, то она мрачнее и мерзостнее самой преисподней тьмы.

Взирая очами своими на небо, устреми очи души твоей в самое высшее, пренебесное небо и прилепись к нему помыслом своим, так как оно уготовано в вечноблаженное жилище тебе, если здесь, на земле, проживешь беспорочно и свято.

Слыша трели птиц на древах в весеннее время и другие мелодичные пения, возвысь ум свой к сладчайшим песнопениям райским и помысли, как там непрестанно всюду раздается эхо от «Аллилуиа» и

других Ангельских славословий, и моли Бога, да сподобит тебя вечно песнословить Его вместе с оными небесными духами, о коих пишется в Апокалипсисе: *и по сих слышах глас велий народа много на небеси глаголющаго: аллилуиа: спасение и слава и честь и сила Господу нашему* (Откр. 19, 1).

Когда почувствуешь, что увлекаешься чьей-либо красотой, приведи на мысль, что под сей привлекательностью кроется преисподний змий, готовый убить тебя или хоть поранить, и скажи ему: «А, проклятый змий! Это ты воровски стоишь здесь, ища поглотить меня! Напрасный труд, ибо Господь мне Помощник». Потом, обратясь к Богу, скажи: «Благословен Ты, Боже мой, обнаруживший предо мною скрытного врага моего и не давший меня в ловитву зубом его» (см.: Пс. 123, 6). А затем укройся, как в некое спасительное убежище, в раны Распявшегося за нас, посвящая себя им, при мысли, сколько Господь наш претерпел в святейшей плоти Своей, чтобы тебя избавить от греха и вселить в тебя омерзение к плотским страстям.

Напомню тебе еще об одном, как об орудии к отражению обольщений красоты плотской, именно: когда подпадешь этому, спеши добре погрузить ум свой в помышление о том, что будет по смерти это, так увлекающее тебя, существо? Смрадный гной, преисполненный червей.

Когда идешь куда, при каждом шаге и ступании ноги твоей помышляй, что таким же образом подвигается вперед и твое приближение ко гробу. Также видя птиц, парящих в воздухе, или реки, быстро катящие воды свои, помышляй, что еще с большей скоростью жизнь твоя летит, спеша к концу своему.

Когда подымутся бурные ветры и на небе, покрытом мрачными тучами, начнут раздаваться всепотрясающие громы и воссиявать ослепительные сверкания молнии, тогда вспомни о страшном Дне Судном и, преклонив колена, поклонись Господу Богу твоему и помолись Ему, да даст Он тебе время и благодать добре приготовиться к непостыдному предстоянию тогда пред лицем Его страшного величия.

Когда случатся тебе разные неприятности, не забывай и при них упражнять ум свой назидательными помышлениями о них и по поводу их, а главное, вот что делай: возносись к созерцанию всеправящей воли Божией и старайся восставить в себе убеждение, что это для блага твоего и твоего спасения всеблагая премудрость и праведная воля Божия благоволила положить, чтоб ты потерпел то, что терпишь в сие время и в той мере, как терпишь. Посему в таких случаях, радуясь о любви, какую показывает тем тебе Бог, и о том, что Он дает тебе случай показать, как охотно и любовно покорствуешь ты воле Его во всем, что благоугодно Ему послать тебе, скажи от

сердца: «Се исполняется на мне воля Божия, по коей от века по любви ко мне положил Он, чтобы я потерпел настоящую неприятность, или скорбь, или потерю, или напраслину. Буди благословенно имя благостнейшего Владыки моего».

Когда придет тебе на ум какой добрый помысл, обратись к Богу и, сознав, что он Им послан, благодари Его.

Когда занимаешься чтением слова Божия, представляй, что под каждым словом сокровенно присущ Бог, и принимай их как бы исходящими из Его Божественных уст.

Если в то время, как солнце царствует на небе, увидишь, что подходит тьма и помрачает свет его, как бывает при затмениях, воспечалься и помолись Богу, чтоб Он не попустил тебе впасть во тьму кромешную.

Взирая на крест, держи в мысли, что это есть знамя нашего духовного воинствования, в коем сокрыта всепобедительная сила, и что если ты удалишься от него, то предан будешь в руки врагов своих, а если пребудешь под ним, то достигнешь неба и внидешь в него в преславном торжестве.

Когда увидишь икону Пресвятой Богородицы, обрати сердце свое к Ней, Царице Небесной, и возблагодари Ее за то, что Она явилась такой готовой на покорность воле Божией, что родила, отдоила

[вскормила] и воспитала Избавителя мира и что в невидимой брани нашей никогда не оскудевает Ее предстательство и помощь нам.

Иконы святых да представляют уму твоему, сколько имеешь ты ходатаев к Богу, всегда о тебе молящихся, и сколько споборников тебе в непрестающей брани твоей, которые, сами мужественно боровшись всю жизнь с врагами и препобедив их, и тебе открыли и указали бранное поприще, которое бодренно прошедши с помощью их, будешь и ты вместе с ними украшен венцами победными в вечной славе небесной.

Когда увидишь церковь, тогда между другими спасительными помышлениями припоминай и то, что душа твоя также есть храм Божий, как написано: *вы бо есте церкви Бога жива* (2 Кор. 6, 16), и что потому ты должен блюсти ее чистой и непорочной.

Всякий раз, как слышишь благовест, приводи на память Архангельское приветствие: «Богородице Дево, радуйся» и следующие восставляй в себе мысли и чувства: благодари Бога за ниспослание с неба на землю этой благой вести, ставшей началом устроения нашего спасения; войди в сорадование Приснодеве о том преестественном величии, до коего возвысилась Она глубочайшим Своим смирением; вместе с Нею, блаженнейшею Матерью, и Архангелом Гавриилом, поклонись Божественному Плоду, Который

тотчас же зачался тогда в Пресвятом чреве Ее. Ты хорошо сделаешь, если почаще будешь повторять сию песнь в продолжение дня, сопровождая то и изложенными пред сим чувствами; три же раза повторять, утром, вечером и в полдень, поставь себе за неотложный закон.

И коротко скажу тебе: будь всегда бодрствен и внимателен в отношении к чувствам своим и никак не допускай, чтобы то, что ты восприимешь чрез них, возбуждало и питало страсти твои; напротив, так сим пользуйся, чтоб это ни на волос не уклоняло тебя от твоего решения всегда и во всем являть себя благоугодным Богу или стоящим в воле Его. А для этого, кроме предложенного пред сим возвождения мыслей от чувственного к духовному, наиболее может способствовать еще в первых главах высказанное правильце: ничем сразу не увлекаться и ни от чего сразу не отвращаться, но расуждением твердым и строгим определять, как должно в данном случае отнестись к впечатлениям чувств, чтоб это было сообразно с волей Божией, известной нам из заповедей Его.

Скажу тебе еще к сведению, что изложенные мной приемы, как употребление чувств обращать к пользам духовным, изложены мной не для того, чтоб ты непрестанно в этом упражнялся. Нет, непрестанно ты должен, собрав весь ум свой в сердце,

пребывать там с Господом, имея Его и как Руководителя и как Помощника к препобеждению врагов и страстей, то простым противлением им внутренним, то делами добродетелей, противоположных им. Сказанное же мной сказано для того, чтоб ты знал то и пользовался тем, когда нужно. Впрочем, духовным неким покровом покрыть все чувственное, окружающее нас, бесспорно весьма благотворно для целей нашей брани.

Глава двадцать четвертая

Общие уроки об употреблении чувств

Мне остается еще предложить тебе общие правила о том, как должно употреблять внешние чувства, чтоб впечатления от них не разоряли нашего духовно-нравственного строя. Внемли убо!

а) Паче всего, брате мой, всеусильно держи в руках злых и скорых окрадателей своих — очи свои — и никак не позволяй им простираться к любопытному смотрению на лица женщин, красивы ли они или некрасивы, равно как и на лица мужчин, особенно юных и безбородых. Не позволяй им также смотреть на нагие тела, не только чужие, но и на свое собственное. Ибо от такого любопытства и страстного смотрения удобно может зародиться в сердце сладострастная похоть блудная, не безвинная, как сказал Господь: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). И из мудрых некто написал: «От воззрения рождается вожделение». Посему и Соломон, предостерегая нас от пленения очами и от уяз-

вления похотением красоты, дает урок: *Сыне, да не победит тя доброты похоть, ниже уловлен буди твоима очима, ниже да совосхитишися вождами ея* (Притч. 6, 25). Вот тебе и примеры пагубных последствий от вольносмотрения очами: сыны Божии, потомки Сифа и Еноса, увлеклись дщерями Каина (см.: Быт. 6); Сихем, сын Еммора, в Сикиме, увидев Дину, дщерь Иакова, пал с нею (см.: Быт. 34); Сампсон пленен был красотой Далиды (см.: Суд. 16); Давид пал от воззрения на Вирсавию (см.: 2 Цар. 11); два старца, судьи народные, обезумели от красоты Сусанны (см.: Дан. 13).

Блюдись также всматриваться в хорошие яства и пития, припоминая праматерь нашу Еву, которая, посмотрев недобрыми очами на плод запрещенного древа в раю, воспохотствовала его, сорвала и вкусила, и подвергла смерти себя и весь род свой. Не смотри с вожделением ни на красивые одежды, ни на сребро и злато, ни на блестящие наряды мирские, чтобы чрез очи твои не вошла в душу твою страсть тщеславия или сребролюбия, об избавлении от чего так молится святой Давид: *Отврати очи мои, еже не видети суеты* (Пс. 118, 37). И скажу обще: блюдись смотреть на хороводы, пляски, пиры, пышности, споры, ссоры, пустоболтания и все другие неподобные и срамные дела, кои любит несмысленный мир и запрещает закон Божий. Бегай и закрывай

очи свои от всего этого, чтоб не наполнить сердца своего страстными движениями и воображения срамными образами и не возбудить в себе бунта и брани против себя, пресекши непрерывность подвига, коим должен ты всегда подвизаться против страстей своих. Но люби посещать церкви и смотреть на святые иконы, священные книги, усыпальницы, кладбища и все другое преподобное и святое, смотрение на что может спасительно действовать на душу твою.

б) Надлежит тебе блюсти и уши свои. И во-первых, не слушай срамных и сладострастных речей, песен и музыки, от которых блажью наполняется душа и разнеживается и сердце разгорается плотской похотью; ибо написано: *отврати от себе поносliва* (зловредные) *словеса* (Притч. 27, 11).

Во-вторых, не слушай шумных и смехотворных речей, пустых и баснословных рассказов и выдумок, а если невольно услышишь, не услаждайся ими и не одобряй их. Непристойно христианам находить удовольствие в таких речах, а только тем развращенным людям, о коих сказал святой Павел, что они, *чешеми слухом, от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся* (2 Тим. 4, 3—4).

В-третьих, не слушай с услаждением пересудов, наговоров и клевет, какие иные распространяют о ближних своих, но или пресекай их, если можешь, или удаляйся, чтобы не слышать их. Ибо святой Ва-

силий Великий равно почитает достойными отлучения как осуждающих и клеветников, так и тех, кои слушают их, не останавливая.

В-четвертых, не слушай пустых и суетных речей, в коих проводит время большая часть миролюбцев, и не услаждайся ими. Ибо в законе написано: *да не приимеши слуха суетна* (Исх. 23, 1). И Соломон сказал: *суетно слово и ложно далече от мене сотвори* (Притч. 30, 8). А Господь присудил: *глаголю же вам, яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный* (Мф. 12, 36).

В-пятых, наконец, блюдись вообще от слушания всяких слов и речей, могущих действовать на тебя душевредно, в числе которых не последнее место занимают лести и похвалы льстецов, как сказал Исаия: *людие Мои, блажащии вас льстят вы и стези ног ваших возмущают* (Ис. 3, 12). Но люби слушать Божественные словеса, священные песни и псалмы, и все, что честно, свято, премудро и душеполезно; особенно же люби слушать поношения и укоры, когда кто осыпает тебя ими.

в) Блюди обоняние свое от всякого рода благоуханий, разнеживающих и могущих возбуждать плотские помыслы и движения: не держи их на себе, не намащайся ими и не вдыхай их похотливо и без меры. Все такое прилично женщинам недобрым, а не

мужчинам любомудрым; потому что от этого расслабляется мужество души и возбуждаются плотские страсти и похотения, могущие доводить и до падений, так что на употребляющих эти возбудительные благовония нередко исполняются пророческие угрозы, кои гласят: *лютее вам, первыми вонями мажущиися* (Ам. 6, 1, 6). *Б*удет *вам вместо вони добрыя смрад* (Ис. 3, 23).

г) Блюди вкус свой и свое чрево, да не поработятся сладким и утучняющим разнообразным яствам и ароматным питиям разгорячающим. Ибо такие утешные трапезы, пока приобретешь все нужное для держания их, могут довесть тебя до лжи, обмана, даже воровства и до других многих поработительных страстей и злых дел, а когда приобретешь и станешь ими наслаждаться, могут ввергнуть тебя в ров плотских утех и скотских вожделений, кои обыкновенно действуют под чревом. И ты подпадешь тогда под осудительные определения пророка Амоса: *Люте вам... ядущии козлища от паств, и телцы млеком питаемы от среды стад... и пиющии процеженое вино* (Ам. 6, 1, 4, 6).

д) Блюдись руками своими хватать, жать и обнимать тело не только чужое, женщины ли то или мужчины, и старца, равно как и юноши, но и свое собственное; особенно же без крайней нужды не дотрагивайся до известных членов. Чем произвольнее

такое прикосновение, тем чувствительнее и живее бывает движение плотской похоти и тем неудержимее увлекает оно человека к самому делу греховному. И все другие чувства способствуют движению похоти и неким образом издали содействуют устроению греха, но когда дойдет кто до осязания того, чего не должен касаться, тогда крайне трудно уже бывает ему удержаться от дела греховного.

К соблазнам осязания относятся также и уборы головные, одежда и обувь. Блюдись потому украшать тело свое мягкими, разноцветными и блестящими одеяниями, голову — драгоценными покровами и ноги — ценной обувью. Женоподобно все такое и для мужчины непристойно. Но одевайся степенно и смиренно, удовлетворяя нужде и потребности предохранять тело от холода зимой и от жары летом, чтобы иначе не услышать и тебе того же, что услышал богач, облачавшийся в порфиру и виссон: *помяни, яко восприял еси блага твоя в животе твоем* (Лк. 16, 25), и не испытать на себе угроз пророка Иезекииля, который такой изрек приговор о людях сего рода: дойдут они до того, что сами *свергнут венцы с глав своих, и ризы своя испещренныя совлекут с себе* (Иез. 26, 16).

Сюда же относятся и всякие другие упокоения плоти, каковы: частые купания и бани, красивые чрез меру дома, мягкие ковры, дорогая мебель, пышные

одры и разнеживание на них. От всего этого берегись, как опасного для твоего целомудрия и близкой причины к возбуждению нечистых движений и позывов к плотским вожделениям и делам, чтоб не наследовать, увы, которым угрожает святой пророк Амос: *Люте... вам, спящии на одрех от костей слоновых, и ласкосердствующии на постелях своих* (Ам. 6, 1, 4).

Все, что я теперь сказал тебе, есть та земля, коею питаться осужден змий-искуситель, и все это есть пища, коею питаются плотские страсти наши. Посему, если ты не станешь почитать этого малостью и нестоящей внимания ничтожностью, а, напротив, мужественно вооружишься против сего и ничему такому не будешь попускать входить чрез чувства в душу твою и в твое сердце, то удостоверяю тебя, что воистину легко истощишь ты всю силу ди-авола и страстей, не пропуская для них пищи, коей они могли бы питаться в тебе, и в короткое время явишься доблестным победителем в невидимой брани.

У Иова написано, что мраволев погиб оттого, что нечего было ему есть: *мраволев погибе, занеже не имеяше брашна* (Иов. 4, 11). Этот мраволев изображает диавола, всегдашнего врага нашего, который бежит от человека, не дающего ему чем питаться, чрез отвержение и подавление всех движений страстных, возбуждаемых впечатлениями внешних чувств

наших. На мраволева же он похож тем, как говорит инок некто Иовий, в библиотеке Фотия патриарха, что всегда начинает губить человека чрез ввержение его сперва в малые грехи, как мал муравей, а потом, когда приучит его к таким малым грехам, ввергает уже и в большие; и тем еще похож он на него, что вначале кажется бессильным и малым, как муравей, а потом является сильным великаном, как большой лев.

Глава двадцать пятая

О том, как управлять языком

Самая великая лежит на нас нужда управлять как должно языком своим и обуздывать его. Двигатель языка — сердце; чем полно сердце, то изливается языком.

Но, обратно, излившееся чрез язык чувство сердца укрепляется и укореняется в сердце. Потому язык есть один из немалых деятелей в образовании нашего нрава.

Добрые чувства молчаливы. Излияния чрез слова ищут более чувства эгоистические, чтоб высказать то, что льстит нашему самолюбию и что может выказать нас, как нам мнится, с лучшей стороны. Многословие в больших случаях происходит от некоего горделивого самомнения, по коему, воображая, что мы слишком многосведущи и что наше мнение о предмете речи самое удовлетворительное, неудержимое испытываем понуждение высказаться и обильной речью с многократными повторениями напечатлеть то же мнение и в сердцах других, навязываясь,

таким образом, им в учители непрошеные и мечтая иметь иной раз учениками такие лица, которые понимают дело гораздо лучше учителя.

Сказанное, впрочем, относится к таким случаям, когда предметы речи бывают более или менее стоящие внимания. Наибольшей же частью многоречие однозначительно с пусторечием, и в таком случае нет слов к полному изображению зол, происходящих от сего дурного навыка. И вообще, многословие отворяет двери души, чрез кои тотчас выходит сердечная теплота благоговеинства, тем паче это делает пустословие. Многословие отвлекает внимание от себя, и в сердце, таким образом не блюдомое, начинают прокрадываться обычные страстные сочувствия и желания, и иногда с таким успехом, что, когда кончится пусторечие, в сердце окажется не только соизволение, но и решение на страстные дела. Пусторечие есть дверь к осуждению и клеветам, разносительница ложных вестей и мнений, сеятельница разногласий и раздоров. Оно подавляет вкус к умственным трудам и всегда почта служит прикрытием отсутствия основательного ведения. После многословия, когда пройдет чад самодовольства, всегда остается некое чувство тоскливости и разленения. Не свидетельство ли это о том, что душа и нехотя сознает тогда себя окраденной?

Апостол Иаков, желая показать, как трудно говорливому удержаться от чего-либо неполезного,

грешного и вредного, сказал, что удержание языка в должных границах есть достояние только совершенных мужей: *аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело* (Иак. 3, 2). Язык, коль скоро начнет говорить в свое удовольствие, то бежит в речи, как разнузданный конь, и выбалтывает не только хорошее и подобающее, но и нехорошее и зловредное. Почему апостол сей называет его *неудержимым злом, исполненным яда смертоноснаго* (Иак. 3, 8). Согласно с ним и Соломон еще древле изрек: *От многословия не избежиши греха* (Притч. 10, 19). И скажем с Екклезиастом вообще, что, кто много говорит, тот обличает свое безумие, ибо обычно только *безумный умножает словеса* (Еккл. 10, 14).

Не распространяйся в долгих собеседованиях с тем, кто слушает тебя не с добрым сердцем, чтобы, надокучив ему, не сделать себя для него мерзостным, как написано: *умножаяй словеса мерзок будет* (Сир. 20, 8). Остерегайся говорить сурово и высокотонно, ибо то и другое крайне ненавистно и заставляет подозревать, что ты очень суетен и слишком много о себе думаешь. Никогда не говори о себе самом, о своих делах или о своих родных, исключая случаев, когда это необходимо, но и при этом говори, как можно короче и скорее. Когда видишь, что другие говорят о себе с излишком, понудь себя не

подражать им, хотя бы слова их казались смиренными и самоукорительными. Что же касается до ближнего твоего и до дел его, то говорить не отказывайся, но всегда говори короче и скорее, даже и там и тогда, где и когда это требовалось бы для блага его.

Беседуя, припоминай и старайся исполнить заповедь святого Фалассия, которая гласит: «Из пяти родов предметов речи в собеседовании с другими три употребляй с благоразумием небоязненно; четвертый употребляй не часто; а от пятого совсем откажись» («Добротолюбие». Сотня 1-я, глава 69). Один из пишущих первые три понимает так: да, нет, само собою, или ясное дело, под четвертым разумеет сомнительное, а под пятым совсем неизвестное. То есть, о чем знаешь верно, что оно истинно или ложно и что оно очевидно само собой, о том с решительностью говори, как об истинном, или как о ложном, или как об очевидном; о том, что сомнительно, лучше не говори ничего, а когда и нужда, говори, как о сомнительном, не предрешая; о неизвестном же тебе совсем не говори. Другой некто говорит: есть у нас пять приемов или оборотов речи: звательный, когда кого призываем; вопросительный, когда спрашиваем; желательный или просительный, когда желаем или просим; определительный, когда решительное о чем выражаем мнение; и повелительный, когда начальственно и властно повелеваем. Из этих пяти первые три

употребляй всегда свободно, четвертый — пореже, как можно, а пятого совсем не касайся.

О Боге говори со всем расположением, особенно о Его любви и благости, однако ж со страхом, помышляя, как бы не погрешить и в этом, сказав что о Божественном небоголепно и смутив простые сердца слышащих. Посему люби паче внимать беседам о сем других, слагая словеса их во внутреннейшие хранилища сердца своего.

Когда же говорят о другом чем, то только звук голоса пусть приражается к слуху твоему, а не мысль к уму, который да стоит непоколеблемо устремленным к Богу. Даже и тогда, когда нужно бывает выслушать говорящего о чем, чтобы понять, в чем дело и дать должный ответ, и тогда не забывай, между речью слышимой и говоримой, возверзать око ума на небеса, где Бог твой, помышляя притом о величии Его и о том, что Он не сводит с тебя ока Своего и взирает на тебя то благоволительно, то неблаговолительно, соответственно тому, что бывает в помышлениях сердца твоего, в твоих речах, движениях и делах.

Когда нужно тебе говорить, наперед добре рассуди о том, что высказать всходит на сердце твое, прежде чем перейдет то на язык твой, и найдешь, что многое из сего таково, что ему гораздо лучше не исходить из уст твоих. Но при этом знай, что и из того, что высказать кажется тебе делом хорошим,

иному гораздо лучше оставаться похороненным в гробе молчания. Об этом иной раз сам ты узнаешь тотчас по окончании беседы.

Молчание есть великая сила в деле невидимой нашей брани и верная надежда на одержание победы. Молчание очень любезно тому, кто не надеется на себя, а надеется на одного Бога. Оно есть блюстительница священной молитвы и дивная помощница при упражнении в добродетелях, а вместе и признак духовной мудрости. Святой Исаак говорит, что «хранение языка не только заставляет ум воспрянуть к Богу, но и в делах явных, телом совершаемых, втайне доставляет великую силу к совершению их. Оно просвещает и в сокровенном делании, если только кто соблюдает молчание с ведением» («Добротолюбие». Слово 31). В другом месте так восхваляет он его: «Когда на одну сторону положишь все дела жития сего (отшельнического), а на другую молчание, тогда найдешь, что оно перевешивает на весах. Много есть добрых для нас советов, но когда сблизится кто с молчанием, излишним для него будет делание хранения их» (Слово 41). В другом еще месте называет он «молчание таинством будущего века»; «слова же, — говорит, — суть орудие мира сего» («Добротолюбие». Слово 42). Святой же Варсонофий ставит его выше богословствования, говоря: «Если ты и едва-едва не богословствуешь, то знай, что молчание более

достойно удивления и славы» (там же, ответ 36). Посему хотя бывает, что иной молчит, потому что не имеет что сказать, иной потому, что ждет удобного времени для своего слова (см.: Сир. 20, 6), иной по другим каким причинам, «славы ради человеческой, или по ревности о сей добродетели молчания, или потому, что держит сокровенное в сердце собеседование с Богом, от коего не хочет отойти внимание ума его» (Святой Исаак. Слово 76), но вообще можно сказать, что кто молчалив, тот показывает себя благоразумным и мудрым (см.: Сир. 19, 28; 20, 5).

К тому, чтобы навыкнуть молчанию, укажу тебе одно самое прямое и простое средство: берись за дело сие — и само дело будет и научать тебя, как его делать, и помогать в этом. Для поддержания же усердия к такому труду, почаще размышляй о пагубных следствиях безразборной говорливости и спасительных следствиях благоразумного молчания. Когда же дойдешь до вкушения спасительных плодов молчания, тогда не потребуется более для тебя никаких в этом отношении уроков.

Глава двадцать шестая

Как исправлять воображение и память

Сказавши об управлении внешними чувствами, следует нам сказать теперь и о том, как управляться с воображением и памятью, потому что, и по мнению всех почти философов, воображение и память суть не что иное, как отпечатление всех тех чувственных предметов, которые мы видели, слышали, обоняли, вкушали, осязали. Можно сказать, что воображение и память суть одно внутреннее общее чувство, которое воображает и помнит все, что внешним пяти чувствам пришлось прежде того перечувствовать. И некоторым образом внешние чувства и чувственные предметы походят на печать, а воображение — на отпечатление печати.

Даны же нам воображение и память для того, чтоб мы пользовались их услугами, когда внешние наши чувства покоятся и мы не имеем пред собой тех чувственных предметов, которые прошли чрез наши чувства и отпечатлелись в них (воображении и памяти). Не имея возможности всегда иметь пред

собой предметы, нами виденные, слышанные, вкушенные, обонянные и осязанные, мы вызываем их пред свое сознание посредством воображения и памяти, в коих они отпечатлелись, и таким образом рассматриваем их и обсуждаем, как бы они и внешне присущи были нам.

Например, побывал ты некогда в Смирне и потом опять выбыл оттуда и больше уже не видишь ее внешним чувством очей своих; однако ж, когда захочешь, представляешь себе Смирну внутренним своим чувством, то есть воображением и памятью, представляешь и снова пересматриваешь ее, как она есть, в собственном ее виде, величине и расположении. Это не то значит, чтоб душа твоя выходила из тебя и перешла в Смирну, как думают некие неучи, но ты сам в себе видишь образ Смирны, в тебе отпечатлевшийся.

Это воображение чувственных предметов много докучает и много беспокойств причиняет тем, кои ревнуют всегда пребывать с Богом, ибо оно отвлекает внимание от Бога и наводит его на суетное, а между ним и на греховное, и тем возмущает внутреннее наше доброе настроение, то страдаем мы не наяву только, но и во время снов, от которых впечатление нередко продолжается не на один день.

Как воображение есть сила неразумная, действующая большей частью механически, по законам со-

четания образов, духовная же жизнь есть образ чистой свободы, то само собой разумеется, что его деятельность несовместна с сей жизнью, и я понуждаюсь предложить тебе на сей предмет несколько руководительных замечаний.

а) Знай, что как Бог есть вне всех чувств и всего чувственного, вне всякого вида, цвета, меры и места, есть совершенно безóбразен и безвиден, и хотя везде есть, но есть превыше всего, то Он есть и вне всякого воображения. «Никакое воображение не имеет места в отношении к Богу, ибо Он есть выше всякого помышления и пребывает превыше всего» («Добротолюбие». Игнатий и Каллист. Глава 65). Отсюда само собой следует, что воображение есть такая сила души, которая по природе своей не имеет способности пребывать в области единения с Богом.

б) Знай, что и Люцифер, первый из Ангелов, будучи прежде выше всякого неразумного воображения и вне всякого вида, цвета и чувства, как ум мысленный, невещественный, безвидный и бестелесный, когда потом возмечтал и наполнил ум свой образами равенства Богу, ниспал от оного безвидного, безóбразного, бесстрастного и простого безвеществия ума, в это многовидное, многосоставное и дебелое воображение, как полагают многие богословы, и, таким образом, из Ангела безвидного, безвещественного и бесстрастного сделался диаволом,

как бы вещественным, многовидным и страстным. Но каким стал он, такими же сделались и слуги его, все демоны, о чем у святого Григория Синаита читаем следующее суждение: «Были некогда и они умами, но, ниспадши от оного безвеществия и тонкости, возымели вещественную некую дебелость, отелесняясь каждый соответственно своему чину, степени и действиям, окачествовавшим его. Вследствие сего и они, подобно людям, потеряв ангельскую сладость, лишились божественного наслаждения и осуждены в перстном находить услаждение, как и мы, сделавшись как бы вещественными чрез навыкновение вещественным страстям» («Добротолюбие». Глава 123). По сей причине диавол у Святых Отцов называется живописцем, змием многовидным, питающимся землей страстей, фантазером и другими подобными именами. Слово же Божие изображает его отелесившимся драконом, с хвостом, ребрами, шеей, носом, глазами, челюстями, губами, кожей, плотью и другими подобными членами. (Смотри об этом в главах 40 и 41 праведного Иова.) Из сего уразумей, возлюбленне, что так как многовидная фантазия есть изобретение и порождение диавола, то она для него премноговожделенна и пригодна к погублению нас. Святые Отцы справедливо называют ее мостом, чрез который душеубийственные демоны проходят в душу, смешиваются с ней и делают ее ульем трут-

ней, жилищем страшных, злых и богопротивных помыслов и всяких нечистых страстей, душевных и телесных.

в) Знай, что по святому Максиму, великому богослову, и первозданный Адам создан от Бога не воображательным. Ум его, чистый и безвидный, будучи и в деятельности своей умом, не принимал сам вида или образа от воздействия чувств или от образов вещей чувственных; но, не употребляя этой низшей силы воображения и не воображая ни очертания, ни вида, ни размера, ни цвета сих вещей, высшей силой души, то есть мыслью, чисто, невещественно и духовно созерцал одни чистые идеи вещей, или их значения мысленные. Но человекоубийца диавол, как сам пал от мечтания о богоравенстве, так довел и Адама до того, что он стал мечтать умом своим о равенстве Богу и пал от такого своего мечтания; и за то из мысленной оной, равноангельской, чистой, разумной и безóбразной жизни, низринут был в эту чувственную, многосоставную, многовидную, в образы и мечтания погруженную жизнь, в состояние неразумных животных. Ибо быть погружену в образы или жить в них и под влиянием их есть свойство неразумных животных, а не существ разумных.

После же того как ниспал человек в такое состояние, кто может сказать, в какие страсти, в какое злонравие, и в какие заблуждения введен он был

своим воображательным мечтанием? Нравоучение наполнил разными обольщениями, физику — многими лжеучениями, богословие — непотребными и нелепыми догматами и баснями. И не древние только, но и новейшие мыслители, желая любомудрствовать и говорить о Боге и о Божественных, простых и недоступных воображению и фантазии таинствах (ибо в этом труде должна работать высшая сила души — ум) и приступив к сему делу прежде очищения своего ума от страстных видов и воображательных образов чувственных вещей, вместо истины нашли ложь. И что особенно многобедственно, они эту ложь свою заключили в объятия души и сердца и держат крепко, как истину, выражающую действительность. И, таким образом, вместо богословов явились баснословами, предавшись, по апостолу, *в неискусен ум* (см.: Рим. 1, 28). (См. о сем Исаака Сирианина в конце послания святому Симеону. Слово 55.)

Итак, брате мой, если ты желаешь легко и удобно освободиться от таких заблуждений и страстей, если ищешь избежать разных сетей и козней диавола, если вожделеваешь соединиться с Богом и улучить божественный свет и истину, мужественно вступи в брань со своим воображением и борись с ним всеми твоими силами, чтобы обнажить ум свой от всяких видов, цветов и очертаний, и вообще от всякого воображения и памяти вещей чувственных,

как хороших, так и худых. Ибо все такое есть запятнание и затемнение чистоты и светлости ума, одебеление его безвещественности и проводник к острастению ума: так как ни одна почти страсть душевная и телесная не может подступить к уму иначе, как чрез воображение соответственных им вещей чувственных. Подвизайся же хранить ум свой безцветным, безóбразным, безвидным и чистым, как создал его Бог.

Но этого достигнуть иначе ты не можешь, как возвратив ум свой в себя, заключив его в тесном месте сердца своего и всего внутреннего человека и научив его неотходно пребывать там внутри, то в сокровенной молитве, внутренним словом возглашая: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», то себе внимая и себя рассуждая, наипаче же Бога созерцая и в Нем упокоеваясь. Ибо, как змий, когда нужно ему бывает бросить старую кожу свою, идет и с усилием протискивает себя сквозь какой-либо тесный проход, как говорят естествословы, так и ум, чрез теснины сердца и умной в сердце молитвы протискиваясь, совлекается одежды воображения чувственных вещей и недобрых чувственных впечатлений и делается чистым, светлым и годным к единению с Богом, ради подобия Ему, какое воспринимает чрез это. Опять, как вода, чем больше утесняется в тесных проходах, тем сильнее напирает и быстрее

устремляется вверх, так и ум, чем более стесняется сокровенным в сердце поучением и себе вниманием, тем делается утонченнее и сильнее и, устремляясь горе́, тем недоступнее бывает для всякой страсти, и всякого прилога помыслов, и для всякого образа вещей, не только чувственных, но и мысленных, так как они в таком случае остаются вне и внутрь войти не могут. Предложу и иное сравнение, еще более подходящее. Как лучи солнца, будучи рассеяны в воздухе и разъединены друг с другом, бывают не так светлы и теплородны, будучи же сосредоточены в одну точку посредством известных стекол, дают ослепительный свет и теплоту зажигательную, так и ум, будучи собран в центре сердца себе вниманием и сокровенным поучением, делается светоносным и попалительным, тьму вещественную и страстную разгоняющим и всякие такого же рода образы и движения попаляющим и уничтожающим.

Это ***первый*** и главный способ, как управляться с воображением и памятью, который держать должен ты, возлюбленный, непрерывно. Им ты не только исправишь эти душевные силы, но изгладишь в них все следы и остатки прежде воспринятых впечатлений и образов вещей чувственных, возбуждающих и питающих страсти. Но чем действеннее и плодоноснее сей способ, тем он притруднее, и чем притруднее, тем менее ныне имеет он желающих

употреблять его, чтоб не сказать — тем менее верующих в силу его, особенно в среде мудрецов и учителей, не светских только, но и духовных, которые, не хотя поверить научению Святого Духа и стольких Святых Отцов, указывающих сей способ в драгоценнейшей всякого камения честного книге «Добротолюбия», праведно лишаются плодов Духа, какие сподобляются получить многие неученые и даже неграмотные. Ибо, по слову Спасителя, Бог *утаил* их *от премудрых и разумных и открыл младенцам* (ср.: Лк. 10, 21); потому что, которые не верят в силу сего умного делания и не принимаются за него, те никак не могут понять, сколь оно благотворно, по слову пророка: *аще не уверите, ниже имате разумети* (Ис. 7, 9).

Когда же увидишь, что ум твой утомляется и не может более держаться внутри сердца в умно-сердечной молитве, тогда употребляй и ***второй*** к тому способ, именно: позволь ему выйти вне и поиметь простор в божественных и духовных размышлениях и созерцаниях, как тех, кои преподает Священное Писание, так и тех, к которым подает повод и которые внушает творение Божие. Такие духовные размышления, будучи сродны уму по своей тонкости и безвеществию, не причиняют ему одебеления и не заковывают его во внешнем, а, напротив, удовлетворив в меру его жажду свободного движения в своей

области, содержанием своим располагают его снова скорее возвратиться внутрь сердца, к единению с Богом чрез погружение себя в мысленную память о Нем едином. Почему божественный Максим и говорит, что «одно деяние не может сделать ум бесстрастным, если притом не будет он вдаваться в разные духовные созерцания». Берегись, однако ж, в творениях Божиих, в предметах вещественных и в животных, останавливаться на одной физической их стороне, пока ты еще страстен. Потому что в таком случае ум, не будучи еще свободен от страстного смотрения на чувственные вещи, вместо того, чтоб переноситься от них к духовным и невещественным помышлениям, в них кроющимся, будет увлекаться одной внешней их красотой и показностью и, усладясь ею, может принять ложные об них учения и страстные к ним расположения, по словам святого Максима, как это пострадали столькие и столькие философы-естественники.

Или употреби ***третий*** способ для доставления отдохновения и упокоения уму твоему, именно: берись размышлять о таинствах жизни и страданий Господа, то есть о рождении Его в вертепе, обрезании, поставлении пред Богом в сретении, крещении в Иордане, сорокадневном пощении в пустыне, о проповедании Им Евангелия, о многообразных чудесах, сотворенных Им, о преображении на Фаворе, об

омовении ног ученикам и преподании им Таинств на вечери, о предании Его, о Его страдании, кресте, погребении, воскресении и вознесении на небо, о многообразных истязаниях мучеников и долголетних строгих подвигах преподобных отцов.

Равным образом можешь ты для сокрушения сердца и возбуждения покаянных чувств помышлять еще о таинстве страшного часа смертного, о потрясающем дне суда, о разных видах вечных мук, както: об океанах огня неугасимого, о мрачных в преисподней затворах, о тартарах мрачных, о червях неусыпающих, о сожительстве с демонами; помышляй также и об упокоении и неизреченных радостях праведников, о Царстве Небесном, вечной славе и непрестающем блаженстве, о гласе празднующих, о совершеннейшем единении там с Богом, о всегдашнем сопребывании и сожительстве с Ангелами и всеми святыми.

Если ты, брате, нарисуешь на хартии воображения своего такие помышления и представления, то не только избавишься от непотребных воспоминаний и злых помыслов, но стяжешь и великую похвалу в оный день суда за такой подвиг, как предвещает тебе святой Василий Великий в «Слове о девстве», говоря, что «каждый человек, в теле сем живущий, походит на живописца, рисующего какой-нибудь образ в сокровенном месте. Как этот живописец,

когда, кончив картину, вынесет ее из сокровенности на выставку, хвалим бывает зрителями, если хороший избрал для нее предмет и нарисовал его хорошо, и, напротив, бывает порицаем, если и предмет избрал дурной, и нарисовал его плохо; так и каждый человек, когда по смерти предстанет на суд Божий, имеет быть похвален и ублажен Богом, Ангелами и святыми, если украсил ум свой и свое воображение светлыми, божественными и духовными образами и представлениями, и, напротив, имеет быть посрамлен и осужден, если наполнил свое воображение картинами страстными, срамными и низкими». И святой Григорий Солунский удивление выражает тому, как от воздействия вещей чувственных в душе чрез воображение водворяется или умный свет, доставитель вечноблаженной жизни, или мысленный мрак, ведущий в адскую тьму (Греческое «Добротолюбие». С. 969).

Ведай, однако ж, что я не то хочу тебе сказать, чтоб ты всегда занимался этими одними помышлениями, нет, но употребляй их только иногда, пока ум твой, утомившийся держать себя в теснотах сердца, отдохнет. Когда же отдохнет, возвращай его опять в сердце и заставляй держать себя без мечтаний и образов в сердечной памяти о Боге. Ибо как все раковинные и черепокожие животные покой себе не находят нигде, как в своих раковинах, в коих укры-

ваются, как в доме, так и ум естественно нигде так не упокоивается, как в храмине сердца и во внутреннем человеке, где, укрываясь, как в крепости, благоуспешно ведет он брань с помыслами, врагами и страстями, там же внутри кроющимися, хотя большая часть людей этого не ведает.

Что страсти и помыслы кроются внутри нас, в сердце, и оттуда исходят и борют нас, это не моя мысль. Слушай, что говорит Господь: *от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы. Сия суть сквернящая человека.* (Мф. 15, 19—20). И то, что враги наши демоны укрываются около сердца, не мое придумание. Так учат Святые Отцы. Из них с большей определенностью изъясняет сие святой Диадох, говоря, что прежде Святого Крещения Божественная благодать подвигает человека на добро совне, и сатана кроется в глубинах души и сердца; после же того, как примет человек Святое Крещение, демон витает вне сердца, а благодать вселяется внутрь («Добротолюбие». Ч. 4. Гл. 76). Впрочем, и после Крещения, говорит он далее (глава 82), попускается врагам нашим бывать в глубине тела нашего, как бы на поверхности сердца, для испытания произволения нашего, и отсюда коптят они на ум мокротностью плотских сластей. С этим согласно учит и святитель Григорий Богослов, толкуя, что

сказанное Господом о том, как нечистый дух исходит из человека и опять возвращается в него на наибольшее ему зло (см.: Мф. 12, 43–45), бывает с крещеными, когда они вознерадят о пребывании в сердце. «Изгнанный Крещением нечистый дух, — говорит, — не любя быть бездомным, ищет покоя, скитаясь там и сям, и, не находя его, возвращается к дому, из которого вышел, потому что бесстыден. Если найдет, что Христос, вниманием и любовью крещеного держимый, водворился и пребывает на месте, из которого он изгнан, то есть в сердце, то, снова отраженный, уходит без успеха. Если же найдет в ком прежнее место свое пустым, ничем не занятым, по отсутствию внимания к Господу и памяти о Нем, то поспешно входит, с большей против прежнего злобой. И бывает человеку тому последнее горше первого» (Слово 40-е). Я намеренно распространился о сем, чтоб сильнее расположить тебя неотходно пребывать внутри сердца с памятью о Господе Спасителе и молитвой к Нему, если желаешь всегда являться победителем в смущениях помыслами и страстными движениями, навеваемыми на сердце. Когда ты там с Господом, враг не посмеет подойти.

Над всем же сим, говорю тебе, бодрствуй над собой и не давай своему воображению и памяти воспоминать прежде виденное, слышанное, обонянное, вкушенное и осязанное, особенно, что было в этом

срамного и непотребного. В этом и состоит преимущественно наша брань, и она труднее и неотвязчивее брани с чувствами или употреблением их. Всякий из борющихся знает это по опыту. Чтобы не восприять что-либо соблазнительное каким-нибудь чувством, с этим управиться легко, но по восприятии управляться с воображением и памятью о том очень трудно. Чтобы, например, видеть или не видеть какое лицо, посмотреть на него страстно или бесстрастно, это не так трудно и не представляет большой брани; после же того, как увидишь и взглянешь на него страстно, уже нелегко, а требуется большая брань и немалый подвиг, чтоб изгнать из памяти своей воображение этого лица. И враг может играть душой твоей, как мячиком, перебрасывая внимание от одного воспоминания на другое и под ними шевеля пожелания и страсти и держа тебя таким образом в страстном настроении. Посему и говорю тебе: бодрствуй и паче всего смотри за воображением и памятью.

Глава двадцать седьмая

Воину Христову надлежит всевозможно избегать тревог и смятений сердечных, если желает добре препобеждать врагов своих

Как долг неотложный имеет всякий христианин, когда потеряет сердечный мир, делать все от него зависящее, что может способствовать к восстановлению его, так не меньше того обязательно лежит на нем не допускать, чтоб какие-либо случайности текущей жизни возмущали сей мир: разумею болезни, раны, смерть сродников, войны, пожары, внезапные радости, страхи и скорби, воспоминания о прежних проступках и ошибках — словом, все, чем обычно волнуется и тревожится сердце. Потому обязательно не допускать тревог и волнений в таких случаях, что, поддавшись им, человек теряет самообладание и лишается возможности ясно понимать события и верно видеть подобающий образ действования, а то и другое дает врагу доступ взволновать его еще более и направить на какой-либо шаг, трудно поправимый или совсем не поправимый.

Я не то хочу сказать: не допускай скорби, потому что это не в нашей власти, а то: не допускай скорби возобладать твоим сердцем и взволновать его, держи ее вне, за пределами сердца, и спеши так ее умягчить и укротить, чтоб она не мешала тебе и здраво рассуждать и право действовать. Это, при помощи Божией, в нашей власти, если у нас в силе нравственно-религиозные чувства и расположения.

Из прискорбностей каждая имеет свои особенности и против каждой есть свои приемы, но я говорю вообще о них, разумея общее их свойство — растревоживать и возмущать душу, и общее против этого имея в мысли предложить тебе средство. Средство это есть вера в благое Провидение, устрояющее течение нашей жизни со всеми ее случайностями, в личное каждому из нас благо, и благодушная покорность воле Божией, выражающейся в нашем положении, по коей в глубине души взывалось бы: «Буди воля Божия! Якоже Господеви изволися, тако и бысть, и бысть во благо нам».

Сие благо в разных лицах разно сознается и чувствуется. Иной сознает: «Это благость Божия на покаяние меня ведет»; другой чувствует: «Грех ради моих послал мне это Господь, чтоб очистить меня от них, несу эпитимию Божию»; третьему приходит на мысль: «Испытывает меня Господь, искренне ли я служу Ему». Со стороны смотрящие на подвергавшегося

скорбям могут и четвертое подумать: «Это ему — да явятся дела Божии на нем» Но такое решение может иметь место не иначе как по окончании прискорбностей, и именно при явной помощи Божией. В душе же скорбящего уместны только три первые чувства. И они все такого свойства и силы, что какое бы из них ни взошло на сердце, всякое сильно утишить поднимающуюся бурю скорби и водворить в сердце мирное благодушие.

И вот тебе общее средство к умиротворению сердца, когда прискорбности покушаются возмутить его: восставив в возможной силе веру в благое Провидение о тебе Божие и оживив в душе богопреданную покорность воле Божией, наводи на сердце сказанные выше помышления и понудь его почувствовать, что настоящей случайностью скорбной или испытывает тебя Господь, или очистительную эпитимию на тебя налагает, или подвигает на покаяние или вообще, или частно о каком-нибудь забытом деле неисправном. Как только сердце восчувствует что-либо из сего, скорбь тотчас утихнет и даст ему возможность вслед за сим восприять в себя и другие два чувства; все же вместе они скорее водворят в тебе такой мир и благодушие, что ты не возможешь не взывать: «Буди имя Господне благословенно во веки!» Что масло на волны моря, то сии чувства на скорбное сердце: улегаются волны и бывает тишина великая.

Так умиротворяй сердце, когда оно встревожилось в какой бы то ни было степени. Но если ты долгим над собой трудом и духовными подвигами так внедришь в сердце сказанные чувства, что они будут преисполнять его неотходно, то никакая скорбь не потревожит тебя, потому что такое настроение будет для тебя действеннейшим предохранительным средством против того. Не то, чтоб чувства скорбные уж и не подступали, они будут подступать, но тотчас же и отступать, как волны морские от крепкого утеса.

Глава двадцать восьмая

Что делать, когда бываем уранены на брани

Когда бываешь уранен, впадши в какое-либо прегрешение по немощи своей или по худонравию своему (разумеются грехи простительные: недолжное слово сорвалось, рассердиться пришлось, мысль худая промелькнула, желание недолжное поднималось и подобное), не малодушествуй и не мятись попусту без толку. Первое, что нужно, — не останавливайся на себе, не говори: «Как я такой потерпел это и допустил?!» Это вопль гордостного самомнения. Смирись, напротив, и воззрев ко Господу, скажи и восчувствуй: «Чего другого и ожидать было от меня, Господи, столь немощного и худонравного». И тут же возблагодари Его, что на этом только остановилось дело, исповедуя: «Если б не Твоя безмерная благость, Господи, не остановился бы я на этом, а всеконечно впал бы еще в худшее что».

Однако ж, сознаваясь так и таким себя чувствуя, поопасись допустить беспечную и поблажливую мысль, что поскольку ты таков, то будто право некое

имеешь делать что-либо неподобающее. Нет, несмотря на то, что ты немощен и худонравен, все неподобающее, делаемое тобой, вменяется тебе в вину. Ибо все, происходящее от тебя, произволением одаренного, произволению твоему принадлежит, и как доброе бывает тебе в одобрение, так худое в охуждение. Потому, сознав себя худым вообще, сознай вместе и виновным в том худе, в которое впал в настоящий час. Осуди себя и укори, и притом себя одного, не озирайся по сторонам, ища, на кого бы свалить вину свою. Ни люди окружающие, ни стечение обстоятельств не виноваты в грехе твоем. Виновно одно злое произволение твое. Себя и укоряй.

Однако ж не будь похож и на тех, которые говорят: «Да, я это сделал, и что ж такое?» Нет, после сознания и самоукорения, поставив себя пред лицом неумытной правды Божией, поспеши возгреть и покаянные чувства: сокрушение и болезнование о грехе не столько по причине унижения себя грехом, сколько по причине оскорбления им Бога, столько милостей тебе лично явившего, в призвании тебя к покаянию, в отпущении прежних грехов, в допущении ко благодати Таинств, в хранении тебя на добром пути и руководстве по нему.

Чем глубже сокрушение, тем лучше. Но, как бы ни было сильно сокрушение, и тени не допускай нечаяния помилования. Помилование уже совсем готово,

и рукописание всех грехов разодрано на кресте. Ожидается только раскаяние и сокрушение каждого, чтоб и ему присвоить силу крестного заглаждения грехов всего мира. С сим упованием пади ниц душой и телом и вопий: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей* (Пс. 50, 3), — и не преставай вопить, пока не восчувствуешь себя виновным-милуемым, так чтоб вина и милование слилось в одно чувство.

Эта благодать нисходит наконец на всякого кающегося. Но ему сопутствовать должна решимость, обетом скрепленная, не поблажать себе потом, а строго блюсти и охранять себя от всяких падений, не только больших, но и малых, с присовокуплением усердной молитвы о благодатной к тому помощи. После столь близкого опыта неблагонадежности своих сил и усилий, сами собой пойдут из сердца воздыхания: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50, 12). *И Дух Твой благий да наставит меня на землю праву* (Пс 142, 10).

Все сие: самоосуждение, сокрушение, уповательную молитву о помиловании, воодушевительное решение блюстись впредь и молитву о благодатной к тому помощи — должно тебе проходить внутри всякий раз, как погрешишь оком, слухом, языком, мыслью, чувством, и на мгновение одно не оставляй

в сердце грех неисповеданным Господу и неочищенным пред Ним сердечным покаянием. Опять падешь — и опять то же сделай, и хотя бы тебе многократно пришлось погрешить, столько же раз и очищай себя пред Господом. Вечером же, если есть возможность, перескажи все духовному отцу своему, а когда нельзя в тот же вечер, перескажи при случае. Такое исповедание или откровение всего духовному отцу есть самое благотворное действие в деле нашей духовной брани.

Ничто так не поражает врага-душегубца и не разоряет козни его, как такой образ дей-ствования. Посему он всячески усиливается препятствовать ему и внутренне и внешне: внутренне — мыслями и чувствами, а внешне — напущением разных встреч и случайностей. Какие именно эти препоны, сам увидишь, когда возьмешься за дело. Об одном только помяну: враг усиленно старается внушить, не тотчас, как замечено прегрешение, приступать к делу внутреннего себя от него очищения, а подождать немножко, не день и не час, а немножко. Но только согласись на это, он подставит другой грех, после греха языком грех оком и еще каким чувством, а этого греха очищение поневоле уже отложишь, потому что надо прежде очистить предыдущий. И пойдет таким образом отлагание на целый день, и грех за грехом наполнит душу. Вечером, до коего обычно

откладывается дело покаянного себя очищения, ничего не видно в душе определенного, — там шум и смятение, и мрак от множества допущенных падений. Душа похожа на очи, пылью набитые, или на воду, помутившуюся от множества нападшего туда сора. Как ничего не видно, то дело покаяния совсем оставляется, но вместе с тем и душа оставляется мутной и смятенной. От этого молитва вечерняя бывает неисправна, а далее и сны нехороши. Так никогда ни на одно мгновение не отлагай внутреннего очищения, как только сознаешь за собой что неисправное.

Второе, что внушает при этом враг, есть не сказывать духовному отцу случившегося. Не слушай и наперекор ему открывай все: ибо, сколь много благ от сего открывания, столь же, или даже больше, зла от скрывания того, что бывает в нас и с нами.

Глава двадцать девятая

Какого порядка держится диавол в ведении брани духовной со всеми и как прельщает людей разных состояний нравственных

Ведай, возлюбленне, что диавол ни о чем другом не печется, как о погибели каждого из нас, и что не одним и тем же способом ведет со всеми брань. Чтоб тебе было это яснее увидеть и понять, представлю тебе пять нравственных состояний людей и опишу соответственные им козни, обходы и прельщения вражеские. Состояния сии суть следующие: одни пребывают в рабстве греху, и помышления не имея об освобождении от него; другие, хотя помышляют об этом освобождении и желают его, но ничего не предпринимают, чтобы достигнуть его; есть и такие, которые по освобождении от уз греха и стяжании добродетелей, попадают опять в грех с большим растлением нравственным. Из этих последних одни в самопрельщении думают, что, несмотря на то, все еще идут к совершенству; другие в беспечности

оставляют путь добродетели; иные самую добродетель, какую имеют, превращают в повод и причину зла для себя.

На каждого из таковых враг действует, сообразуясь с его настроением.

Глава тридцатая

Как диавол утверждает грешников в рабстве греху

Когда диавол держит кого в рабстве греху, то преимущественно заботится о том, чтоб все более и более омрачать его духовным ослеплением, отгоняя от него всякий добрый помысл, могущий привести его в сознание пагубности своей жизни. И не только добрые отгоняет от него помыслы, которые могли бы подвигнуть его на покаяние и обратить на путь добродетели, но вместо них влагает помыслы злые и развращенные, и тут же подстраивает подручные поводы к обычному ему греху и увлекает его часто падать в него или в другие, более тяжкие грехи. От этого бедный грешник делается все более и более омраченным и ослепленным. Ослепление это укореняет в нем навык и непрестающий позыв все грешить и грешить, так что он, несчастный, влекомый от дела греховного к большему ослеплению и от ослепления в большие грехи, кружится, как в водовороте, и прокружится так всю свою жизнь до самой смерти, если

не привнидет особенная Божия благодать во спасение ему.

Кто находится в таком бедственном состоянии, тому, если он пожелает от сего избавиться, надлежит немедля, как только придет ему благое помышление или, лучше сказать, внушение, зовущее его из тьмы во свет и от греха к добродетели, тотчас принять его со всем вниманием и желанием, тотчас усердно приступить и к делу, взывая из глубины сердца к щедрому Подателю всякого блага: «Помоги мне, Господи Боже мой, скоро помоги и не оставляй меня более в этой тьме греховной». Пусть не знает утомления, взывая таким или иным каким словом; но вместе с тем да взыщет и земной помощи, обратясь к знающим дело за советом и руководством, как бы успешнее освободиться от томящих его вражеских уз рабства греховного. Если этого невозможно сделать тотчас, пусть исполнит это, как только откроется возможность, не переставая прибегать к распеншемуся за нас Господу Иисусу и к Пречистой Матери Его Богородице Приснодеве, благоутробно смилостивиться над ним и не лишить его скорой подобающей помощи. Да ведает он, что в этом неотлагании дела и скорой готовности последовать доброму внушению — его победа и преодоление врага.

Глава тридцать первая

Как враг удерживает в своих сетях тех, кои сознали бедственное свое положение и хотят избавиться от него, а к делу не приступают. И отчего добрые наши намерения нередко не приводятся в исполнение

Тех, которые познали худость и бедственность жизни, которой живут, враг успевает удерживать в своей власти наибольшей частью следующим простым, но всесильным внушением: «После, после; завтра, завтра». И бедный грешник, прельщаясь тенью доброхотства, представляемого таким внушением, решает: «В самом деле завтра; ныне я покончу свое дело, и потом с полнейшей бесопечительностью предам себя в руки благодати Божией и неуклонно потеку путем духовной жизни; ныне сделаю то и то, а завтра покаюсь».

Сеть это вражеская, брате мой, которой он уловляет многих и премногих и держит в своих руках весь мир. Причина же, по которой эта сеть так удобно осечивает нас, есть наше нерадение и ослепление.

Ничем другим, как нерадением и ослеплением, нельзя объяснить того, что в таком важном деле, от которого зависит все наше спасение и явление на нас славы Божией, мы не беремся тотчас за самое простое и легкое и вместе самое действительное орудие, именно, чтоб с полной решимостью и энергией сказать в себе: «***Сейчас!*** Сейчас начну духовную жизнь, а не после; ныне покаюсь, а не завтра. ***Ныне, сейчас*** в моих руках, а ***завтра*** и ***после*** в руках Божиих. Но если и благоугодно будет Господу дать мне ***завтра*** и ***после***, могу ли я быть уверенным, что и завтра найдет на меня это благое и понудительное помышление об исправлении жизни?» К тому же, что за бессмыслие говорить, например, когда предлагается верное средство от болезни: «Погоди, дай еще поболею немного?» А отлагающий дело спасения совершенно походит на такого.

Итак, если желаешь избавиться от прелести вражеской и победить врага, тотчас берись за надежное против него оружие, тотчас послушайся делом добрых помышлений и Божиих тебе внушений, зовущих тебя к покаянию, не допускай ни малейшей отсрочки и не позволяй себе сказать: «Я положил твердое намерение покаяться немного после и не отступлю от этого намерения». Нет, нет, не делай так. Такие решения всегда оказывались обманчивыми, и многие-премногие, понадеясь на них, оставались по-

том нераскаянными до конца жизни, по разным причинам.

а) Первая та, что собственные наши решимости не бывают основываемы на неверии себе и на крепком уповании на Бога, посему не бываем чужды гордостного о себе мнения, неотложным следствием которого всегда бывает удаление от нас благодатной Божией помощи и вместе с тем неизбежное падение. От сего решающий в себе: «Завтра непременно брошу путь греха», — встречает всегда противное тому: не востание, а горшее падение, а там опять падение за падением. И Бог промыслительно тогда попущает сие, чтобы привести самонадеянного в сознание своей немощи и побудить ко взысканию Божией помощи, единой надежной, с отвержением и попранием всякой надежды на себя. Хочешь ли знать, человече, когда крепки и благонадежны будут твои собственные решимости? Когда не будешь держать никакой на себя надежды и когда они у тебя основаны будут на смирении и крепком уповании на единого Бога.

б) Вторая та, что при таких наших решимостях имеется в виду преимущественно красота и светлость добродетели, и они-то привлекают к себе нашу волю, сколько бы она ни была слаба и немощна; причем, конечно, трудная сторона добродетели ускользает из внимания. Но ныне она ускользает потому, что желание красоты добродетели сильно влечет волю;

завтра же, когда между тем привнидут обычные дела и заботы, оно не будет уже так сильно, хотя принятое намерение еще помнится. При ослабшем желании и воля слабеет или вступает в естественную свою немощность, вместе же с тем и трудная сторона добродетели выступит вперед и предстанет пред очи, потому что путь добродетели по существу своему труден, и труднее всего бывает он при первом шаге. Пусть теперь, положивший вчера ныне вступить на сей путь, приступит к сему, — он уже не будет иметь в себе никакой опоры к исполнению сего: желание не напряженно, воля ослабла, пред очами одни препятствия — ив себе, и в порядках своей обычной жизни, и в обычных сношениях с другими. Он и решает: подожду пока, соберусь с силами, и пойдет таким образом ждать день ото дня, и не дивно, если прождет и всю жизнь. А приступи он к делу вчера, как только пришло воодушевительное желание исправиться, сделай то или другое по требованию сего желания, введи в жизнь что-нибудь в духе его — ныне и желание и воля не были бы так слабы, чтоб отступать пред лицом препятствий. Препятствий не миновать, но, имея в себе опору, он, хоть с трудом, преодолел бы их. Пробудь он весь день в этом преодолевании, на другой они оказались бы гораздо менее чувствительными; а на третий — еще менее. Дальше и дальше — и установился бы он на добром пути.

в) Третья — та, что добрые возбуждения от сна греховного не только неохотно опять приходят, быв оставлены без исполнения, но и, когда приходят, не производят уже того действия на волю, которое оказали в первый раз; воля не столь быстро склоняется тещи в след их, и вследствие того решимость на то, если и появится, слаба бывает, не энергична. Но если более сильное возбуждение человек смог отложить до завтра и потом совсем потерять, то тем удобнее поступит он так же и со вторым и еще тем удобнее — с третьим. И так далее: чем чаще отлагается исполнение добрых возбуждений, тем слабее бывает их действие; потом дело доходит до того, что они совсем делаются бездейственными, приходят и отходят бесследно, а наконец, и приходить перестанут. Человек предается в руки падения своего; сердце его ожестевает и начинает отвращение иметь к добрым возбуждениям. Так отлагательство делается прямым путем к конечной погибели.

Замечу тебе еще, что отлагательство бывает, не только когда чувствуется понуждение внутреннее к перемене жизни худой на добрую, но и когда кто ведет жизнь исправную, именно, когда кому представляется случай сделать добро и он отлагает это или до завтра, или неопределенно до другого времени. И к этому отлагательству приложимо все, что говорилось о первого рода отлагательстве, и следствия

от сего могут быть подобные же следствиям от того. Ведай, что кто пропускает случай сделать добро, тот не только лишается плода от добра, которое бы сделал, но и Бога оскорбляет. Бог посылает к нему нуждающегося, и он говорит: «Отойди — после». Это хоть он говорит человеку, но то же, что говорит Богу, пославшему его. Бог найдет для него другого благодетеля, но отказавший ему не безответен.

Глава тридцать вторая

О кознях врага против тех, которые вступили на добрый путь

Но пусть кто миновал первые две препоны, возжелал освободиться от уз греха и приступил к сему тотчас; враг не оставляет его и здесь и переменяет только тактику, а не злое желание и чаяние претнуть его о камень искушения какого-либо и погубить. И Святые Отцы изображают такого обстреливаемым со всех сторон: сверху и снизу, справа и слева, спереди и сзади — отовсюду летят на него стрелы. Стрелы сверху — внушения чрезмерностей непосильных в трудах духовных; стрелы снизу — внушения умалить или совсем оставить такие труды по саможалению, нерадению и беспечности; стрелы справа — когда враги по поводу каких-либо добрых начинаний и дел ввергают в искушение и опасности падения; стрелы слева — когда враги явные представляют соблазны и влекут на грех; стрелы спереди — когда враги искушают и смущают помыслами о том, что имеет быть; стрелы сзади — когда они

искушают и возмущают воспоминаниями о прошедших делах и событиях. И все такие искусительные помыслы приражаются к душе или внутренним путем или внешним: внутренним — через образы и представления фантазии, печатлеемые в сознании мысленно, или через непосредственные внушения худого в сердце, сопровождаемые обычными страстными движениями; внешним — через впечатления внешних чувств, непрестанно приливающие, как уже говорено было выше. Пособниками себе враги наши имеют прежние греховные привычки и наше поврежденное в падении естество. Имея столько способов вредить нам, враг нимало не смущается первыми неудачами и непрестанно пускает в ход то одно, то другое, чтобы преткнуть или сбить с пути ускользающего из его власти раба Христова.

Первым делом у врага, после того как решится кто оставить недобрые пути и действительно оставляет их, бывает — очистить для себя место действия против него, чтоб никто не мешал ему. Успевает он в этом, когда внушит вступившему на добрый путь действовать самому по себе, не обращаясь за советом и руководством к присущим всегда Церкви руководителям к богоугодной жизни. Кто следует сему руководству и все свои деяния, и внутренние и внешние, поверяет рассуждениям своих руководителей: в приходах — мирских священников, а в обителях —

опытных старцев, — к тому нет доступа врагу. Что бы он ни внушил, опытный глаз тотчас увидит, куда он метит, и предостережет своего питомца. Так разоряются все его козни. А кто отшатнется от своих руководителей, того он тотчас закружит и собьет с пути. Есть много возможностей, кажущихся нехудыми. Их и внушает он. Неопытный новичок следует им и попадает в засаду, где подвергается большим опасностям или совсем гибнет.

Второе, что устроит враг, — это оставить новичка не только без руководства, но и без помощи. Положивший обходиться в жизни своей без совета и руководства скоро сам собой переходит к сознанию ненужности сторонней помощи при совершении дел своих и ведении богоугодных порядков. Но враг ускоряет этот переход тем, что скрывается сам и не делает нападений на новичка, который, восчувствовав такую свободу и льготу, начинает мечтать, что это доброе состояние есть плод его собственных усилий, и вследствие того почивает на них и в молитвах своих о помощи свыше говорит как бы только сквозь зубы, потому только, что так пишется в молитвах. Помощь не искомая и не приходит, и остается таким образом новичок один, с одними своими силами. А с таким врагу легко уже управиться.

Следствием такого самопрельщения бывает для одних то, что они бросаются на чрезмерные подвиги

не по силам и не по времени. Сильное возбуждение энергии самонадеянностью дает им на первый раз силу протянуть такие подвиги несколько времени, потом силы их истощаются и они не находят уже их в себе столько, чтоб держать самые умеренные подвиги, а нередко и от этих отказываются. Иные же, разжигая свою самодеятельную энергию все более и более, доходят до такой самоуверенности, что считают все для себя возможным. В этом возбужденном состоянии они делают пагубные шаги: бросаются в колодцы высохшие или с утесов, где живут, в пещере какой; совсем отказываются от пищи и подобное. Все это устроят враг незаметно для прельщаемых.

Для других следствием самопрельщения, приписывания себе самим своих успехов бывает то, что они дают себе право на разные послабления и льготы. Есть прелесть в жизни, что когда вводится в нее что новое, как, например, у покаявшегося, тогда дни кажутся месяцами, а недели годами. От этого потрудившемуся немного в порядках новой жизни враг легко вбивает в голову мечты: «Сколько уж я потрудился, сколько времени постился, сколько раз ночи не спал и подобное. Можно немного и отдохнуть». «Отдохни, — толкует враг, — дай покой плоти; немножко и развлечься можно». Как только согласится на это неопытный новичок, пойдут у него льготы за льготами, пока наконец расстроятся все порядки

богоугодной жизни и он спустится в ту же жизнь, которую оставил, и начинает опять жить в нерадении и беспечности, спустя, как говорится, рукава.

С такими, впрочем, искушениями — чуждаться и совета и руководства других, приписывать себе успехи, замышлять о чрезмерностях и послаблениях, — враг не в начале только доброй жизни подступает, но делает попытки к таким внушениям и в продолжение всей ее. Потому сам видеть можешь, как необходимо тебе все, что ни делаешь, делать с советом, никогда никаких успехов, как бы они ни были малы, не приписывать себе, своим силам и своему тщанию, бегать всяких чрезмерностей и послаблений и вести жизнь ровную, но энергичную и живую, всегда в порядках, однажды заведенных и установленных по примерам святых, прежде живших, и с рассуждением опытных людей, современных тебе.

Глава тридцать третья

Как враг отклоняет от добрых дел и портит их

Указанные пред сим козни врага расстраивают всю жизнь добрую. Против того, кто, устояв против них, течет неуклонно добрым путем, враг строит иные козни и иные преткновения. Тут он не на всю жизнь вооружается, а действует урывками против всякого частного дела, которое начинает и делает добрый христианин по Богу.

Со времени открытия глаз утром после сна до закрытия их снова на ночь мы окружены делами, кои непрестанно чередуются и, следуя одни за другими, не оставляют пустого момента, если мы внимаем себе и не болеем леностью и нерадением. При этом не только дело молитвенного устремления сердца к Богу, не только должные дела в сношениях с другими в правде и любви, не только дела упорядочения в себе равновесия между телом и душой в подвигах самоумерщвления, но и житейские дела с гражданскими — все должны быть обращаемы на содевание спасения со строгим вниманием, бодренностью и

усердием. Ревнителям о сем Бог помогает все вести достодолжно, содействуя им благодатью Своею с охранением их Ангелами и молитвами святых. Но и враг не дремлет. Ко всякому делу он подстревает и хлопочет, нельзя ли как-нибудь помутить течение дел наших и вместо должных навесть или сбить на дела недолжные: то бросается помешать самому начинанию их; то, когда они начаты, покушается пресечь течение их; то, если в этом не успевает, хлопочет сделать исполнение их и совершение никуда не годными; когда же и в этом посрамляется, то злоухитряется отнять всякую у них пред Богом цену, возбудив тщеславие и самомнение.

Святой Иоанн Лествичник так говорит о сем: «Во всех деяниях наших, которыми стараемся мы угодить Богу, бесы выкапывают нам три ямы: во-первых, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу; во-вторых, когда они в сем первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное не было по Богу; а если тати оные и в сем умышлении не получают успеха, тогда уже, бесшумно подступивши к душе нашей, ублажают нас, как живущих во всем богоугодно. Первому искушению сопротивляется горячее рвение и память о смерти; второму — повиновение и уничижение; а третьему — всегдашнее укорение самого себя. *Сие труд есть* пред нами, *дондеже* внидет во святилище наше огнь

оный Божий (Пс. 72, 16). Тогда уже не будет в нас насилия злых навыков, ибо *Бог наш есть огнь поядаяй* (Евр. 12, 29) всякое разжжение и движение похоти, всякий злой навык, ожесточение и омрачение внутреннее и внешнее, видимое и помышляемое» (Слово 26, 8).

Всего, бывающего при этом, описать никакое перо не может. Внимай себе, одно мерило держа в уме — единому Богу благоугождать всем, и большим и малым, и сама жизнь научит тебя ясно видеть и проразумевать вражеские козни. Предложу, однако ж, тебе два-три примера, какие смуты воздвигает враг в душе нашей, чтоб попортить дела наши, когда они должны длиться определенное время.

Когда, например, больной расположится благодушно переносить болезнь свою и переносит, враг, зная, что, таким образом он утвердится в добродетели терпения, подступает расстроить такое его благорасположение. Для сего начинает приводить ему на ум многие добрые дела, которые мог бы он совершить, если б находился в другом положении, и старается убедить его, что если б был здоров, как добре поработал бы Богу и сколько пользы принес бы и себе и другим: ходил бы в церковь, вел бы беседы, читал бы и писал в назидание ближних и подобное. Заметив, что такие мысли принимаются, враг почаще приводит их на ум, размножает и раскрашивает,

проводит до чувства, вызывает желания и порывы к делам тем, представляя, как хорошо шли бы у него те или другие дела, и возбуждая жаление, что связан по рукам и ногам болезнью. Мало-помалу при частых повторениях таких мыслей и движений в душе, жаление переходит в недовольство и досадование. Прежнее благодушное терпение таким образом расстраивается, и болезнь представляется уже не как врачевство от Бога и поприще для добродетели терпения, а как нечто неприязненное делу спасения, и желание освободиться от нее делается неудержимым, все еще в видах получения чрез то простора для доброделания и угождения Богу всяческого.

Доведши до сего, враг украдает из ума его и сердца эту благую цель желания выздоровления и, оставляя одно желание здоровья как здоровья, заставляет досадливо смотреть на болезнь не как на препону к добру, а как на нечто неприязненное само по себе. От сего нетерпеливость, не врачуемая благопомышлениями, берет силу и переходит в ропотливость и лишает больного прежнего покоя от благодушного терпения. А враг радуется, что успел его расстроить. Точь в точь таким же образом расстраивает враг бедного, терпеливо переносящего участь свою, рисуя ему, какими добрыми делами украсился бы он, если бы имел состояние.

Подобно сему враг расстраивает нередко находящихся на поприще послушания в обители или у какого

старца, успевая убедить их, что, оставаясь в этом порядке жизни, они не скоро дойдут до желанного совершенства, и разжигая в них желание затвора или пустынного жительства. И нередко бывает, что таким его внушениям следуют. Но, достигнув этого, там наедине предаются нерадению и теряют то, что прежде приобретено было с трудом в послушничестве.

И наоборот, бывает, что враг успевает выгнать иного из уединения и затвора, убедив его, что он там сидит без всякой пользы для себя и для других, тогда как в обители у него полезные дела текли бы обильно рекой и день и ночь. А когда послушавшийся переходит в обитель, то чаемых дел полезных не успевает наделать, а что приобрел в пустыне, скоро истрачивает и остается ни при чем.

И множество многое есть других подобных случаев, когда враг успевает отклонить от одного рода занятий, сманивая к другому, будто полезнейшему, и расстраивая тот и другой.

От всех таких искушений избавляется легко, кто, имея опытного руководителя, советника и собеседника, со смиренной покорностью следует их указаниям. А кто лишен почему-либо такого блага, тот да внимает себе и строго учится различать доброе от худого по началам христианским, коими должна устрояться жизнь всех нас. Если случаи, мешающие, как нам кажется, развернуться шире нашему добро деланию, не от нашей воли, а посылаются Богом, то принимай

их с покорностью и не слушайся никаких внушений, отклоняющих тебя от сей покорности. Послав такой случай, Бог ничего от тебя не ожидает, кроме того, чтоб ты держал себя и действовал так, как требует и как дает возможность посетивший тебя случай. Больной ли ты или бедный — терпи. Ничего кроме терпения Бог от тебя не требует. Терпя благодушно, ты будешь находиться непрерывно в добром деле. Когда ни воззрит на тебя Бог, будет видеть, что ты делаешь добро или пребываешь в добре, если благодушно терпишь, тогда как у здорового дела добрые идут промежутками. Посему, желая перемены своего положения, ты желаешь променять лучшее на худшее.

Если же случайное положение, в каком находишься и какое, как полагаешь, стесняет круг возможных для тебя добрых дел, от твоей зависело воли, то, как ты, наверное, избрал его не без рассуждения, и держись того рассуждения, не позволяй мыслям блуждать по разным возможностям, а все внимание свое устремив и сковав тем одним, что предлежит тебе в твоем положении, спокойно твори сопряженные с ним дела, в полной уверенности, что если ты все посвящаешь их Богу, а не самоугодию, то они не бесплодно наполняют все твое время и приемлются Богом, как жертва от тебя самая полная. И пребывай покоен.

Глава тридцать четвертая

Как враг сами добродетели обращает во вред делателям

Но пусть ты верно и постоянно течешь путем добродетели, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе; не думай, что враг отстанет от тебя. Нет, слышал уже ты, что я привел тебе из святого Иоанна Лествичника, что враг, когда видит, что все его покушения совратить тебя на зло безуспешны, идет потихоньку вслед тебя и ублажает, как живущего во всем богоугодно. Вот это и есть последнее его искушение. Отзывается это вражье нас величание самомнением, самочувствием и самодовольствием; а от них порождаются тщеславие и гордость, из коих тщеславие снедает всю цену дел наших, если есть какие добрые, а гордость делает нас противными Богу. Внимай убо и всячески отбивайся от сих вражеских ублажений, не давая им проходить до сердца, а отражая с первого момента, как они коснутся слуха души твоей.

Чтоб не подвергнуться грозящей тебе от сего беде, держи всегда ум свой собранным в сердце и будь

всегда готов к отражению этих вражеских стрел. Стоя там внутри, как военачальник среди бранного поля, избери удобное для брани место и, укрепив его как следует, не оставляй никогда, но там укрывайся и оттуда воюй. Место это и укрепление его и вооружение есть искреннее и глубокое сознание своей ничтожности, что ты и беден, и слеп, и наг, и богат одними немощами, недостатками и неодобрительными делами, неразумными, суетными и грешными. Установившись так, никогда не позволяй уму своему выходить из сего укрепления вовне и особенно воздерживайся от странствования по своим, как тебе кажется, плодоносным полям и садам, то есть твоим добрым делам. Если будешь держать себя так, стрелы вражеского ублажения пагубного не достанут тебя, а если и упадет к тебе какая, ты тотчас увидишь ее, отразишь и выбросишь вон.

Но как воины, сидя в укреплении, не праздно проводят время, но то упражняются в воинских бранных приемах, то подновляют и усиливают свое укрепление, так делай и ты, укрываясь в сознании своей ничтожности. Именно, делай вот что. Ум, как ни держи, все будет отбегать, и не дивно, что в этих отбеганиях нападет на дела твои, кажущиеся добрыми. Как только нападет он на них, тотчас схватит его враг и поразит самомнением, и притом так, что он охотно станет на сторону врага, воротившись к себе,

и тебя станет тянуть туда же. Как только заметишь ты это, позови к себе ум свой и скажи ему: «Слушай, ум! Толкуешь ты мне: и то хорошо, и это не худо. Пусть так, да мне-то что ж из-за этого? Ты ведь собрался хвалить меня. Добре, хвали, я слушаю. Но ведай, что справедливость требует, чтобы ты хвалил меня только за то, что найдешь во мне и в делах моих собственно моего, а что есть во мне от Бога и от благодати Его, то должно быть благодарно и хвалебно возводимо к источнику своему. Давай же разбирать, что есть у нас с тобой своего и что есть Божие, и Божие будем отлагать на Божию часть, а свое оставлять при себе. Затем, что останется при нас, если только останется, тем и определим свой вес и свое достоинство и за то себя похвалим».

Итак, начнем. Заглянем во время, предшествовавшее нашему существованию: что были мы тогда? Ничто, и ничего не могли сделать, за что бы Источник всякого бытия, как воздаяние, благоволил даровать нам бытие. Оно есть независимый Божий нам дар, Божие нам благодеяние, начало и поприще и всех последующих нам благодеяний безмерной Его благости. Отложим же его на Божию часть. Потом стали мы жить.

Как? И сами не знаем. Много прошло лет, что мы с тобой и не знали, что существуем, а существовали; но и когда узнали это, ничего не могли делать

для поддержания своей жизни. Другие руки пеклись о нас, и не сами по себе, а по устроению Всеустроителя всякой жизни и бытия. Нас воспитали, обучили, поставили на ноги. Тут ничего не было нашего — и отлагай это в сторону.

Стали мы потом сами жить. Что тут наше? Отделим жизненные силы и средства к существованию, кои окрест нас. Они не наши — Божий дар.

Божий дар — непосредственное ведение Бога, Божий дар — совесть, Божий дар — жажда небесной жизни. Три сии составляют дух нашей жизни, влекущий нас горé. Ты, ум мой, не мой. Бог мне тебя даровал. Не мои и деятельные во мне силы: воля со своей энергией. Не мое чувство, способное услаждаться жизнь и всем окружающим меня. Не мое тело со всеми своими отправлениями и потребностями, условливающими наше телесное благобытие. Все сие Бог даровал. И сам я не свой, а Божий. Дав мне бытие, Бог облек меня сложностью исчисленных сил жизненных и, даровав мне сознание и свободу, законоположил, чтоб я правил всем, сущим во мне, сообразно с достоинством каждой части своего бытия. Во всем этом не поводы к самовосхвалению, а побуждения к сознанию великости и тяготы лежащего на нас с тобой долга и к страху ожидающего нас ответа на вопрос: что мы с собой и из себя сделали?

Обратимся теперь к средствам жизни. Есть в нас жизнь телесная, жизнь душевная и жизнь духовная.

Для каждой из них свои потребны средства, и мы все имеем их под руками, и все они не плод нашего благоприобретения, а дар Божий. Воздух, огонь, вода, земля со всеми своими сокровищами: стихиями, камнями, металлами, растениями и животными, кои доставляют нам все нужное для питания, одеяния и жилищ, — не нами устроены, а даны. Сумма необходимых для нас понятий о всем окружающем нас, порядки житейские, общественные, государственные, искусства и ремесла и правила для действования на всех сих поприщах мы находим готовыми, не ломая головы над их придумыванием, а только усвояя их. Каждый, являющийся на свет, получает их как наследие от предков своих. А у предков откуда все это? Бог посылает людей с особенными дарованиями и с особой силой воли, и они делают новые открытия и усовершают быт человеческий. Но и если б ты спросил сих открывателей, как дошли они до того или другого, они сказали бы: «Сами не знаем, пришло на ум, развивалось, строилось и устроилось». Так всегда было, так и до конца века будет: средства для душевной жизни — не наши, а даются. Тем паче это следует сказать о жизни духовно-нравственно-религиозной. Бог вложил в душу ведение о Себе в уме и о воле Своей в совести, осенив то и другое чаянием вечноблаженной жизни. Это семя духовной жизни. Оно посеяно в нас и принято в момент вдох-

нутия Богом в нас Своей Божественной искры жизни. Всякий, рождаясь, приносит с собой и в себе сие семя, которое затем развивается и определенность получает от окружающей его среды людей. Какое неописанно великое благо родиться среди тех, кои живут истинной духовной жизнью! Но осмотрись. Мы имеем ведение о Едином Истинном Боге, в Троице поклоняемом; исповедуем Сына Божия, нас ради воплотившегося и все для спасения нашего устроившего; веруем и в Духа Святого, благодатью Своею нас оживотворяющего и духовную жизнь в нас действенно воссозидающего, и с Церковью Божией сраслеными себя имеем, в ней приемля все потребное для хранения и возвышения духовной жизни и оживляясь чаянием воскресения мертвых и жизни будущего века. И все сие есть у нас в чистейшем и беспримесном виде, и есть не от нас — дар Божий. Так вот какими богатыми окружен ты средствами к свойственной тебе жизни, и жизни всесторонней, и ни одно из них не есть плод твоих усилий — все тебе дано. Ты призван на пир жизни, уже готовый... Если уместно нам с тобой чем-либо в сем отношении похвалиться, то разве тем, как мы всем этим воспользовались. Это, когда есть в нас в силе, есть наша брачная одежда. Величаться ли ею? Не паче ли побаиваться надо, как бы богатый в милости Устроитель пира, пришедши, не сказал нам: «Видите, какой пир! А одежда-то у вас какова?!»

Посмотрим же теперь повнимательнее и на одежду сию. Одежду души составляют преимущественно нравственно-религиозные расположения и чувства, укорененные в ней, а не одни дела. Но как те сокровенны, то редко бывают поводом к тщеславию и гордости; дела же, как видимые, лезут в глаза и будто невольно возбуждают делателя к самочувствию и самовосхвалению в себе, а свидетелей его дел — к похвалению его вовне, которые еще крепче укрепляют и глубже углубляют самочувствие и трубление пред собой. Так вот, рассмотрим свои дела, есть ли в них и что есть, чем бы можно было беспрекословно похвалиться.

Припомним, что хвалиться можно только тем, что прямо от нашего исходит произволения и независимо ни от чего нами совершается. Но смотри, как идут дела наши? Как они зачинаются? Сходятся обстоятельства и ведут к тому или другому делу, а иной раз приходит на мысль сделать что-либо — и делаем. Но стечение обстоятельств не от нас, и вспадение на мысль сделать что-либо — тоже, как очевидно, не наше: кто-то влагает мысль. Таким образом, зачало или зарождение помысла сделать что-либо в таких случаях не может или не должно быть предметом самохваления. А такого рода дел сколько у нас?

Если добросовестно разберем, почти все сплошь и рядом. Вот и нечем хвалиться.

Если можно похвалиться, то только тем, что мы могли не делать и, однако ж, сделали. Ибо, как ни сильны бывают внутренние и внешние понуждения на дела, решения на них всегда есть дело нашего произволения. Но и тут решение на дела добрые не всегда бывает добротно. Добротно это решение, когда оно устанавливается по сознанию воли Божией на то и другое дело и из покорности сей воле. Коль же скоро сюда привходит что-либо стороннее, самостное или человекоугодное, то добротность решения в таком случае тускнеет и омрачается. Решаемся иной раз, боясь, что скажут, если не сделаем; иной раз, чая себе какого-либо удовлетворения и выгоды от дела теперь или впоследствии; а иной раз оттого, что нельзя иначе: и не хотелось бы, но надо сделать. Все такие дела не могут стоять в ряду чисто добрых дел, и хоть совне кажутся похвальными, но по внутреннему достоинству пред Богом и совестью не стоят похвалы. Рассмотрим же, сколько у нас такого рода дел? И опять придется сознать, что почти сплошь и рядом. И опять, выходит, нечем хвалиться.

Итак, добрые дела наши, если строго их разберем, не дадут нам открыть уста для восхваления себя пред другими или для трубления внутри пред собой. Если же мы приведем при этом на память все дела свои неодобрительные: пустые, суетные, бесполезные, вредные, беззаконные, богопротивные, каковых,

конечно, найдется немало, — то что тогда должны почувствовать? Может быть, скажет кто: «Взвесь ту и другую сторону, и какая перетянет, по той и суди себя». Но такого рода прием в сем случае неуместен. Дела идут изнутри. Если есть дела недобрые, то, значит, внутреннее наше не в добром порядке, а оно-то и определяет нашу цену пред Богом — самую существенную цену. Если оно не может быть одобрено, то и весь человек недостоин одобрения.

Еще одно прискажу: все дела, нами видимо совершаемые в семействе, в обществе, по службе, составляют наше поведение. Если осмотримся кругом, не можем не сказать, что в общем поведение наше большей частью исправно. Но так же ли исправно при сем и внутреннее — этого утверждать не можем. Глаза окружающих нас сильное имеют давление на наши замыслы. Эти свидетели заставляют нас не давать хода тому худу, которое возникает в сердце; мы воздерживаемся от худа — и поведение наше является исправным. Не будь их, поведение наше оказалось бы совсем в ином виде. Да оно и бывает нередко таковым, коль скоро мы уверены, что чужой глаз не увидит нас. И бывает с некоторыми, что, коль скоро внешняя их обстановка изменяется и они могут пожить свободнее, все, что прежде укрываемо было из боязни чужих глаз, вырывается наружу, и прежде исправный человек является и пьяницей, и развра-

ником, и даже грабителем. Все эти дурные позывы не теперь породились. Они были, но ходу не имели, а теперь получили свободу и проявились. Но если все это только внутри, то и весь человек был таков — пьяница, развратник, грабитель, несмотря на не таковую внешность. Рассмотри-ка хорошенько, не принадлежишь ли и ты к такому разряду. Если ***да*** хоть в некоторой степени, то тебе не следует хвалиться и принимать похвалы.

Заключу: если по примеру всего сказанного теперь ты будешь почаще просматривать свою жизнь, то, когда враг начнет трубить тебе в уши, как ты хорош, это трубление не найдет внутри тебя отголоска в самочувствии и самоодобрении, а, напротив, будет отражаемо всякий раз самыми смиренными и уничиженными о себе мыслями и чувствами.

Глава тридцать пятая

Некоторые указания, благопотребные в деле препобеждения страстей и стяжания добродетели

Хотя я уже многое сказал тебе доселе, указывая средства, коими надлежит пользоваться для преодоления страстей и стяжания добродетели, но остается преподать тебе еще нечто и другое.

И во-первых, говорю тебе: не следуй, брате, в стяжании добродетелей примеру тех, которые в продолжение семи дней недели свои духовные делания распределяют так, чтобы одно служило для одной добродетели, другое — для другой, и т. д., не принимая во внимание, нужно ли для них то или другое в настоящее время. Нет, не так следует тебе действовать, но вооружайся преимущественно против той страсти, которая наиболее тебе докучает, не раз уже одолевала тебя и готовится снова напасть на тебя; вооружаясь же против нее, сколько сил есть старайся установиться в той добродетели, которая противоположна сей страсти, употребляя все при-

годные к тому делания и подвиги. Ибо, коль скоро успеешь в этом, то вместе с тем оживишь в себе и все другие добродетели и облечешься в них, как в броню, которая будет ограждать тебя от всех стрел страстных. Сердце наше по естеству полно добрых расположений, но привходят страсти и подавляют их. Страсти эти не у всех равно [присутствуют] все; но у одного — преимущественно одна, у другого — другая, которые и заведывают другими. Коль скоро ты прогонишь сию главную, все другие ослабеют и устранятся сами собой; когда же это совершится, добрые расположения, высвободясь из-под гнета, воспримут в тебе свойственную им силу и всегда будут наготове, стоя у дверей сердца твоего, чтоб явиться на услужение тебе, коль скоро это потребуется.

Во-вторых, на стяжание добродетелей не назначай определенного времени, ни дней, ни недель, ни месяцев, ни годов, говоря в себе: «Потружусь, а там отдохну, чтоб, отдохнувши, опять взяться за тот же труд». Нет, отдыха здесь не полагается. Уготовься на непрерывный труд, подвиг и борение, не допуская и мысли о послаблении их, подражая святому Павлу, который говорит о себе: *теку, — гоню аще и постигну, —* со *усердием гоню* (ср.: 1 Кор. 9, 26; Флп. 3, 12—14). Остановиться на пути добродетели для отдыха не значит набираться новыми силами, а растрачивать приобретенные и расслабляться; а это то же,

что возвращаться вспять или что разорять с трудом устроенное. Под ***остановиться*** я разумею: возмечтав, что добродетель приобретена уже в совершенстве, не обращать внимания на недостающее в ней и пропускать представляющиеся случаи к деланию добра. Не будь таков, а будь всегда бодрен и ретив. Не смежай очей и не отворачивайся, когда встречаешь такие случаи, а, напротив, высматривай их и стремись к ним. С любовью взирай на них — на все, особенно же на те, которые представляют какие-либо затруднения к совершению в них добра. Напряжение сил для устранения препон к сделанию добра скорее водворяет в нас навык к добродетели и глубже внедряет в сердце корни ее. Только тех случаев, которые, давая повод проявить добродетель целомудрия, подвергают, однако ж, опасности возгореться похотью нечистой, всевозможно избегай. Лучше не допускать до членов своих сего огня, чтоб не обжечься и не сгореть.

В-третьих, будь мудр и рассудителен в поднятии телесных подвигов — постов, бдений, трудовых работ и подобного. Они существенно необходимы, и без них не мечтай преуспевать в духовной жизни, но и в них знай и держи мудрую меру. Мера сия — средина между самоугодливой поблажкой плоти и безжалостным изможднием ее до изнеможения без крайней к тому нужды. Средину сию ищи опытом

и делом, а не теорией, и в правило при сем возьми постепенность, идя снизу кверху. Ищи, и обрящешь. Что же касается до внутренних, душевных добродетелей, как-то: любви к Богу, презрения мира, самоуничижения, отвращения от страстей и греха, терпения и кротости, мира со всеми, даже ненавидящими и обижающими, и подобного, то тут не требуется никакая определенная мера, и постепенность их совершенствования сама собой определяется там внутри. Твое дело: непрестанно и всесильно нудь себя на всякое требуемое ими дело и совершай его всегда без отлагания и медлительности. В этом вся твоя мудрость и сила.

В-четвертых, но среди такого действования всем помыслом помышляй, всем желанием желай и всем сердцем ищи одного того, чтоб победить ту страсть, с которой теперь борешься и которая теперь тебя борет, и на место ее восставь в силе ту добродетель, которая ей противоположна и ею в настоящее время подавлена. Это одно да будет для тебя весь мир, все небо и земля, все сокровище твое и последняя твоя цель, в уверенности, что этим одним ты достойно можешь благоугодить Богу. Ешь ли или постничаешь, трудишься или отдыхаешь, спишь или бодрствуешь, дома ли сидишь или находишься вне его, молитвенным ли делом занят или житейским поделием, все это да будет у тебя направляемо к тому одному, чтоб

преодолеть возжегшуюся страсть и восставить прогнанную ею добродетель. О преодолении главной твоей страсти я помянул выше, а здесь разумеется страсть, которая борет тебя в настоящий час, главная она или не главная. Как на войне видимой иной раз случается вступать в схватку с отрядом, где командует сам главнокомандующий, а иной раз с таким, которым управляет простой офицер, так бывает и в духовной брани: не всегда борет главная страсть, иной раз она вместо себя выставляет своих пособниц, и с этими в иное время приходится чаще иметь дело, чем с той, но одерживать победу и в этих случаях лежит на тебе долг не меньше, чем в первом.

В-пятых, будь непримиримый враг всех земных утех и удовольствий чувственных, порожденных самоугодием и его питающих. Чрез это легче и реже будешь ты подвергаться нападениям не только плотских, но и всех вообще страстей, ибо все они коренятся в самоугодии, с подавлением и отсечением которого они, не имея под собой почвы, теряют свою силу, твердость и устойчивость. Не соблазняйся помыслом: «Приму участие в одном удовольствии, вкушу одной сласти». Ибо пусть это будет не грешное что-либо, но как оно допустится по одному самоугодию, то во время этого себе послабления подымут голову все страсти и зашевелятся, как придавленные черви, когда полить их водой, и не дивно, что иная

между ними возгорится с такой силой, что борьба с ней будет жестока, и победа над ней сомнительна. Потому не выпускай никогда из памяти следующих слов Божественного Писания: *любяй душу свою* (это и есть самоугодливый), *погубит ю; и ненавидяй души своея в мире сем* (непоблажающий самоугодию), *в живот вечный сохранит ю* (Ин. 12, 25). *Темже убо, братие, должни есмы не плоти, еже по плоти жити. Аще бо по плоти живете, имате умрети; аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете* (Рим. 8, 12–13).

В-шестых, наконец, последний даю тебе совет: весьма душеполезно или, лучше сказать, совершенно необходимо тебе прежде всего сделать генеральную исповедь со всем достодолжным вниманием и со всеми потребными при сем деланиями, рассмотрениями и решениями, чтобы чрез это душу твою преисполнило полное удостоверение, что ты стоишь во благодати Бога, единого Подателя всех духовных дарований, добродетелей и побед.

Глава тридцать шестая

О порядке стяжания добродетелей

Хотя истинный воин Христов, всем сердцем возжелавший достигнуть полноты совершенства, не должен никаких полагать пределов своему стремлению к преуспению во всем, однако ж, ему необходимо рассуждением умерять и добре направлять чрезмерные порывы рвения духовного. Такие порывы, особенно вначале, обыкновенно вдруг возгораются с великой силой и влекут неудержимо, а потом слабеют-слабеют и совсем угасают, оставляя нас беспомощными среди пути. Ибо не только внешние — телесные добродетели следует стяжевать мало-помалу, восходя в них как бы по ступеням, но и в стяжании внутренних — душевных добродетелей надлежит соблюдать свой чин и порядок, так как только при этом малое наше скоро делается большим и устанавливается на всегдашнее в нас пребывание. Так, например, в стяжании внутренней добродетели терпения нельзя вдруг вожделевать напраслин, обид и всяких других неприятностей, порываться на них и радоваться им,

хотя можешь терпеливо переносить их, когда встречаются; потому что такое вожделение и такая радость суть высшие степени терпения, до вступления на которые тебе надлежит пройти низшие, кои суть: смиренное самоуничижение, считающее себя заслужившим всякие оскорбления, подавление позывов к отмщению, возненавидение всякой мысли об отмщении и подобные.

Советую тебе также: не берись вдруг за все добродетели и даже за несколько их, но установись прежде в одной, а потом переходи и к другой. При таком образе действования всякий добродетельный навык удобнее и прочнее укоренится в душе. Ибо, когда станешь упражняться непрестанно преимущественно в одной добродетели, то и память твоя все будет занята почти одной ею, и ум твой, будучи чрез то прикован к помышлению о ней, скорее утончится в изыскании случаев и способов к совершению ее, и воля твоя охотнее прилепится к ней с большим расположением; а все это в деле стяжания добродетельных навыков суть сильные споспешествования, которых тщетно будешь ты ожидать, если зараз простришься ко многим добродетелям.

С другой стороны, и самые деяния одной и той же добродетели, будучи одновидны и сходны между собой, по причине сей одинаковости образа действования, становятся все менее и менее притрудными и скорее препровождают к другой. Ибо обыкновенно

одна добродетель вызывает другую, подобную ей, и помогает ей тем самым, что, установившись в сердце, предрасполагает его и к принятию своей подобницы, уготовляя наперед там для нее как бы престол для воссестия.

Этот высказанный мной расчет верен и истинен, и мы по опыту знаем, что кто добре и всеусердно упражняется в одной добродетели, тот вместе с тем не только научается наперед, как упражняться и в другой, но с умножением навыка в ней, возбуждает, растит и крепит и все другие добродетели, по причине нераздельности их между собой; ибо они все суть лучи, исходящие от одного и того же божественного света.

Глава тридцать седьмая

Какие расположения требуются для успеха в стяжании добродетелей вообще, и как вести дело навыкновения в одной какой

Для стяжания добродетелей требуется душа мужественная и великая и воля не какая-нибудь слабая и вялая, но решительная и сильная, с верным предзрением многих препятствий и тяжелых трудов и с готовностью все их поднять и перенести. В основе таких расположений должны лежать крепкое возлюбление каждой добродетели и всей добродетельной жизни и пламенная о том ревность. В этом — движущая по трудовому пути добродетели сила, которую потому непрестанно должно возгревать, чтоб не ослабела и не истощилась, так как при этом неизбежно прекратится и самое движение. Итак, не ленись возгревать свою ревность о добродетели, с сердечным участием размышляя, как благоугодна Богу добродетельная жизнь, как прекрасна и высока добродетель сама по себе и как для нас она необходима и

благотворна: ибо в ней начало и конец истинного нашего совершенства и преуспеяния в нем.

Посему каждое утро со всем вниманием старайся рассмотреть и предусмотреть, какие случаи вероятно представиться могут в продолжение дня для совершения того или другого доброго дела, прилагая к тому и желание и решение непременно так поступить; а вечером поиспытай себя, исполнены ли и как исполнены утренние твои добрые помышления и желания; затем в следующее утро возобнови опять те же намерения и желания, с живейшей ревностью и желанием исполнить их в точности.

Все же сие старайся направлять к упражнению в той добродетели, в которой навыкать положил ты в настоящее время. Равным образом и примеры святых, и молитвы, и размышления о жизни и страданиях Христа Господа, и все другое, что почитается пригодным и необходимым для преуспеяния в добродетелях и в духовной жизни, должно быть у тебя направляемо преимущественно к той добродетели, которой ты занят. Но и всеми случайностями дня, как они ни разнообразны, старайся пользоваться сколько возможно так, чтоб чрез это не только не расстраивался, но, напротив, более установлялся и укоренялся навык к той добродетели, о которой ты теперь особенно ревнуешь.

Пределом такого навыка да будет — дойти до того, чтобы добродетельные деяния, внешние ли то

или внутренние, совершаемы были с такой же легкостью и готовностью, с какими прежде были делаемы дела, противные им, или, лучше, с какими обыкновенно исполняются естественные потребности нашего естества; а это то же, что довести навык в добродетелях до того, чтоб они соделались в нас как бы естественными. При этом напомню сказанное прежде, что, чем больше встретится внутренних или внешних препятствий к стяжанию какой-либо добродетели, тем скорее и тем глубже внедрится она в нашу душу, если с полной решительностью и без саможаления будем устремляться на преодоление их.

Пригодные речения Божественного Писания, если произносить их гласно или хоть только в уме, дивную оказывают силу к напечатлению в уме образа искомой добродетели и к возбуждению в сердце расположения к ней, а то и другое какую великую подает помощь ревнующему о стяжании ее! Подыщи же такие места Писания об искомой тобой добродетели и заучи их, чтоб они были у тебя всегда наготове, и затем как можно чаще повторяй их себе в уме, особенно когда придет в движение противоположная ей страсть.

Например, когда трудишься над стяжанием добродетели терпения, можешь избрать, заучить и часто повторять следующие места Писания: *долготерпелив муж мног в разуме* (Притч. 14, 29). *Терпение*

убогих не погибнет до конца (Пс. 9, 19). *Горе погубившим терпение* (ср.: Сир. 2, 14). *Лучше муж долготерпелив паче крепкаго, удерживаяй же гнев паче вземлющаго град* (Притч. 16, 32). *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). *Терпением да течем на предлежащий нам подвиг* (Евр. 12, 1). *Се блажим терпящия* (Иак. 5, 11). *Блажен муж, иже претерпит искушение* (Иак. 1, 12). *Терпение же дело совершенно да иматъ* (Иак. 1, 4). *Терпения бо имате потребу* (Евр. 10, 36).

К этому можешь присовокуплять и свои краткие молитвенные воззвания, — такие и подобные им: «Боже мой! когда же наконец сердце мое облечется в оружие терпения!»; «Когда наконец стану я переносить всякую неприятность со спокойным сердцем, да возрадуется Бог мой о мне!»; «О, как возлюбленны вы мне прискорбности, делающие меня подобным Господу моему Иисусу, ради меня пострадавшему!» «Иисусе мой! Даруй мне хоть иногда спокойно жить среди тысячи прискорбностей, славы ради Твоего имени!»; «Блажен буду я, если и посреди огня скорбей воспламенюсь желанием перенесть еще большие страдания!».

Такие молитвы надлежит употреблять, чтобы преуспеть в добродетелях, всякий раз применяясь к той, в которой особенно упражняешься, как внушить нам дух веры и благочестия. Такие краткие молитвы

справедливо наименовать с пророком *восхождениями, в сердце полагаемыми* (см.: Пс. 83, 6), которые, исторгаясь из сердца, полного веры и упования, восходят на небеса и входят в уши Божии. Это *воздыхания*, никогда не утаивающиеся (см.: Пс. 37, 10) от очей Бога милосердного. Это *воззвания*, всегда внемлемые и разумеваемые (см.: Пс. 5, 2) многоблагоутробным Господом. Не надо только забывать прилагать к ним следующие две уверенности, как бы два крила: первая, что Бог радуется, видя нас трудящимися в стяжании добродетелей, и что, пламенно желая совершенства в них, мы ничего другого не ищем, как того, чтоб угодить Богу.

Глава тридцать восьмая

В добродетелях упражняться надобно со всем усердием и непрестанно

В деле стяжания добродетелей необходимо действовать так, чтобы всегда *простираться в предняя* (см.: Флп. 3, 13), если желаем скоро и успешно достигнуть предположенной нами цели. Ибо, как только остановимся, хоть на короткое время, тотчас подадимся назад; потому что за этим пресечением добрых деяний по нерадению и послаблению себе, страсти, подавляемые усердным трудом в доброделании, по склонности нашей к чувственности и самоугодию тотчас подымут голову, оживут и возбудят бесчинные движения и стремления, особенно когда при этом поспособствует им внешняя наша обстановка, а такие движения всегда расстраивают и ослабляют добрые навыки и, что особенно гибельно, лишают благотворного осенения благодати, без которой ничто истинно доброе и духовное благоспетися не может.

Ведай, что течение путем жизни духовной много разнится от обыкновенных земных путешествий.

В земном путешествии, когда путешественник останавливается, то ничего не теряет из пройденного прежде пути, а в духовном шествовании, если текущий путем добродетели остановится, то теряет многое из стяжанных прежде добродетелей, как я сказал. В обыкновенном путешествии, чем дальше идет путник, тем более увеличивается его утомление; в течении же путем духовной жизни, чем больше кто продляет путь, *простираясь в предняя*, тем большую приобретает силу и мочь для дальнейшего шествования.

Причина сему та, что трудами на пути добродетели низшая наша часть, то есть плоть, которая своим восстанием против духа и делает путь добродетели жестоким и многотрудным, все более и более ослабевает в своем противоборстве духу; между тем как часть высшая, где и обитает добродетель, то есть дух, все более и более укрепляется и делается мощной. Посему чем более преуспеваем мы в добродетели и добре, тем более умаляется та прискорбная трудность, какую встречаем в начале вступления на сей путь. К тому же при этом некая сокровенная сладость, Богом подаваемая, сраствоpяется с нашим сердцем и час от часу увеличивается. Вследствие сего, простираясь в предняя все с большей и большей охотой и силой, легко восходим от добродетели к добродетели и достигаем наконец самого верха совершенства

духовного, где душа начинает делать всякое добро, уже не как с усилием влекомая, без всякого вкуса, но с охотным стремлением и радостью. Ибо, подавив и победив страсти и отрешившись от всего тварного, живет она теперь в Боге и в Нем, среди приятных трудов духовных, вкушает непрестанно сладкий покой.

Глава тридцать девятая

Не должно убегать встречающихся случаев к доброделанию

Если хочешь всегда простираться в предняя на пути добродетели, не останавливаясь, надлежит тебе добре внимать и никак не позволять, чтоб ускользало от рук твоих то, что может послужить тебе поводом к стяжанию добродетели. Посему нехорошо делают те, которые, сколько сил есть, избегают всяких противностей на пути добродетели, которые, однако ж, могли бы послужить им к благоуспешному по нему течению. Например, если ты желаешь стяжать навык в терпении, то не следует тебе избегать тех лиц, дел и обстоятельств, которые наиболее выводят тебя из терпения. Но встречай их охотно, с добрым решением — предать себя неприятному их на тебя действию, приготовившись, однако ж, перенести то с непоколебимым спокойствием духа. Если будешь поступать иначе, то никогда не навыкнешь терпению.

Таким же образом надлежит тебе относиться и к делу, которое тебе не нравится или само по себе,

или потому, что возлагается на тебя человеком, которого не любишь, или потому, что оно отвлекает тебя от дела, которое тебе нравится, то есть не следует устраняться от него, а, напротив, взяться за него, не упираясь ногами, и затем вести его и довести до конца, действуя так, как бы оно было тебе наиприятнейшим делом, и не уступая нимало тревогам от него сердца, особенно при помышлении, что, если бы не это дело, ты был бы совершенно покоен. Иначе ты никогда не научишься, как переживать встречающиеся прискорбности; но и истинного покоя, которого ищешь, не будешь иметь, убегая от таких случаев, очевидно, по самоугодию, потому что он не живет в самоугодливых сердцах.

То же советую тебе делать и в отношении к помыслам, которые иной раз нападают на тебя и смущают ум твой при воспоминании о неправдах человеческих и о прочем недолжном. Не прогоняй их и не подавляй, доколе они сами не отпадут не от сопротивления им, а от терпения, с каким переносишь их. Пусть они смущают и беспокоят мучительно, но вместе с тем они будут научать тебя и терпеливому перенесению неприятностей вообще. Кто будет говорить тебе о сем иначе, внушая, что лучше бежать от такого случайного беспокойства, тот советует тебе пресечь стремление к добродетели, которую стяжать ревнуешь.

То верно, что новоначальный воин, не искусившийся в брани, лучше делает, когда бежит от смутительных случайностей, как бы презирая их, нежели, когда подвергает себя действию их и противоборствует им; однако ж и ему не следует всякий раз давать тыл и обращаться вспять, но со всем вниманием и осмотрительностью иногда воевать с нападающими, иногда не обращать на них внимания, смотря по своим успехам в добродетели и нравственной силе, приобретаемой чрез то. Только в отношении к плотской похоти неуместно так поступать: тут бегая, бегай всех случаев, могущих возбудить и разжечь сию страсть, по причине неукротимости ее и льстивым ухищрениям врага, какими умеет он обставить плотские движения, чтоб склонить на удовлетворение их.

Глава сороковая

Должно любить случаи к добродетелям, особенно затруднительные

Не должно отнюдь, возлюбленне, бегать того, что может служить поводом к стяжанию добродетели; но наипаче надлежит всегда принимать то с радостью, как только представится тебе что подобное, почитая наиболее честными и достолюбезными такие случаи, которые неприятны для твоего сердца и никакого не возбуждают сочувствия. Предсказываю тебе, что с Божией помощью действительно и будешь так поступать, если добре напечатлеешь в уме своем следующие помышления.

Во-первых, должно тебе сознать, что встречающиеся тебе случаи к добродетели суть самые пригодные для тебя средства к стяжанию ее, Богом тебе поданные по твоей молитве. Возжелав стяжать добродетель, ты, конечно, молился Богу, чтобы Он даровал тебе ее; молясь же о сем, ты не мог не молиться и о способах и средствах к получению такого дарования. Но Бог не дает, например, добродетели

терпения без прискорбностей и добродетели смирения без смирительных случаев унижения и бесчестия. Посему, после того как ты помолился о сих добродетелях, Он и послал тебе соответственные им случаи. Что же ты теперь делаешь, убегая от них и отвращаясь? Отвергаешь помощь Божию, о коей молился, и посмеваешься над даром Божиим.

Итак, положи любезно встречать представляющиеся тебе случаи к добродетелям, и тем любезнее, чем в большее поставляют они тебя затруднение. Ибо в таких случаях наши добродетельные деяния вызывают большое мужество и обнаруживают большую силу нравственную, а через это мы всякий раз делаем значительнейший шаг по пути добродетели, что исключительно и должны мы иметь всегда в цели.

Оговорюсь, однако ж, что, советуя тебе пользоваться особенно важными случаями к добродетели, я не имею в мысли внушить тебе презирать маловажные к тому случаи и пропускать их с небрежением. Нет, надо неопустительно пользоваться теми и другими, чтоб всегда быть в трудах по доброделанию. Например, терпеливо переносить должно не только наглую брань и поношение, и даже удары, если случится, но и косой взгляд и презрительную мину или колкое слово. Достодолжные действия наши в таких маловажных случаях, как имеющие возможность

чаще проявляться, потому что и случаев таких больше, в непрерывном напряжении поддерживают нашу нравственную силу и тем укрепляют нас держать себя как должно и в важнейших случаях. Пропуская же небрежно такие случаи, мы расслабляем свою нравственную силу и делаем ее менее способной на дела важные.

Во-вторых, восставь в себе убеждение и веру, что все случающееся с нами случается по Божию изволению на пользу нам, да плод некий духовный получим чрез то. Хотя об ином из сего, каковы наши и прочих людей грехи, нельзя полагать, что они происходят от изволения Божия деятельного; но все-таки и они бывают не без изволения Божия попустительного на вразумление и смирение нас. Что же касается до прискорбностей и страданий, по нашей ли вине бывающих или по злобе других, то Бог Сам посылает их, желая, чтоб мы помучились и пострадали в них, для стяжания того блага добродетели, которое несомненно получим, если достодолжно перетерпим посланное нам от Него, — и по другим судам Своим, сокровенным от нас, однако ж, несомненно праведным и благословенным.

Будучи таким образом уверен, что Сам Бог хочет, чтобы ты потерпел встретившуюся тяготу и скорбь, от недоброты ли других людей происшедшую или твоими неправыми делами на тебя навлеченную, ты не станешь уже думать и говорить, как

делают некоторые: «Нет, это не от Бога, это несправедливо и злодейственно, а Бог не хочет злодейств и с отвращением отвращается от них и от творящих их». Этим хотят они оправдать свою нетерпеливость и порывы гнева и мстительности при встрече напраслины; но делают только то, что восстают против Божиего определения и покушаются сбросить с себя спасительный крест, Богом для блага их на них наложенный, подъятием которого и благодушным несением они несомненно благоугодили бы Ему. А что получают? Креста сбросить не сбрасывают, Бога оскорбляют, покоя же себе все не получают, напротив, к скорби прилагают немирность и бесполезное раздражение и делают свое состояние невыносимым; тогда как, если бы благодушно перенесли случившееся, то и мирными бы себя имели, и Божие благоволение привлекли на себя, и плода духовного вкусили богатно. Возьми ты себе из сего урок — при встрече напраслин, оскорблений и нападков не обращать внимания на то, сколь неправы причинившие их тебе, а на том одном установись вниманием, что Бог для твоего блага попустил тебе это встретить и что этого блага ты себя лишишь, если допустишь нетерпеливость, раздражение и немирность по сему случаю. И до того не допытывайся, почему именно попустил тебе сие Бог. Веришь, что Бог всегда праведен и милостив? Веруй, что и в настоящем случае

Он оказывает над тобой и правду и милость, хотя не видишь, как это, помня ублажение Господне тем, кои так поступают: *блажени не видевшии и веровавше* (Ин. 20, 29).

Веруешь ли, что лично и к тебе относятся слова Господа: *возьми крест* свой (Мф. 16, 24)? Если веруешь, то возьми. Вот возложил его на тебя Господь в настоящем прискорбном случае. Не говори: «Слишком тяжело»; Бог лучше тебя знает меру сил твоих. Одним Бог посылает неприятности и скорби, навлекаемые на них течением событий, от людей нисколько не зависящих: эти легче переносить. Другим — такие, которые причиняются людьми: эти тяжелее, особенно когда причиненную нам скорбь не можем признать ненамеренной, и еще паче — когда люди сии нами как-нибудь облагодетельствованы. Последний случай самый тяжелый. Если его-то и послал тебе Бог, то знай, что он-то и есть самый тебе пригодный, и к сему приложи такую воодушевительную мысль: Бог видит, что ты силен перенести это, и ожидает, что действительно перенесешь то благодушно, без ропотливости. Не отщети же Божия о тебе чаяния.

Прибавлю еще, что Бог любит, чтоб мы переносили более такие прискорбности, которые происходят от недобросердечия людей, и особенно тех, которые облагодетельствованы нами, нежели такие, которые происходят от неведомо как стекающихся небла-

гоприятных нам случайностей. Почему? Потому, что свойственная нам гордыня успешнее подавляется и искореняется первыми, чем вторыми. И еще потому, что если покорность воле Божией есть главное в нашем духовном действовании, то нигде мы не можем вызвать ее в себе и проявить в такой мере, как в таких случаях, если переносим их благодушно, с теплым благодарением Богу, пославшему их нам как великое воистину благо, свидетельствуя тем и полную свою преданность в волю Божию, и пламенную ревность во всем сообразовать себя с сей волей.

Подобное настроение предшествует посланию крутых случайностей. Бог, видя зарождение этого настроения и желая возвесть его в силу и укоренить, посылает чашу сильнейших искушений, охотное, благодушное и радостное перенесение которых действительно и доставляет всегда такой благой плод духовный. Посему, зная сие и сего желая и ища, должны мы принимать такую чашу от руки Божией, смежив очи пытливости и, полной верой ясно зря в ней и зельную любовь к нам Божию и наше верное преспеяние духовное, с радостью испивать ее до дна, тем вожделеннее, чем она горчайшей чувствуется.

Глава сорок первая

Как в разных случаях можно преуспевать в одной и той же добродетели

Выше в одной главе сказали мы, что упражняться некоторое время в одной и той же добродетели гораздо плодотворнее и полезнее для успеха, нежели как упражняться вдруг во многих добродетелях, и что потому в ее пользу следует обращать все, встречающиеся с нами случайности, хотя бы они были разнородны между собой. Теперь послушай, я покажу тебе, как удобно это может быть исполняемо.

Если, например, случится тебе в один и тот же день или даже и час укоренным быть от кого безвинно за какое-либо дело, само по себе безукоризненное, или получить отказ в просьбе, с какой обращаешься к кому-либо, или случится с тобой нечто такое, из-за чего станут неправильно подозревать тебя в чем-либо худом, или найдет на тебя какая болезнь телесная, или кто-нибудь из высших тебя велит тебе сделать что-либо, что тебе не нравится, или встретится другое что неприятное и несносное, чем

преисполнена бедная жизнь человеческая, то по разнообразию таких и подобных сим случайностей, тебе предлежит совершить разные добродетельные деяния. Но, соблюдая предположенное тобой правило, ты лучше сделаешь, если все их обращать будешь на упражнение в той добродетели, какой преимущественно прилежишь в то время.

Так, если в то время как встретятся с тобой показанные случаи, ты будешь преимущественно упражняться в терпении, то о том и позаботься, чтоб перетерпеть их охотно и с радостью; если занят ты особенно преуспеянием в смирении, то напрягись сознать, что ты достоин всякого зла и заслуживаешь встретившихся с тобой неприятностей; если подвиг твой обращен на стяжание добродетели послушания, то понудь себя благопокорливо подклонить выю свою под державную руку Божию и из благоугождения Ему охотно подчиниться и разумным и неразумным и бездушным тварям Его, чрез которые наводит Он на тебя такие тяготы и прискорбности; если ревнуешь о преуспеянии в нищете, то воздвигни в себе довольство, радость и благодарение, что лишен бываешь всякого утешения житейского и мирского; если трудишься над укоренением и возвышением любви, то постарайся возбудить в себе любительные чувства и к ближнему, так как он является в сие время посредником добра, которое можешь ты извлечь из

предлежащих случаев, и к Богу, так как Он, как всегда, так и теперь, есть первая любвеобильная причина, посылающая или попускающая такие прискорбности для твоего духовного преуспеяния.

Из сказанного можешь уже и сам уразуметь, как можно обращать на упражнение в одной и той же добродетели такие случаи, которые не на короткое время поражают, но тянутся долго, как, например, болезнь и подобное что.

Глава сорок вторая

Сколько времени надлежит упражняться в каждой добродетели и какие признаки преуспеяния в ней

Времени, сколько нужно упражняться в добродетели, чтобы установиться в ней, определить нельзя умозрительно. Это пусть уже всякий сам для себя полагает, судя по своему состоянию, своим обстоятельствам и своим успехам в духовной жизни, особенно же по рассуждению своего старца или духовного отца, руководящего его. Впрочем, у кого ревность о преуспеянии жива и он не останавливается ни пред какими трудностями и средствами, у того скоро обнаружится явно не малый успех.

Признаком же преуспеяния служит то, если вступивший на путь добродетели ревностно течет по нему с твердой решимостью не соступать с него, как бы трудно это ни было и каких бы жертв ни требовало, несмотря ни на случающиеся по временам охлаждения и омрачения души, ни на оскудение духовных утешений и благодатных радований, какое

попущается по Божиему о нас промышлению, на пользу нам.

Вторым, не менее верным признаком преуспеяния служит степень силы брани, какую воздвигает против добрых решений и дел плоть. Чем более слабеет сия брань, тем более преуспеяние в добродетели явно подвигается вперед. Посему, когда не чувствуешь брани или нападков со стороны низшей чувственной части своей, особенно в то время, когда имеешь пред глазами возбудительные к тому случаи, то можешь верить, что добродетель твоя довольную уже восприяла силу. Но то, если ты начал совершать дела свои на пути добродетели с большей готовностью и радостью духовной, чем прежде, можешь почитать признаком преуспеяния в добродетели, даже еще более верным, чем усмирение плоти.

И святой Исаак советует, определив цель, к которой должно направлять все дела жизни своей, держать в мысли знаки и приметы, распросив о них у опытных, правым ли путем идешь или уклонился от него и идешь какой-нибудь стезей вне настоящей дороги. Знаки же и приметы полагает он следующие: «Если видишь, что ум твой не терпит насилия, а свободно действует и течет в добрых помыслах, то это знак, что ты простираешься в предняя; равным образом, когда во время стояния на молитве ум твой не парит туда и сюда, и внезапно стих пресекается на

языке твоем, и на душу твою налегают оковы молчания без участия твоего произволения, также, когда примечаешь, что при каждом, возникающем в душе твоей добром помысле и припоминании и при каждом духовном созерцании, очи твои наполняются слезами и слезы без принуждения текут по ланитам твоим, или когда иной раз видишь, что мысль твоя сама собой, без твоего содействия погружается в глубь сердца твоего и пребывает в этом состоянии какой-нибудь час, причем мир царствует в помыслах твоих, — все это суть признаки, что ты добре преуспеваешь на пути воспринятой тобой духовной жизни» (Слово 44).

При всем том, однако ж, не следует питать полную уверенность, что мы совершенно установились в искомой добродетели или окончательно победили какую-либо страсть, хотя бы иной раз долгое время не чувствовали приражений и движений ее; потому что тут может скрываться злая козни человеконенавистного диавола и лукавство живущего в нас греха, по которым нередко представляется нам в себе добром и по сокровенной гордости нашей признается таковым то, что поистине есть совершенно противоположного свойства. И кроме того, если помыслим о совершенстве, к какому призывает нас Бог, то, хотя бы мы уже довольное время шли путем добродетели, скорее подумаем, что едва ли и начало

достодолжной жизни положено нами, нежели, что мы уже установились в ней. Посему Святые Отцы называют несовершенной, не чуждой недостатков жизнь и самых совершенных людей. «И совершенных несовершенно совершенство», — говорит Лествичник. И Павел святой совершенство полагает в том, чтобы непрестанно тещи и тещи в предняя, не озираясь вспять и не думая, что уже достигли искомого; почему и самого себя называет несовершенным и еще не достигшим того, к чему стремится: *не зане уже достигох*, — говорит он, — *или уже совершихся: гоню же, аще и постигну... Братие, аз себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе*. И желая показать, что в этом одном и состоит наше совершенство, присовокупляет: *Елицы убо совершенни, сие да мудрствуим* (Флп. 3, 12—15), — как бы так: то и совершенство, чтоб не думать, что мы достигли совершенства; то и есть быть в состоянии добродетельном, чтоб не стоять, а все тещи непрестанно к добродетели.

К тому же в глубине нашего сердца пребывают иной раз такие тонкие и такие скрытные страстности, что мы совсем и не знаем, что это страсти. Как же можно нам допускать такую в себе дерзость, чтоб думать, будто мы совсем уже очистились от страс-

тей? И если острозоркие оные и пророческие очи Давида не могли этого узреть в себе, как мы можем присвоять себе такое узрение? Посему, как он всегда молил Бога: *от тайных моих очисти мя* (Пс. 18, 13), так тем паче мы имеем нужду умолять Его об очищении наших тайных страстностей. Ибо мы только действия и ветви страстей чувствуем, сил же их и корней познать не можем без просвещения от Святого Духа. Оттого только тогда сознаем мы в себе страсти, когда они действуют; как же скоро они притихнут, нам думается, что мы достигли уже бесстрастия.

Чем удостовериться можем, что страсти только притихли в сердце нашем, а не умерщвлены? Тем, что когда случится нам, успокоившимся на их счет, встретить предметы, коими питаются скрывшиеся в нас страсти, особенно когда это бывает внезапно, то они тотчас оживают и дают чувствительно о себе знать своими иной раз нелегкими движениями, так что, бывая ими смущены, дивимся сами, где они укрывались и как вдруг выросли. Святой Исаак Сирианин объясняет это следующим прекрасным сравнением: как во время зимы, хотя исчезают с лица земли травы и цветы, но корни их остаются целыми, укрываясь во глубине ее, и как только почуют весенний дождь и теплоту, тотчас снова произрастают и покрывают собой лицо земли, так бывает и со страстями... И еще: как земля проклятая естественно

произращает терния и волчцы, так и естество человеческое, повредившееся чрез падение и теперь во грехах зачинающееся и рождающееся, некоторым образом естественно порождает страсти, от коих грехи, и ему никогда нельзя доверять или на него положиться.

Итак, ты, как новоначальный еще в духовной брани, всеусердно упражняйся в добродетели, как бы не положивший еще начала в ней, помня притом, что лучше заботиться о том, чтоб всегда простираться в предняя в добродетели, нежели о том, чтоб высматривать и определять признаки совершенства в ней.

Господь и Бог наш, один Ведец сердец наших, одних просвещает и дает им видеть свое преуспеяние в добродетели, а другим не подает такого просвещения и ведения. Ибо видит, что тогда как для тех это ведение послужит к смирению, эти не удержатся от возгордения, — и как Отец чадолюбивый, от этих последних отстраняет опасность падения в особенно ненавистный Ему грех, а первым подает повод к усилению особенно любезной Ему добродетели смирения. Впрочем, и тот, кому не дается познание своего преуспеяния, если только не понерадит и не перестанет упражняться в добродетели, в свое время может узнать об этом, когда Богу угодно будет это открыть ему для его блага.

Глава сорок третья

О том, что не следует слишком сильно желать освобождения от претерпеваемых скорбей, предаваясь всецело в волю Божию

Когда находишься в какой скорби, переносимой тобой с благодарением, внимай добре, да не прельстит тебя враг или твое самолюбие возжелать избавиться от нее. Ибо от этого потерпишь ты две потери: первая та, что, хотя, восприяв такое желание и согласившись на него, ты не потеряешь тотчас добродетели терпения, однако ж значительно поколеблешь ее, от чего она, мало-помалу ослабевая, по причине неисполнения желания избавиться от надлежащей скорби, ввергнет тебя наконец в состояние нетерпеливости; вторая та, что терпение твое с сего момента начнет быть подневольное: Бог же доброхотна дателя любит и награждает. Следовательно, с сего времени, хоть терпеть все же будешь, ибо одно желание избавиться от скорби не избавляет от нее, но терпение твое будет безнаградное. Бог воздаст

тебе за терпение скорби до того часа, до которого ты терпел благодушно, не ища избавления, со времени же восприятия такого желания Бог уже ничего не воздаст тебе за твое неохотное терпение. Напротив, если ты, отражая и подавляя находящее желание избавления от скорби, всецело будешь предавать себя в благую волю Божию, изъявляя готовность охотно потерпеть и стократно большие скорби, чем настоящая, если угодно будет Господу наслать на тебя их, то, хотя бы страдание твое настоящее продолжалось час какой, и даже менее того, Бог примет его за самое долгое и с этим соразмерит воздаяние тебе.

Подобно сему и во всех других случаях не давай воли своим желаниям, а держи их в своей власти, направляя все исключительно к одной главной цели — стоянию в воле Божией и шествованию по воле Божией. Ибо тогда и желания твои все будут правы и благочестны, и ты при всякой неприятной случайности будешь пребывать в покое, упокоиваясь в воле Божией. Искренне веруя, что с тобой ничто не может случиться помимо воли Божией, и ничего не желая, кроме пребывания в деятельном исполнении воли Божией, ты, как само собой очевидно, всегда будешь иметь только то, чего желаешь, что бы когда ни случилось с тобой.

Под тем, однако ж, что я сказал, — что с тобой ничего не случится, на что нет воли Божией, — не

разумеются твои собственные грехи и грехи других людей, так как Бог не желает грехов, а разумеются скорби и нужды, Богом посылаемые во вразумление и научение нас или в наказание за грехи наши. Они благотворны для нас и праведно именуются спасительным крестом, который Он нередко возлагает на самых близких любимцев Своих и угодников, и несение которого во всех наипаче благоугодно Ему.

И то, что я сказал: «Не желай избавиться от скорбей, разумей, как должно, в смысле покорности воле Божией. Мы не можем не желать быть свободными от скорбей, потому что в наше естество Сам Бог вложил желание благобытия, почему благоволил и в молитву, Им Самим начертанную для нас, включить: *не введи нас во искушение* (Мф. 6, 13), которую мы и повторяем каждодневно по нескольку раз. Если теперь после такой молитвы, слышимой, конечно, Богом, Он посылает нам скорбь, то явно, что на это особая воля Его, которой мы как твари Его, сознающие свой долг во всем Ему покорствовать, и должны благодушно покориться, перенося посланное, как такое, что необходимо для спасения именно моего и твоего. Да и самую молитву: *не введи нас во искушение*, твори приразумевая: *не якоже аз хощу, но якоже Ты* (Мф. 26, 39), подражая Господу Спасителю, то есть твори не потому, чтобы имел отвращение от искушений и ни под каким видом не желал

их, но потому одному, что так молиться повелел Господь, содержа вместе в душе полную готовность благодушно принять все, что благоугодно будет Богу наслать на нас, и не поблажая самолюбивому желанию непрерывного благобытия, которому невозможно быть на земле, так как оно есть удел будущей вечной жизни.

Глава сорок четвертая

Предостережение от злых советов диавола в добром

Когда лукавый диавол увидит, что мы право, с живым усердием и в добром порядке, шествуем путем добродетелей, от которых не успевает отвлечь нас на свою сторону явными на зло прельщениями, тогда преобразуется в ангела светла и то мнимо благими помыслами, то изречениями Божественного Писания, то примерами святых возбуждает неблаговременно и не по силам принимать непомерные подвиги к духовному совершенству, чтоб, когда мечтаем стоять на верху его, низринуть нас в бездну падения. Так, иного научает он жестоко изнурять тело свое постом, бичеванием, спанием на голой земле и другими подобными озлоблениями плоти для того, чтобы он или впал в гордыню, возмечтав, что великие совершает дела, или заболел от крайнего изнурения и сделался неспособным и малые исполнять дела благочестия, или, утомившись под тяжестью подвигов, стал равнодушен ко всем духовным деланиям и

даже к самому спасению, и, таким образом, малопомалу охладевши к добру, с сильнейшим прежнего вожделением набросился на плотские сласти и мирские утехи.

И сколько уже от этой козни вражеской погибло душ, которые, поддавшись рвению неразумной ревности и в своих самоумерщвлениях преступая за меру собственных своих сил, пропали в своих измышлениях подвижнических и сделались посмешищем злых демонов! Чего, конечно, не случилось бы с ними, если б они держались доброго рассуждения и совета и не забывали, что эти самоумертвительные подвиги, хотя похвальны и плодотворны там, где имеется для них достаточная сила телесная и смирение душевное, всегда, однако ж, должны быть управляемы благоразумием и употребляемы лишь как средство к духовному преуспеянию, а не возводимы в достоинство целей, и то умаляемы, то увеличиваемы, то изменяемы, то совсем прекращаемы на время.

Те, которые не могут так строго к себе жить и такие поднимать труды, как святые, могут иным образом подражать жизни их, именно: возбуждением и водружением в сердце добрых расположений, навыкновением теплым молитвам, неуступчивым препобеждением страстных помыслов и пожеланий и хранением чистоты сердечной, любовью к молчанию и уединению, смирением и кротостью пред всеми, де-

ланием добра тем, от коих пришлось потерпеть что-нибудь, блюдением себя от всего недоброго, хотя бы оно было незначительно. Такие добротности сердечные более благоугодны Богу, чем непомерные подвиги умерщвления плоти, когда они не требуются нравственным нашим состоянием.

Потом советую тебе в подъятии таких телесных подвигов, когда в них належит нужда, действовать рассудительно. Не берись за высокие меры, а начинай с низких, ибо лучше понемногу восходить вверх, нежели, взявшись вдруг за высокое, быть потом в необходимости спускаться вниз, к стыду своему. Но советую тебе также избегать и другой крайности, в которую впадают иной раз и такие мужи, которые почитаются духовными. Они, будучи управляемы самоугодием и саможалением, слишком большую обнаруживают заботу о сохранении телесного здоровья и такими усердными о нем бывают попечителями, что при встрече самого малого труда и лишения дрожат, боясь потерять здоровье, и ни о чем они столько не думают, ни о чем с таким удовольствием не говорят, как о сохранении своей жизни. Между тем, однако ж, изобретая себе деликатные яства, более удовлетворяющие сластолюбивый вкус их, чем здоровые, они расслабляют и нередко расстраивают свое здоровье, лишая себя того, что считают для себя великим благом, неуменьем принять к достижению его должных средств.

Хотя они к такому образу действования выставляют побуждением желание наилучше работать Господу, в самом же деле это есть не что иное, как покушение согласить двух непримиримых врагов — дух и плоть, не только без всякой пользы для них обоих, но, напротив, с явным вредом как для того, так и для другой: ибо этим у тела отнимается здоровье, а у духа — спасительное настроение. Посему безопаснее и полезнее для тела и для души мерный образ жизни, управляемый благоразумием, при котором берутся во внимание и потребности душевные и особое сложение телесное с состоянием здоровья: ибо не для всех одна мера в сем отношении, хотя для всех один закон — тело держать в услужении духу. Припомни при этом и сказанное уже прежде, что в стяжании не только добродетелей телесных, но и душевных надлежит соблюдать постепенность, восходя в них мало-помалу.

Глава сорок пятая

Если судим строго ближних, то это от высокого о себе мнения и от наущения вражеского. Как преодолеть эту склонность

От самолюбия и самомнения порождается в нас и другое некое зло, причиняющее тяжелый нам вред, именно: строгий суд и осуждение ближнего, по которому мы потом ни во что ставим, презираем и унижаем его при случае. Каковой злой навык и порок, происходя от гордости, ею питается и возращается и, наоборот, ее питает и возрашает; ибо и гордыня наша после всякого действия осуждения подвигается вперед, по причине сопутствующего сему действию самочувствия и самоуслаждения.

Давая себе высокую цену и высоко о себе думая, естественно, свысока смотрим мы на других, осуждаем их и презираем, так как нам кажется, что мы далеки от тех недостатков, каких, как нам думается, не чужды другие. А тут еще и всезлобный враг наш, видя в нас такое недоброе расположение, бодренно

стоит близ и, открывая очи наши, научает зорко смотреть за тем, что делают и говорят другие, делать из сего заключения, какие потому у них мысли и чувства, и по этим предположениям составлять о них свое мнение, чаще всего недоброе, с возведением сей недоброты в закоренелый нрав. Не замечают и не видят эти судьи, что самое начало осуждения — подозрение худобы в других — печатлеется в мысли действием врага и им же оно потом раздувается в уверенность, что они и действительно таковы, хотя на деле ничего такого нет.

Но, брате мой, как враг бодренно следит за тобой, высматривая, как бы посеять в тебе зло, смотри еще паче ты бодренно сам над собой, чтоб не попасть в расставляемые им тебе сети, и как только он представит тебе какой недостаток в ближнем твоем, спеши поскорее отклонить от себя помысл сей, не давая ему засесть в тебе и разростись, и вытесни его из себя вон, чтоб и следа его не оставалось, заменив его помышлением о добрых свойствах, какие знаешь в ближнем сем и какие вообще уместны в людях, прилагая к сему, если еще чувствуешь позыв произнесть осуждение, ту истину, что тебе не дано на то власти и что, присвояя себе эту власть, ты сам в этот момент делаешься достойным суда и осуждения не пред немощными людьми, но пред всесильным Судиею всех — Богом.

Такой переворот помысла есть самое сильное средство не к отогнанию только случайно находящих помыслов осуждения, но и к тому, чтоб совсем отучить себя от сего порока. Второе же, тоже очень сильное к тому средство, есть не выпускать из ума памятования о своей худости, своих нечистых и злых страстях и делах и соответственно тому непрестанно держать чувство своего непотребства. Того и другого — страстей и дел страстных, — конечно, найдется в тебе немало. Если ты не бросил себя и не махнул рукой, говоря: «Будь что будет», то не можешь не заботиться об уврачевании этих своих нравственных немощей, губящих тебя. Но если ты делаешь это искренне, то у тебя не должно доставать времени заниматься делами других и судебные составлять о них приговоры; ибо тогда, если позволишь себе это, в ушах твоих непрестанно будет звучать: *врачу, исцелися сам; изми первее бревно из очесе твоего* (Лк. 4, 23; Мф. 7, 5).

К тому же, когда ты строго судишь о каком недобром поступке ближнего, знай, что какой-нибудь корешок этой же самой недоброты есть и в твоем сердце, которое по своей страстности научает тебя строить догадки о других и осуждать их. *Злой человек из злого сокровища* сердца своего износит злое (ср.: Мф. 12, 35). Напротив, око чистое и бесстрастное бесстрастно взирает и на дела других, а не лукаво.

Чисто око еже не видети зла (Авв. 1, 13). Потому, когда придет тебе помысл осудить другого за какую-либо погрешность, вознегодуй на самого себя как на делателя таких дел и в том же повинного, и скажи в сердце своем: «Как я, окаянный, находясь в том же самом грехе и делая еще более тяжкие прегрешения, дерзну поднять голову, чтоб видеть погрешности других и осуждать их?» Действуя так, ты будешь оружие, которым злой помысл внушает тебе поразить другого, обращать на самого себя и вместо уранения брата пластырь будешь налагать на раны собственные.

И тогда, как грех брата будет не тайный, а явный, всем видный, ты старайся причину тому видеть не в том, что внушает недобрая страсть осуждения, а в том, на что может указать братолюбное к нему расположение, и скажи в себе: «Так как брат сей имеет много сокровенных добродетелей, то Бог для сохранения их от повреждения тщеславием попустил ему впасть в теперешний грех или малое время побыть под этим невзрачным покровом, чтоб он и самому себе, пред своими глазами, казался непотребным и, будучи за то презираем другими, пожал плод смиренномудрия и еще более благоугодным сделался Богу, так что в настоящем случае он получит больше пользы, чем сколько потерпел вреда». Пусть даже чей-нибудь грех будет не только явный, но и очень

тяжкий и исходит из ожесточенного и нераскаянного сердца, ты и при этом не осуждай его, но возведи очи ума твоего к непостижимым и дивным судам Божиим и увидишь, как многие люди, бывшие прежде пребеззаконными, потом каялись и достигали высокой степени святости, и как, с другой стороны, иные, стоявшие на высокой степени совершенства, падали в глубокую пропасть. Смотри, не подвергнуться бы и тебе такому бедствию за осуждение.

Потому стой всегда со страхом и трепетом, боясь более за себя самого, чем за другого кого. И будь уверен, что всякое доброе слово о ближнем и радость о нем суть в тебе плод и действие Святого Духа, как, напротив, всякое о нем худое слово и презрительное его осуждение происходят от твоего злонравия и диавольского тебе внушения. Почему, когда соблазнишься каким-либо недобрым поступком брата, не давай очам своим сна, пока не изгонишь из сердца своего сего соблазна и совершенно не умиришься с братом.

Глава сорок шестая

О молитве

Хотя и на себя ненадеяние, и упование на Бога, и пребывание в подвигах крайне необходимы в духовной нашей брани, как показано доселе, но необходимее всех их молитва, сие четвертое оружие в сей брани, как сказали мы в начале (глава 1-я, в конце), потому что ею стяжеваются и полную силу восприемлют и те первые три орудия, как и всякое другое благо. Молитва есть средство для привлечения и длань для приятия всех благодатей, столь обильно изливаемых на нас из неистощимого источника беспредельной к нам любви и благости Божией; в брани же духовной ею ты влагаешь бранный меч свой в десницу Божию, да поборает Он за тебя врагов твоих и побеждает их. Но чтоб молитва в деле сем проявляла в тебе всю свою силу, надобно, чтоб она оставалась в тебе непрестанно как естественное какое отправление твоего духа и была ограждаема и воодушевляема следующими расположениями.

1) Надлежит тебе всегда иметь живое стремление всяким делом служить единому Богу, и служить

так, как сие благоугодно Ему. В оживление же и поддержание такого стремления убедись и неотступно держи в мысли, что Господу и по предивным Его свойствам — благости, величию, премудрости и другим бесчисленным и безмерным совершенствам — должны быть всякой разумной тварью воздаваемы поклонение, честь и служение. Но когда приложишь к сему неотходное памятование, что Он Сам неописанно благотворно послужил тебе воплощенным Своим домостроительством, искупил тебя и снял с тебя великую клятву, уврачевал и исцелил язвы твои, ядом греха тебе причиненные, не вином и елеем, и не пластырями какими, но бесценной Кровью, истекшей из пресвятых ребр Его и пречистой плоти, истерзанных бичами, тернием и гвоздьми, то можешь ли удержаться, чтоб каждое мгновение всеусердно не посвящать на служение Ему единому и словом, и делом, и мыслью? К тому же и того не должен ты забывать, сколь для нас самих благотворно такое служение, так как оно делает нас господами над самими собой, победителями диавола и сынами Божиими.

2) Надлежит тебе иметь живую и теплую веру, что Бог по великой милости Своей и по множеству щедрот Своих Сам желает и готов подать тебе все, потребное для твоего Ему достодолжного служения и всякое благо, потребное для тебя. Такая вера и такое упование будут в тебе сосудом, который беспредельное милосердие Божие и наполнит сокровищами

Своих благодатей. И чем обширнее и вместительнее будет у тебя сосуд сей, тем с обильнейшими дарами будет всякий раз возвращаться в недро твое молитва твоя. И как можно помыслить, чтобы Бог, чуждый пременения Вседержитель, заповедавший молиться Ему и обетовавший подавать нам просимые блага, отказал соделать нас причастниками их, когда мы с усердной и терпеливой молитвой испрашиваем их у Него, и не даровал нам Духа Своего? Не Его ли слово есть: *кольми паче Отец, Иже с небесе, даст Духа Святого просящим у Него* (Лк. 11, 13)? И не Он ли обетовал: *и вся, елика аще воспросите в молитве верующе, приимете* (Мф. 21, 22)?

3) Надлежит тебе приступать к молитве с таким настроением, чтобы тебе желалось одной Божественной воли, а никак не своей собственной, как в самом прошении, так и в получении просимого, именно: чтоб и движим был ты на молитву, потому что того хочет Бог, и услышан быть желал, опять как Он того хочет. Одним словом, да будет у тебя в уме и сердце то, чтоб всецело объединять свою волю с волей Божией, и ей во всем подчиняться, и отнюдь не желать волю Божию преклонять на свою волю.

И это почему? Потому, что воля твоя всегда сраствorена с самолюбием, очень часто погрешает и не знает того, чего следует желать. Воля же Господня всегда блага, премудра, всеправедна, благотворна и

никогда погрешить не может. Посему, как она есть неотложный закон для всего сущего и бывающего, так должна быть правилом для воли всех разумных тварей и царицей желаний их, которой они должны покорно во всем последовать.

Таким образом, тебе надлежит всегда желать, просить и искать того одного, что благоугодно Богу. И если когда усомнишься, благоугодно ли Богу то или другое, ищи того и проси в той мысли, что ты желаешь то сделать или иметь, если того желает и Бог. Того же, о чем наверно знаешь, что оно благоугодно Богу, как, например, добродетели, ищи и проси для того, чтоб наипаче благоугодить Богу и добрее послужить Ему единому, а не с другой какой целью, хотя бы и духовной.

4) Надлежит тебе приступать к молитве также украшенным делами, сообразными с прошением твоим, и после молитвы трудиться наипаче над тем, чтобы сделаться достойным вместилищем благодати и добродетели, тобой просимой. Труд молитвенный, таким образом, должен быть сопровождаем подвигом самопринуждения и напряжения себя на то, о чем просим, потому что здесь, в порядках духовной жизни, прошение и искание собственное следуют одно за другим друг-друго-принимательно. Если же кто в молитве будет молиться Богу о какой-либо добродетели, а сам между тем предается нерадению, никаких

на стяжание сей добродетели определенных средств не приемля, и никаких для того дел не делая, и подвигов не подъемля, то поистине такой паче искушает Бога, а не молится. Почему божественный Иаков и сказал: *много бо может молитва праведнаго поспешествуема* (Иак. 5, 16). Споспешествованием здесь бывает и то, когда кто, прося праведного помолиться о чем для себя, и сам о том молится, и то, когда кто, молясь о чем Богу, и сам всеусердно делает все, потребное для стяжания просимого, как разумеет святой Максим.

5) В молитве своей надлежит тебе совмещать те четыре действия, о которых пишет святой Василий Великий: сначала восславословь Бога, потом возблагодари Его за благодеяния, тебе явленные, далее исповедуй Ему свои грехи и преступления заповедей Его и, наконец, испрашивай у Него потребного тебе, наипаче в деле спасения твоего. Последуя сему, можешь ты примерно так молиться:

«Господи, Боже мой! Хвалю и песнословлю неизреченную славу Твою и Твое безмерное величие. Благодарю Тебя, что, по единой благости Твоей дав мне бытие и сподобив меня быть причастником спасительных благ воплощенного домостроительства Твоего, неоднократно избавлял Ты меня, неведомо даже для меня самого, от угрожавших мне бед и от руки невидимых врагов моих. Исповедуюсь Тебе,

что неисчетное число раз попирал я совесть свою и бесстрашно нарушал святые заповеди Твои, являясь неблагодарным к стольким и толиким благодеяниям Твоим. Но, Боже мой многомилостивый, да не победит благости Твоей сия неблагодарность моя, презри грехи мои и непотребства, воззри же на слезы сокрушения моего и по множеству щедрот Твоих помоги мне и ныне, подай благопотребное для спасения моего и жизнь мою всю направи на благоугождение Тебе, да славится и мною недостойным всесвятое имя Твое».

При сем последнем слове можешь ты исчислять поименно все настоящие твои потребности духовные, душевные и телесные, и если в это время упражняешься в какой особой добродетели, то помяни и ее и молись, да поможет тебе Бог преуспеть в ней в совершенстве; если бываешь возмущаем движениями какой-либо страсти, молись о помощи не поддаться ей и прогнать ее; если же терпишь какую напраслину и обиду или какой ни есть ущерб и беду, не забывай благодарить за то Бога, потому что и это, бывая по воле Божией, всегда благой, посещает тебя во благо тебе.

6) Чтоб молитва твоя возымела силу пред Богом и привлекла к тебе Его благоволение, окрыляй ее и благоукрашай несомненной верой не только в безмерность Божией щедродательности и в непреложность

обетования Его услышивать нас, взывающих к Нему, еще прежде, чем кончится молитва наша (см.: Ис. 58, 9), но наипаче в силу воплощенного о нас домостроительства Господа нашего Иисуса Христа, нас ради подъявшего крестную смерть, воскресшего, вознесшегося на небеса и седящего одесную Отца, где выну и ходатайствует о нас; так как *аще Сына Своего Бог не пощаде, но за нас предал есть Его, како не и с Ним вся нам дарствует* (ср.: Рим. 8, 32)?

Предлагай также во услышание тебя ходатайство Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, день и ночь о нас молящейся, и предстательство всех святых — Архангелов и Ангелов, апостолов и пророков, пастырей и учителей, мучеников и мучениц, преподобных отцов и матерей и всякого рода благоугождением благоугодивших Богу, Ангела твоего хранителя и святого, имя которого ты носишь и которому посвящена церковь, в коей ты крещен и всегда молишься. Предпосылая своей молитве сии ходатайства, ты смирение свое предпошлешь, которого ничего нет благоприятнее Богу, ни на кого так милостиво не взирающему, как *на кроткаго и смиреннаго. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Ис. 66, 2; Пс. 50, 19).

7) Надлежит тебе совершать свои молитвы всегда с прилежанием неутомимым, как заповедует апостол, говоря: *В молитве терпите, бодрствующе*

в ней (Кол. 4, 2). Ибо смиренное терпение, неутомимость и неотступность в молении побеждает непобедимого Бога и на милость Его преклоняет. Если неотступность евангельской вдовицы преклонила на свое прошение судию злого и неправедного, по евангельской притче Господа, намеренно с тем изрекшего ее, чтоб научить нас не скучать, но терпеливо пребывать в молении, как читаем в Евангелии: *глаголаше же и притчу... како подобает всегда молитися и не стужати си* (Лк. 18, 1), — если, говорю, судия неправедный склонился на прошение вдовицы по причине неотступности ее, то как не склонится на моления ваши Бог, Который есть сущая благость, если будем неотступно умолять Его? Посему, когда умоляешь о чем Бога и Он медлит услышать тебя, ты все продолжай молиться, держа в сердце твердое и живое упование на помощь Его. Ибо за Ним никогда не остается усердная молитва и на нее всегда готовы от Него излиться богатые милости, превышающие самое чаяние молящихся, если к тому нет нравственных препятствий с их стороны и если они не находятся в таком состоянии, что для них лучше, чтоб неисполненным осталось прошение их, — в каковом случае Он, вместо просимого, посылает иное какое благо, благопотребное для них, ведомо ли для них или неведомо. В сем разуме справедливо иметь убеждение, что молитва никогда не бывает неуслышанной,

а бывает только то, что посылаемое вследствие ее есть не то, о чем просят, не зная, что то неполезно для них и что оно невидимым оставляется потому, что увидеть то не безвредно для получающих. Будь же всегда терпелив к молитве и уверен будь, что молитва никогда не остается бесплодной. Если не получаешь просимого, верь, что получаешь или получишь иное вместо его благо; и если не видишь и не увидишь сего, не пытай, почему это, а лучше вместо того обратись к своему недостоинству и наполни душу твою помышлениями и чувствами смирения. Если воспроизведешь и утвердишь в себе такие чувства вследствие молитвы, то, пусть даже ты за нее совершенно ничего не получишь, не только видимо, но и невидимо, самые сии чувства приими как плод молитвы, и для тебя спасительный и Богу благоугодный паче всего.

Слушай, что говорит святой Златоуст: «Великое есть благо молитва, если с должным благонастроением творится и если мы научим себя, и когда получаем просимое, и когда не получаем его, благодарить Бога. Ибо Он и когда дает, и когда не дает, то и другое творит во благо нам, так что, и когда получишь просимое, ты очевидно получил его, и когда не получишь, — получил, потому что не получил, наверно, неполезного тебе, — не получить же неполезное есть сподобиться полезного. Итак, получишь ли

ты или не получишь просимого, благодари Бога, веруя, что, если б почасту не было для нас благотворнее не получить того, что просим, то Бог всегда бы подавал нам просимое».

Итак, всегда терпеливо молись Богу и о всем благодари Его, веруя и исповедуя, что Он благ к тебе, и благ премудро, и есть твой любвеобильный Благодетель и в даянии и в недаянии по прошению твоему, и по сей вере непоколебимым пребывай в смиренной покорности Божественному промышлению, радостно и благодарно встречая все случающееся с тобой, и приятное и неприятное.

Глава сорок седьмая

Что такое умная, или внутренняя, молитва, и каких видов она бывает

Умная, или внутренняя, молитва есть, когда молящийся, собрав ум внутрь сердца, оттуда не гласным, но безмолвным словом воссылает к Богу молитву свою, славословя Его и благодаря, сокрушенно исповедуя пред Ним грехи свои и испрашивая у Него потребных себе благ духовных и телесных. Не словом только надо молиться, но и умом, и не умом только, но и сердцем, да ясно видит и понимает ум, что произносится словом, и сердце да чувствует, что помышляет при сем ум. Все сие в совокупности и есть настоящая молитва, и если нет в молитве твоей чего-либо из сего, то она есть или несовершенная молитва, или совсем не молитва.

Ты, верно, слыхал такие слова: словесная молитва, мысленная молитва, сердечная молитва; слышал притом, может, и рассуждения о каждой из них особо. Отчего происходит такое разложение молитвы на ее части? Оттого, что по нашей оплошности быва-

ет, что иной раз язык произносит святые слова молитвы, а ум блуждает не весть где или и ум понимает слова молитвы, а сердце не отзывается на них чувством. В первом случае молитва бывает только словесная, и совсем не есть молитва, во втором — со словесной соединяется и молитва мысленная, и это есть молитва несовершенная, неполная. Полная и настоящая молитва есть, когда со словом молитвенным и молитвенной мыслью сочетавается и молитвенное чувство.

Бывает, по благодати Божией, и одна сердечная молитва, и это есть духовная молитва, Духом Святым в сердце движимая; молящийся сознает ее, но не творит, а она сама в нем творится. Такая молитва есть достояние совершенных. Общедоступная же и от всех требуемая молитва есть, чтоб со словом молитвенным всегда сочетаваемы были и мысль и чувство.

Бывает еще молитва, которую именуют предстоянием пред Богом, когда молящийся, весь сосредоточившись внутрь сердца, мысленно созерцает Бога присущим себе и в себе с соответственными тому чувствами, — то страха Божия и благоговейного изумления Его во всем величию, то веры и упования, то любви и преданности в волю Его, то сокрушения и готовности на всякие жертвы. Такое состояние приходит, когда углубится кто в обычной молитве словом, умом и сердцем. Кто долго и как должно

молится, у того такие состояния чаще и чаще будут повторяться, а наконец состояние такое может сделаться постоянным, и тогда оно называется хождением пред Богом, и есть непрестанная молитва. В таком состоянии пребывал святой Давид, свидетельствующий о себе: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8).

Итак, брате мой, желаешь ли, чтоб молитва твоя была благоплодна, никогда не ограничивайся в молитве своей одним молитвословием, но молись вместе и умом и сердцем: умом — разумея и сознавая все молитвословимое, сердцем — всё то чувствуя. Наипаче же молись сердцем. Молитва, из сердца исторгающаяся, как стрела молнийная, мгновенно проходит небеса и является пред престолом всемилостивого Бога. И Бог ей наипаче внемлет и на нее преклоняется. Такой молитвой возмолился Моисей пред Чермным морем и тотчас услышал глас Божий: *что вопиеши ко Мне* (Исх. 14, 15)? И силу приял от Бога избавить народ свой от угрожавшей ему беды.

Глава сорок восьмая

Как научиться молиться сим образом

Полагаю, что по прочтении сказанного у тебя родился вопрос: как научиться такой молитве? И вот тебе ответ: учись так именно всегда молиться, то есть не словом только, но и умом, и сердцем, — и научишься. Как научился ты читать? Стал над сим трудиться — и научился. Как научился писать? Стал писать — и научился. Так научишься и молиться, как показано, если станешь молиться именно таким образом.

Слова молитвенные ты знаешь, конечно, — тебя с измальства им учили. Они содержатся в наших молитвенниках и церковных богослужебных книгах. Они суть молитвенные излияния, из сердец святых мужей и жен исторгавшиеся, когда, Духом Божиим движимые, они изрекали пред Богом желания сердца своего. В них заключен дух молитвенный; сим же духом преисполнишься и ты, если будешь прочитывать их как должно, как дух какого-нибудь писателя сообщается тому, кто читает его с полным

вниманием. Это все испытывают; я думаю, и ты испытывал.

Словеса сии молитвенные собраны в наших молитвенниках, и не предстоит тебе трудиться над собиранием их. Итак, имей молитвенник и в определенные времена для молитвы, обыкновенно утром и вечером, читай положенные там молитвы, вникая в каждое слово, помышляя так, как там изображено, и те же в сердце воспроизвесть стараясь чувства, какие движутся в читаемой молитве. Вот и вся премудрость! Так обычно все и делают.

Так обычно делают все, — это правда, скажешь. Но отчего же не все имеют молитву достодолжную? Оттого, что делать так делают, то есть берут молитвенник, становятся пред иконами и читают, но ума и сердца своего сюда не прилагают: ум бродит, не знать где, и сердце услаждается своим чем, а не молитвенным. А ты, молясь, и ум свой заключай в слова молитвы, и сердцем своим воспринимай изрекаемое ими, — и тотчас ощутишь плод от такого молитвословия.

Итак, словеса молитвенные имеешь, что значит понимать их и чувствовать — знаешь, и это в твоей власти. Стало быть, молитва и успех в ней — в твоих руках. Трудись неленостно — и успеешь. Предложу, однако ж, нечто в руководство к удобнейшему успеху.

1) Потрудись не в молитвенный час, а в другое свободное время, обдумать и прочувствовать поло-

женные молитвы. Сделав это, ты во время молитвословия не встретишь никакого труда воспроизвесть в себе все содержание читаемой молитвы; даже лишь только начнешь какую молитву, ее мысли и чувства предстанут сознанию твоему, и ты будешь произносить молитвенное слово, как бы оно было твое собственное и исходило из твоего сердца, в нем порождаясь, а не влагаемо будучи в него.

2) Потрудись, обдумав и прочувствовав молитвы, заучить их на память. Сделав это, ты будешь молитвы носить в себе. Пока они в молитвеннике, они вне тебя; а когда заучишь их, они станут внутрь тебя, и ты, в каких бы обстоятельствах ни находился, всегда будешь иметь с собой молитвенник свой. К тому же, заучивая молитвы, ты глубже напечатлеешь в себе мысли и чувства молитвенные, нежели как просто только обсудив их и обчувствовав. От такого изучения в тебе образуется молитвенный строй, если будешь не слова только заучивать, но и в мыслях тех и чувствах быть, которые содержатся в молитве. А это наилучший путь к успеху в навыке достодолжной молитвы.

3) Когда настанет время для молитвословия, не вдруг, как только оторвешься от обычных дел, начинай молитвословить, а наперед приготовься к тому: «постой мало молча, дондеже утишатся чувства», как учит тебя молитвенник, и воспомяни, к чему

приступаешь и что имеешь совершить, кто ты, имеющий молиться, и Кто Тот, пред Кем будешь изрекать молитвы твои, и что именно должен ты изречь и как. Такое приготовление делают необходимым: утром — одебеление души от погружения в сон и нападение забот о предлежащих делах дня тотчас по пробуждении, а вечером — многообразные впечатления дня и особенно случаи выдающиеся и поразительные, приятные и неприятные. Постарайся все выпроводить из сознания, чтоб дело молитвы заняло потом все твое внимание и ей одной исключительно мог ты посвятить предлежащее время. Случаи поразительные, если не успеешь управиться с ними, обращай в предмет молитвы, или благодарения, или испрашивания помощи и избавления, или предания их и себя и всего своего в волю Божию.

4) Пред самым началом молитвословия поставь себя в присутствие Божие до сознания и чувства Его с благоговейным страхом и вставь в сердце живую веру, что Бог видит и слышит тебя, что Он не отвращается от молящихся, но благоволительно взирает на них и на тебя в час молитвы сей, и окрылись упованием, что Он готов и исполнить, и действительно исполнит прошение твое, если оно душеполезно для тебя.

5) Настроясь так, изрекай молитвы свои, всеусильно углубляясь в них и всячески заботясь о том,

чтоб они исходили из сердца, как твои собственные, хотя они заученные. Не дозволяй вниманию своему отклоняться инуды [куда-либо] и мыслям твоим улетать на сторону. Как только сознаешь, что это случилось, возврати мысли свои внутрь и начинай опять молитвы с того пункта, с которого внимание твое отклонилось на другое что. Заметь, что внимание не рассеивается, когда сердце бывает в чувствах молитвенных. О сих чувствах потому и пекись паче всего. Не дозволяй себе спешить в молитвословии, а все его благоговейно, как священное дело, с терпением доводи до конца.

6) Если среди молитвословия в таком настроении и порядке какой-нибудь предмет молитвы особенно падет тебе на сердце, окует твое внимание, как по обстоятельствам близкий к тебе, и вызовет у тебя собственное молитвенное слово, не попускай сему случаю пройти мимолетно, но остановись на нем и молись своим словом, пока удовлетворится породившееся молитвенное чувство или потреба.

7) Если потрудишься так совершить молитвословие, то вынесешь из сего молитвенное настроение, которое позаботься сохранить сколько можно в силе. Для сего не тотчас кидайся на обычные дела и никогда не думай, что, совершив свое молитвенное правило, ты все кончил в отношении к Богу и что тебе можно теперь дать волю своим мыслям и чувствам.

Нет, ты и во весь день должен стараться держать себя так, как был на молитвенном правиле. Чтоб это поддержать, не забывай, что пред Богом ходишь и Его десницей держим еси над бездной ничтожества, и, содержа сие в мысли, всякое дело свое, и большое и малое, совершай, как Бог того хочет. У Него испрашивай на то благословения, и ко славе имени Его обращай всё. Действуя так, ты до самого вечернего своего молитвословия дотянешь в добром молитвенном настроении. Совершив и вечернее правило таким же образом, ты ночь проспишь добре. И вот у тебя сутки доброго молитвенного настроения. Проводи так день за днем, и в несколько месяцев, а может быть, и недель, сделаешься сильным молитвенником, и молитва, как неугасимая лампада, начнет непрестанно теплиться в сердце твоем.

8) Приложу и еще одно правильце, именно: непрерывность такого делания молитвенного, от начатия его до преуспеяния в нем... Если же ныне ты хорошо помолишься и подержишь себя в молитвенном настроении, а завтра дашь себе волю и проведешь день распущенно, то, так действуя, никогда не успеешь в молитве. Это будет то же, что строить и разорять... И можно дойти до того, что молитва совсем заглохнет, и душа сделается негожей для нее. Начавши, надо терпеливо пребывать в молитве, не ослабевая и себе не поблажая льготами и вольностями.

Глава сорок девятая

О молитве своей, самим молящимся слагаемой

Всё, доселе говоренное, говорено о молитве или молитвословии молитвами готовыми, и хотя со вниманием и чувством творимыми, но все же чужими. Должно ли сим ограничиться и навсегда? На это ответит сама молитва молящегося. Стань молиться, как следует, молитвами заученными, — молитва с самого начала начнет прививаться к душе и по мере силы, с какой привьется, станет позывать молящегося возносить и свою, от своего лица, по своим нуждам, слагающуюся в сердце молитву. И он при всяком молитвословии будет возносить к Богу такие молитвы. Таким образом, своя молитва в труде молитвенном имеет неотказно принадлежащее ей место и часть.

Я уже поминал тебе в предыдущей главе (пункт 6), чтобы ты, когда во время молитвословия какие-либо слова изрекаемой молитвы падут на душу и займут ее, не оставлял сего без внимания, но остановился на

сем и сам от себя помолился о том, что заняло твою душу. И делай так. То же самое бывает и при чтении слова Божия и отеческих душеполезных книг, бывает и при размышлении о божественных вещах — о Божием величии и всесовершенстве, о дивных делах Божия творчества, вседержительства и промышления, и о предивнейшем деле воплощенного домостроительства во спасение наше; бывает и при особенно впечатлительных и поразительных случаях текущей жизни, бывает то есть, что какой-нибудь предмет особенно поражает душу, оковывает ее внимание и позывает вознестись молитвенно к Богу Всевышнему. И в этих всех случаях не оставляй без внимания зародившегося позыва, но исполни его требование, пресекши на время занятие, при котором это случилось.

Эти внезапные порывы значат, что молитва начала водворяться в сердце и наполнять его. Ибо не с первых пор, как посвятишь себя труду навыкновения молитве, появляется сие, а спустя более или менее продолжительное время. В этом — свидетельство успеха в молитвенном труде; и чем чаще появляются такие внутри позывы, тем полнее молитвенным исполняется духом то сердце, в котором они возникают. Кончиться сие должно бы тем, чтоб всегда молиться только своей молитвой. Но этого не бывает, а всегда своя молитва привходит в молитвословие готовое. Ибо они однородны и одной суть степени

достоинства, и если заменяются, то молитвой предстояния Богу созерцательного без слов.

Заметь, что иногда в таких случаях порождается только позыв к определенной молитве, а иногда с позывом и сама молитва без труда со стороны молящегося слагается в сердце. В первом случае тебе предлежит самому слагать подобающую молитву, а во втором — только внимать и не мешать исходящей из сердца молитве. При сем напомню тебе: да не соблазнит тебя желание без сказанного внутреннего позыва и нуждения слагать самому свои молитвы. Ты можешь очень умную сложить речь к Богу, но это не будет молитва, а сочетание слов и мыслей без духа молитвенного. Не делай так. Без тщеславия и самомнения не обойдешься, а эти порождения заглушают молитву настоящую и подавляют ее.

Что касается до молитвы, которая сама собой слагается в сердце вместе с породившимся в нем нуждением помолиться самому о предмете, тебя лично касающемся и для тебя именно благопотребном, то она иной раз бывает собственно твоим порождением из тех молитвенных элементов, которые собираются в сердце от усвоения и заучения готовых молитв, а иной раз действием благодати Божией производится. В таких случаях она бывает зачатком или зародышем молитвы духовной, о коей поминал я тебе в главе 47. Когда станешь сподобляться сего, это

будет значить, что ты подходишь к пределам доступного тебе совершенства. Возблагодари тогда Бога, путем же жизни начинай тещи еще с большим страхом и трепетом. Чем дороже чье сокровище, тем сильнее разгораются завистливые очи врагов.

Глава пятидесятая

О кратких молитовках, или кратких молитвенных к Богу воздыханиях

Не раз уже говорилось, что настоящая молитва есть молитва внутренняя, не словом только, но и умом и сердцем совершаемая. Такая молитва овладевает всем вниманием и держит его внутри у сердца, почему внутрь пребывание есть неотъемлемая черта настоящей молитвы и главное ее условие. С внутрь пребыванием в деле молитвы неотлучна мысль о Боге присущем, видящем и внемлющем молитве, с отражением всякого другого помышления, что именуется трезвением или хранением сердца. Вся потому забота трудящегося над преуспеянием в молитве сюда должна быть преимущественно обращаема, и действительно обращается, то есть чтобы всегда неотходно быть у сердца, трезвенно охраняя его от всякого помышления, кроме единого Бога, и что бы ни предлежало делать, делать то, не отклоняясь вниманием от Бога, с сознанием Его присутствия, как бы пред лицом Его. Это есть высшее делание в молитвенном

труде. Путь к нему и даже к сознанию нужды и потребности его пролагает молитвословие, показанным образом совершаемое. Оно первое научает ум сосредоточиваться у сердца и внимать исключительно Богу. Познав, сколь сие сосредоточение благотворно, молитвенному труженику естественно желать, чтобы оно было неизменным состоянием его духа, ибо тогда была бы в нем непрестанная молитва; возжелавшему же естественно взыскать удовлетворения сего желания. И все восчувствовавшие такую потребность взыскивали и взыскивают сего. Все наставления Святых Отцов о трезвении и хранении сердца на это направлены и порождены не иным чем, как успехами в сем труде.

Если и ты чувствуешь такую потребность, то тебе присущ вопрос: как бы успеть в этом неисходном внутрь пребывании пред лицом Бога с трезвенным хранением сердца? Молитвословие путь к сему пролагает и начатки сего производит, но дела самого не дает или не доводит до потребной силы и совершенства. Молитвословие многосложно. Оно содержит и вниманию представляет много предметов, которые, хотя все святы, могут, однако ж, напомнить собой другие предметы, житейские и общественные, а чрез них и мирские, неподобные, по обычным законам сочетания мыслей и воображений. Так это и бывает. И молитвословие самое усердное не проходит без того, чтоб мысль не отклонялась инуды и не

блуждала. Так как молитва чрез это возмущается и делается нечистой, то нет молитвенника, который бы не досадовал на это и не желал избавиться от такой немощи. Внимание на это обращено было с первых дней подвижничества. Что же после молитвословия придумано к уврачеванию ее? Придумано молиться коротенькими молитвами, которые бы, держа мысль пред лицом Бога, не давали ей повода уклоняться инуды и делали ее неисходно внутрь пребывающей. О сем святой Кассиан свидетельствует, удостоверяя, что в его время такое делание было повсеместно по Египту*. Из наставлений других отцов видим, что оно было в употреблении и на Синае, и в Палестине, и в Сирии, и во всех других местах, во всем христианском мире. Воззвание: «Господи помилуй!» и другие краткие молитовки, коими переполнены все чины нашего богослужения и наших молитвословий, что другое значат, как не это? Так вот тебе мой совет: избери себе краткую молитовку или несколько таких молитовок и частым их повторением дойди до того, чтоб они сами собой повторялись у тебя на языке и мысль твою держали на одном — на помышлении о Боге.

Какие избрать молитовки, это можно оставить на свободу каждого. Читай Псалтирь. Там в каждом псалме можешь встретить воодушевительные воззвания к Богу.

* Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседования Египетских подвижников. Собеседование 10. Глава 10.

Из них и избери, которые ближе подходят к твоему состоянию и больше тебе по душе; заучи и повторяй то одно, то другое, то третье; ими перемеживай свое молитвословие, и они пусть будут у тебя на языке во все время и при всех делах от молитвословия до молитвословия. Можешь и свои молитовки составлять, ближе выражая ими свою нужду, — по образцу тех святого Златоуста 24 молитовок, которые имеешь ты в молитвеннике.

Не набирай, однако ж, их слишком много, чтоб не обременить ими памяти и не заставить внимание разбегаться по ним, что будет совсем противно цели, для которой они назначаются — держать внимание собранным. 24 молитовки святого Златоуста — мерная мера; и поменьше можно. Не одну, а несколько их иметь хорошо для разнообразия и оживления духовного вкуса; в употреблении их, однако ж, не следует скоро переходить от одной к другой, а взяв одну, которая ближе подходит к твоей духовной потребе, взывай ею к Богу, пока не притупится вкус к ней. Можешь и все молитвословие свое или часть его заменить сими молитовками, положив повторять их по нескольку раз, — по 10, по 50 и по 100 раз, с малыми поклонами. Но всегда имей одно в виду — держать внимание к Богу неотходным.

Такое делание назовем краткими молитвенными к Богу воздыханиями, во всякий момент дня и ночи, в которые не спишь.

Глава пятьдесят первая

О молитве Иисусовой

Были и есть такие молитвенники, которые излюбляли одну краткую молитовку и ее непрестанно повторяли. Святой Кассиан говорит, что в Египте в его время обычной всем коротенькой молитвой был 2-й стих 69-го псалма: *Боже, в помощь мою вонми; Господи, помощи ми потщися*. О святом Иоанникии пишется в житии, что он все повторял такую молитовку: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый». Ее же он прилагал и к каждому стиху тридцати псалмов, им заученных и составлявших его молитвенное правило. Другой некто постоянной своей молитвой имел такие слова: «Аз яко человек согреших, Ты же, яко Бог щедр, помилуй мя». Иные, конечно, иные излюбляли для себя молитовки. С самого древнего времени очень многими избираема была молитовка: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Видим указание на нее у святого Ефрема, святого Златоуста, святого Исаака Сирианина, святого Исихия,

святых Варсонофия и Иоанна и святого Лествичника. Потом она, все более и более обобщаясь, уста всех исполнять стала и вошла даже в устав церковный, где предлагается взамен всех молитвословий домашних и всех служб церковных. У нас потому она из кратких молитв преимущественно и находится в употреблении. Ей потрудись навыкнуть и ты.

Молитва сия названа Иисусовой потому, что обращается к Господу Иисусу, и есть по составу своему словесная, как и всякая другая краткая молитовка. Умной же она бывает и называться должна, когда возносится не одним словом, но и умом и сердцем, с сознанием ее содержания и чувствованием, и особенно когда чрез долгое со вниманием употребление так сливается с движениями духа, что они одни и присущими видятся внутри, а слов как бы нет. Всякая короткая молитовка может взойти на эту степень. Иисусовой же молитве принадлежит преимущество потому, что она с Господом Иисусом сочетавает душу, а Господь Иисус есть единственная дверь к Богообщению, к снисканию которого и стремится молитва. Ибо Он Сам сказал: *никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною* (Ин. 14, 6). Почему стяжавший ее усвояет себе всю силу воплощенного домостроительства, в чем и есть наше спасение. Слыша сие, ты не удивишься, почему ревнители о спасении не жалели труда, стараясь навыкнуть сей

молитве и усвоить себе силу ее. Возьми с них пример себе и ты.

Навыкновение молитве Иисусовой внешне состоит в достижении того, чтоб она сама собой непрестанно вращалась на языке, внутренне же — в сосредоточении внимания ума в сердце и непрестанном в нем предстоянии пред Господом, с сопровождающей сие сердечной теплотой в разных степенях и отреванием всяких других помышлений, и наипаче с сокрушенным и смиренным припаданием к Господу Спасителю. Начало сему навыку полагается частым сколько можно повторением сей молитвы со вниманием в сердце. Частое повторение, установляясь, собирает ум воедино в предстоянии Господу. Установлению такого строя внутри сопутствует согреяние сердца и отогнание помыслов даже простых, а не только страстных. Когда в сердце начнет непрестанно теплиться огонь прилепления к Господу, тогда вместе с сим водворится внутри мирное устроение сердца с сокрушенным и смиренным, мысленным, припаданием к Господу. Доселе доходит собственный наш труд с помощью благодати Божией. Что еще, высшее сего, может совершаться в деле молитвы, то будет даром единой благодати. У Святых Отцов поминается о сем для того только, чтобы кто, достигши показанного предела, не подумал, что ему нечего уже больше желать и не возмечтал, что стоит

на самом верху совершенства молитвенного или духовного.

Итак, первое тебе дело предлежит — частое, сколько можно частое, повторение молитвы Иисусовой, пока навыкнешь непрестанно ее повторять. Делай сие так:

1) Определи в молитвенном твоем правиле часть и молитве Иисусовой. Твори несколько раз сию молитву в начале своего молитвословия и несколько раз после него. Если есть усердие, и после каждой молитвы, входящей в такое молитвословие, делай то же, подражая, святому Иоанникию Великому, который после каждого стиха, читаемых им на правиле своем псалмов, повторял свою краткую молитовку: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый».

2) Число, сколько раз повторять, в каком случае сию молитву, сам себе определи или с совета духовного отца твоего. Только сначала много не назначай, а потом, по мере услаждения сей молитвой, прибавляй понемногу. Если когда придет желание повторить положенное число, не отказывай себе в этом, не поставляя себе сие в постоянное правило, а только в этом случае. И сколько бы ни потребовало сердце таких повторений, не отказывай.

3) Не спеши гнать одну молитву за другой, а с мерной длительностью произноси их, как обыкно-

венно говорят пред большим лицом, когда просят его о чем. Однако ж не об одних словах заботься, а паче о том, чтобы ум был в сердце и предстоял Господу, яко присущему, с полным сознанием Его величия, и благодати, и правды.

4) Если имеешь свободу, то во время между одним и другим молитвословием положи себе становиться, как обычно становишься на молитву, и возносить к Господу несколько раз молитву сию. А если нет такой свободы, то внутренне вставляй сию молитву всюду между делами твоими и даже речами.

5) Творя сию молитву на правиле или кроме его, становясь для нее в молитвенное положение, при каждом разе ее произношения делай поклон — десять раз поясной, а потом земной, — так, пока кончишь. Ты, конечно, слыхал или читал, что Святые Отцы в своих правилах о молитве полагают множество поклонов. Один из них сказал: недостаточна молитва, когда кто не преутрудит на ней тела своего поклонами. Если ты положишь, по силе своей, подражать сему, то скорее увидишь плод от труда своего над навыкновением молитве Иисусовой.

6) О дальнейших наставлениях, указаниях и предостережениях касательно молитвы Иисусовой читай в «Добротолюбии» Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Никифора монаха, Игнатия и Каллиста; и всех других отцов уроки о внутренней молитве

могут быть прилагаемы и к молитве Иисусовой. Заметь: в уроках сказанных отцов ты найдешь указания, как сидеть, как держать голову и действовать дыханием. Эти приемы, как сказали Каллист и Игнатий, не существенно необходимы, а суть только внешние приспособления, не для всех пригодные. Для тебя довольно быть вниманием в сердце пред лицом Господа и возносить к Нему сию краткую молитовку благоговейно и смиренно, с поклонами, когда стоишь на правиле, и с одним мысленным припаданием, когда делаешь это между делами.

7) Заметь еще: быть вниманием надо в сердце, или внутри персей, как говорят иные отцы, именно: немного выше левого сосца, — и там повторять молитву Иисусову. Когда от напряжения сердце начнет щемить, тогда поступи, как советует монах Никифор, именно: подымись с того места и стань со вниманием и молитвенным словом там, где мы обыкновенно ведем беседу с самими собой, под кадыком наверху груди. После опять сойдешь над левый сосец. Не побрезгуй сим замечанием, как оно ни покажется тебе слишком простым и мало духовным.

8) У Святых Отцов встретишь много предостережений. Ко всем им поводы даны опытами неправильного действования. Чтоб избежать сих неправильностей, имей советника — отца духовного или собеседника — брата единомысленного и поверяй

им все, случающееся при таком труде твоем. Сам же всегда действуй в наибольшей простоте, в великом смирении и неприсвоении себе успеха. Ведай, что настоящий успех происходит внутри, незаметно, не выдаваясь, как совершается рост тела. Потому, когда возгласится у тебя внутри: а, вот оно! — знай, что это возглас вражий, представляющий тебе нечто кажущееся вместо действительного. Тут начало самопрельщения. Заглушай сей глас сразу, иначе он, как труба, будет гудеть у тебя, питая самомнение.

9) Не определяй времени, потребного для успеха в молитве сей. Положи только трудиться и трудиться. Пройдут месяцы и годы, пока покажутся слабые начатки успеха. Один из афонских отцов говорил о себе, что прошло два года труда, пока согрелось сердце; у другого некоего это пришло чрез восемь месяцев. У всякого это происходит по мере сил его и усердия к сему делу.

Глава пятьдесят вторая

Способствование к успеху в навыкновении молитве

Желая и ища успеха в молитвенном труде, все уже к тому и приспособляй, чтоб не разорять одной рукой того, что созидает другая.

1) Тело свое держи строго и в пище, и во сне, и в отдыхе; ничего не давай ему потому только, что оно того хочет, как заповедал апостол, говоря: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13, 14). Не давай покоя плоти.

2) Внешние свои сношения сократи до самых неизбежных. Это на время обучения себя молитве. После молитва, действуя в тебе, укажет, что без ущерба для нее может быть прибавлено. Особенно блюди чувства и между ними паче — очи, слух; свяжи и язык. Без соблюдения сего и шагу не сделаешь вперед в деле молитвенном. Как свече гореть на ветре и дожде нельзя, так нельзя затеплиться молитве при приливе впечатлений совне.

3) Все свободное время после молитвы употребляй на чтение и размышление. Для чтения избирай наиболее такие книги, в коих пишется о молитве и вообще о внутренней духовной жизни. Размышляй исключительно о Боге и вещах Божественных и наипаче о воплощенном домостроительстве нашего спасения и в нем паче о страданиях и смерти Господа Спасителя. Делая так, будешь иметь себя погруженным в море божественного света. Присовокупляй к сему хождение в церковь, как только будешь иметь возможность. Одно присутствие в храме осенит тебя молитвенным облаком. Что же получишь, если всю службу простоишь в истинно молитвенном настроении?!

4) Ведай, что в молитве успеть нельзя без успевания вообще в христианской жизни. Неизбежно необходимо, чтоб на душе не лежало ни одного греха, неочищенного покаянием; и, если во время труда молитвенного сделаешь что, смущающее совесть, спеши очиститься покаянием, чтобы мог ты дерзновенно воззревать ко Господу. И постоянно держи в сердце смиренное сокрушение. Затем не пропускай ни одного представляющегося случая к сделанию какого-либо добра или к проявлению какого-либо доброго расположения, наипаче смирения, послушания и отречения от своей воли. Но уже само собой разумеется, что ревность о спасении должна гореть

неугасимо и, исполняя всю душу, во всем, от малого до великого, должна быть главной движущей силой, со страхом Божиим и упованием непоколебимым.

5) Так настроясь, утруждай себя в молитвенном делании, молясь то готовыми молитвами, то своими, то краткими воззваниями к Господу, то молитвой Иисусовой, но не упуская при этом ничего и из того, что может способствовать в сем труде. И получишь искомое. Напомню тебе, что говорит Макарий Египетский: «Увидит Бог молитвенный труд твой и что ты искренне желаешь успеха в молитве, и даст тебе молитву». Ибо ведай, что хотя и своими усилиями творимая и достигаемая молитва есть молитва, Богу приятная, но настоящая молитва та, которая вселяется в сердце и делается неотходной, есть дар Божий, дело Божией благодати. Посему, молясь о всем, не забывай молиться и о молитве.

6) Сообщу тебе, что слышал от одного боголюбца. «Я жил, — говорил он, — не совсем исправно; но Бог смиловался надо мной и послал мне дух покаяния. Это было во время говения. Я всячески напрягался, чтоб положить в себя твердую решимость исправиться, особенно перед исповедью долго молился пред образом Божией Матери, прося и Ее вымолить мне такую решимость. Приступив потом к исповеди, я все откровенно пересказал. Духовный отец ничего мне не сказал, но, когда произнес над главой моей

разрешительную молитву, в сердце мое канул сладкий огонек. Ощущение это похоже на то, как проглотишь какой лакомый кусок. Уканувший огонек сей там и остался в сердце, и мне чувствовалось, будто меня кто держит за сердце. С сего времени я все молился и внимание свое держал там, где было такое чувство, об одном старался, чтобы оно не отошло. И Бог помогал мне. О молитве Иисусовой я не слыхал; и когда услышал, то увидел, что бывшее во мне было именно то, что ищется сей молитвой». Я привожу тебе сказание сие, чтоб ты из сего уразумел, что ищется молитвенным трудом и по какому признаку можно узнать, что оно получено.

7) Присовокуплю к сему и следующие слова святого Григория Синаита («Добротолюбие». Часть 1. С. 112 и далее): «Благодать есть в нас со времени Святого Крещения, но по нашему невниманию, осуечению и неисправности в жизни, она подавляется или как мнас [мина, монета] в землю зарывается. Когда кто полагает жить исправно, возревновав о спасении, то весь труд его вследствие того плодом имеет восстановление в силе сего благодатного дара. Совершается сие двояким способом: во-первых, дар сей открывается многотрудным исполнением заповедей, и поколику кто преуспевает в исполнении заповедей, потолику дар сей проявляет свою светлость и свой блеск; во-вторых, приходит он в явление и

раскрывается непрестанным молитвенным призыванием Господа Иисуса. И первое средство могущественно, но второе могущественнее, так что и первое чрез него получает свою силу. Посему, если искренне хотим раскрыть сокрытое в нас семя благодатное, то поспешим поскорее навыкнуть сему последнему сердечному упражнению и иметь в сердце это одно дело молитвы, безвидно, невоображенно, пока оно согреет сердце наше и распалит его до неизреченной любви к Господу». Тут совмещается все, о чем я напоминал тебе выше в 4-м пункте.

Глава пятьдесят третья

Дело молитвы в невидимой брани

Говоря о молитве, я внимание твое преимущественно обращал на то, как возвесть молитву до свойственной ей степени. Могло тебе показаться странным, что, когда речь у нас о невидимой брани и тебе желательно знать, какое пособие подает в сей брани молитва, ты слышишь лишь о том, как молитву сделать настоящей молитвой. Не дивись сему, потому что тут только молитва и становится победоносным орудием в невидимой брани, как сделается настоящей, то есть внедрится в сердце и станет непрестанно в нем действовать. С сего момента она делается непроницаемой, непреодолимой и непереходимой оградой души, не допускающею к ней ни стрел вражеских, ни страстных нападков плоти, ни обольщений со стороны мира прелестного. Самым присутствием своим в сердце она пресекает брань невидимую. Посему и внушалось тебе: поспеши привить к сердцу действо молитвы и попекись о том, чтоб она была там в непрестанном движении. Ибо это то же,

что сказать: сделай так, и без борьбы будешь являться победителем.

Это так действительно и бывает. Но пока-то дойдет твоя молитва до такой силы, враги не дадут тебе покоя, и тебе и минуты не обойтись без брани или опасений ее. Помощна ли тут молитва? Всеконечно, и более, нежели всякое другое орудие духовной брани. Она всегда привлекает Божию помощь, и сила Божия отражает врагов; только будь она усердна и предана в волю Божию. Место ее в самом начале противоборства нападениям вражеским. Вот как идет все дело. Когда внимание, как страж неусыпный, дает знать о подступах вражеских и стрелы их восчувствуются, то есть или помысл страстный, или движение страсти появятся внутри, — ревнующий о спасении дух, сознав в этом злобное дело вражеское, своих сил напряжением нещадно отражает то от сердца, не давая туда проникнуть, и в то же время в одном почти с сим акте внутреннем возносится молитвой к Господу, призывая его на помощь. Помощь приходит, враги рассеиваются, и брань стихает.

Святой Иоанн Колов приточно изображает это так, говоря о себе: «Я подобен человеку, который сидит под большим деревом и видит, что к нему приближается множество зверей и змей. Так как он не может стоять против них, то поспешно взлезает на дерево и спасается. Так и я: сижу в своей келлии и вижу злые помыслы, восстающие на меня; и как

у меня недостает сил против них, то прибегаю к Богу посредством молитвы и спасаюсь от врага» («Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов». Пункт 11).

Святой Исихий пишет о сем в своем «Слове о трезвении и молитве»: «Надлежит тебе острым и напряженным взором ума смотреть внутри, чтобы узнавать входящих; узнав же, тотчас противоречием сокрушать главу змия, с воздыханием возопив в то же время ко Христу Господу. И получишь тогда опыт невидимого Божеского заступления» (пункт 22).

Еще: «Итак всякий раз, как случится умножиться в нас лукавым помыслам, ввергнем в среду их призывание Господа нашего Иисуса Христа; и тотчас увидим, что они начнут рассеиваться, как дым в воздухе, как научил нас опыт» (пункт 98).

И еще: «Мысленную брань будем вести в таком порядке. Первое дело — внимание; потом, когда заметим, что подошел вражий помысл, бросим на него из сердца с гневом слова клятвы; третье затем дело — помолиться против него, обращая сердце к призыванию Господа Иисуса Христа, да развеется этот демонский призрак тотчас, чтоб иначе ум не пошел вслед этого мечтания, как дитя, прельщаемое каким-либо искусным фокусником» (пункт 105).

И еще: «Прекословие обыкновенно преграждает дальнейший ход помыслам, а призывание имени Иисус Христова изгоняет их из сердца. Как только

вообразится в душе прилог представлением чувственного какого-либо предмета, как-то: оскорбившего нас человека, или женской красоты, или сребра и злата, или когда все подобное бывает в нашей мысли, — тотчас обличается, что привели в такое мечтание сердце наше духи — злопамятства, блуда, сребролюбия и другие. Если ум наш опытен, обучен и навык блюсти себя от приражений вражеских и видеть ясно, как днем, обольстительные мечтания и прелести лукавых, то тотчас отпором, прекословием и молитвой Иисус Христовой легко угашает разженные стрелы диавола, не позволяя страстному мечтанию увлекать вслед себя и наши помыслы и помыслам сим согласоваться с призраком прилога, или дружелюбно беседовать с ним и вдаваться в многомыслие, или сосложиться с ним, — за чем с некоторой необходимостью следуют худые дела, как ночь за днем».

И много подобных мест найдешь ты у святого Исихия. У него встретишь полное очертание и всей невидимой брани, и я советовал бы тебе почаще перечитывать его «Слово о трезвении и молитве».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

О Пресвятом Таинстве Евхаристии

До сих пор я предлагал тебе, любезный читатель, о четырех орудиях, потребных тебе к одолению врагов в невидимой брани, как-то: о ненадеянии на себя, о надежде непоколебимой на Бога, о противостоянии греху и борьбе с ним и о молитве. Теперь я хочу указать тебе еще на иное некое могущественное в сем деле орудие, именно: на Пресвятое Таинство Евхаристии. Таинство сие, как между Таинствами есть самое высшее, так и в числе орудий духовных есть самое сильное и врагопоразительное. Четыре орудия, о которых мы говорили, получают силу свою от благодатных сил и даров, стяжанных нам Кровию Христовою; Таинство же сие и есть самая Кровь Христова и самое Тело Христово, с присущием Самого Христа Бога. Теми четырьмя орудиями боремся с врагами мы силою Христовою; в сем же Христос Господь поражает врагов наших нами, или вместе с нами. Ибо, кто вкушает Тело Христово и пьет Кровь Его, тот со Христом пребывает и Христос

с ним, как Он Сам сказал: *ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Посему, когда одерживаем мы победу над врагами, то это Кровь Христова побеждает их, как написано в Апокалипсисе: *и тии победиша его* (диавола-клеветника) *кровию Агнчею* (Откр. 12, 11).

Сие святейшее Таинство, сие всепобедительное орудие, паче же Христос, сущий в сем Таинстве, может быть действенно приемлемо двояким образом: ***во-первых***, таинственно, в Таинстве Тела и Крови Христовых, с достодолжным приготовлением, то есть сокрушением, исповедью, очищением чрез епитимию и потребным пощением; ***во-вторых***, духовно и мысленно в уме и сердце. ***Первое*** может иметь место столь часто, сколько это возможно по обстоятельствам внешним, внутреннему состоянию и по усмотрению духовного отца; а ***второе*** — каждое мгновение, так что тебе можно всегда иметь в руках сие всемощное оружие и ограждаться им от врагов непрестанно. Внемли же сему и Святых Христовых Таин причащайся сколько можно чаще, как только имеешь разрешение от духовного отца своего; мысленно же и духовно вкушать Христа Господа ревнуй непрерывно, — к чему руководство предложено тебе мною в предыдущих главах о молитве.

Глава вторая

Как надлежит принимать Святое Таинство Евхаристии, или принимать Христа Господа таинственно – в Таинствах

Для достижения цели, с которой приступаем к сему Божественному Таинству, надлежит нам иметь некие особые расположения, совершать особые некие дела и употреблять особые некие меры — прежде причащения, во время причащения и после причащения. Прежде причащения надлежит чрез Таинство Покаяния и Исповеди очистить себя от всякой скверны грехов как смертных, так и не смертных, и исполнить, что на исповеди наложит духовный отец, соединяя с сим твердую решимость от всего сердца, всей душой, всей силой и всем помышлением служить единому Господу Иисусу Христу и делать одно, Ему благоугодное. Так как Он в сем Таинстве дает нам Тело Свое и Свою Кровь, с душою и Божеством и всей силою воплощенного домостроительства, то, помышляя о том, как ничтожно даемое Ему

нами сравнительно с тем, что Он нам дает, положим в сердце по крайней мере все для нас возможное всеусердно делать во славу Его, и если б нам пришлось овладеть самым высшим даром, какой когда-либо приносили Ему земные и небесные разумные твари, изъявим готовность принести то без размышления Его Божескому величию.

Возжелав принять сие Таинство, чтоб силой его победить и поразить врагов своих и Господних, с вечера еще, или даже раньше того, начинай помышлять, как сильно Спаситель наш, Сын Божий и Бог желает, чтобы ты с приятием сего Таинства дал Ему место в сердце своем, дабы, соединясь с тобой, помочь тебе изгнать оттуда все страсти твои и победить всех врагов твоих.

Сие желание Господа нашего столь велико и пламенно, что сего никакой тварный ум не может вместить в совершенстве. Ты, впрочем, чтоб хоть сколько-нибудь подойти к сему, потрудись поглубже напечатлеть в уме своем следующие два помышления: ***первое***, как неизреченно радостно Всеблагому Богу пребывать в приискреннем общении с нами, как удостоверяет Сама священная Премудрость, говоря: *радость Моя... с сынами человеческими* (Притч. 8, 31); и ***второе***, как сильно ненавидит Бог грех, и потому, что он препятствует соединению Его с нами, столь для Него желательному, и потому,

что он прямо противоположен Божеским Его совершенствам. Будучи по естеству беспредельно благим и чистым светом и неизреченной красотой, не может Он не гнушаться безмерно грехом, который не что иное есть, как крайнее зло, мрак, растление, мерзость и срамота в душах наших. И сие Божие нетерпение греха столь велико, что с самого начала его все промыслительные о нас Божеские деяния и установления Ветхого и Нового Завета направляемы были к истреблению его и изглаждению следов его, особенно же предивное страдание Спасителя нашего Иисуса Христа, Сына Божия и Бога. Некоторые богословы и учители говорят даже (припомни сказание святого Дионисия Ареопагита о видении Титу), что если б потребовалось, то Господь Иисус готов бы был подъять тьмы других смертей для уничтожения силы греха. Так преследует его Божеское негодование.

Уразумев из таких помышлений и созерцаний, сколь великое имеет Бог желание внити в сердце твое, чтобы вконец победить там твоих врагов, кои суть и Его враги, ты не можешь не ощущать в себе живого вожделения приять Его, да совершит Он в тебе такое действие и самым делом. Воодушевившись же таким образом полным мужеством и восприяв дерзновение от верного надеяния, что в тебя может прийти Небесный Архистратиг твой Иисус,

вызывай почасту на брань ту страсть, которая тебя беспокоит и которую желаешь преодолеть, и поражай ее ненавистью, презрением и отвращением, восстановляя в то же время в себе молитвенное желание противоположной ей добродетели с готовностью и на соответственные тому дела, такие именно и такие.

Вот что следует делать тебе вечером пред причащением.

Утром же, немного прежде Святого Причастия, пройди одним взором ума все увлечения, неправости и прегрешения, содеянные тобой со времени предшествовавшего причащения доселе, помянув при том, с каким бесстрашием и ослеплением все сие делалось, как будто не было у тебя Бога, Судии и Воздаятеля, видевшего то и, чтоб избавить тебя от таковых дел, подъявшего страшные страсти и поносную смерть на кресте, которые ты попирал, когда, склонясь на грех, срамные похотения свои ставил выше воли Бога, Спасителя твоего. Стыдом да покроется лицо души твоей при сознании такой неблагодарности и такого бесстрашия. Однако ж не попусти себя потоплену быть от смущения при сем и всякое нечаяние далеко отжени от себя. Се долготерпеливый Господь, преклонясь на милость раскаянием твоим и изъявленной тобой готовностью служить отселе Ему единому, паки грядет к тебе и в тебя, чтоб безмерной бездной благости Своей потопить и по-

глотить бездну неблагодарности твоей и твоего бесстрашия и маловерия. Приступи же к Нему со смиренным чувством недостоинства, но и с полным благонадежием, любовью и преданностью, уготовляя Ему в сердце своем пространную скинию, да вселится Он весь в тебя. Как и каким образом? Изгнанием из сердца всякого помышления о чем-либо тварном, а не только пристрастия и сочувствия к тому и заключением двери его, да не внидет в него ничто и никто, кроме Господа.

По причащении же Святых Таин, войди тотчас в сокровенности сердца своего и поклонившись там Господу с благоговейным смирением, простри к Нему мысленно такую беседу: «Ты видишь, Всеблагий мой Господи, как легко впадаю я в грехи на пагубу себе, и какую силу имеет надо мной борющая меня страсть, и сколько сам я бессилен освободиться от нее. Помоги мне и усиль бессильные усилия мои, или паче Сам восприими оружия мои и ими вместо меня порази вконец сего неистового врага моего».

После сего наконец, обратясь к Небесному Отцу Господа нашего Иисуса Христа и нашему, вместе с Ним в Тайнах сих благоволением Своим в тебя нисшедшему, и к Духу Святому, благодатью Своей тебя возбудившему и приготовившему к принятию Тела и Крови Господних и по принятии их теперь обильно тебя осеняющему, поклонись Богу сему

Единому, в Троице Святой славимому и нам благодеющему, и, воздав благоговейное Ему благодарение за великую к тебе милость, в сей момент явленную, как дар некий, предложи непреклонное решение, готовность и порывы к борьбе со своим грехом в чаянии преодолеть его силой Единого Бога Триипостасного. Ибо ведай, что, если не будешь употреблять всех своих усилий к преодолению своей страсти, помощи от Бога не получишь и, если, усиливаясь всеусердно, на одни свои силы надеешься, успеха никакого иметь не будешь. Усиливаться усиливайся всеусердно, но успеха ожидай от одной помощи Божией. Придет несомненно помощь и, сделав твои бесссильные усилия всесильными, подаст тебе удобную победу над тем, с чем борешься.

Глава третья

Как углублением в Таинство Евхаристии возгревать в себе любовь к Богу

Чтоб углублением в небесное Таинство Тела и Крови Христовых возгреть в себе бóльшую любовь к Богу, обратись помыслом к созерцанию любви, какую явил самому тебе Бог в сем Таинстве. Ибо сей великий Бог и Вседержитель не удовольствовался тем, что создал тебя по образу и подобию Своему, ни тем, что когда ты, согрешив и Его оскорбив, ниспал из чина своего, послал Сына Своего Единородного пожить тридцать и три лета на земле, чтобы взыскать тебя и, подъяв страшные страсти и мучительную смерть крестную, искупить и исхитить тебя из рук диавола, которому ты поработил себя грехом, и опять восставить тебя в свой чин, — но, кроме того, благоволил учреждену быть еще и Таинству Тела и Крови в пищу тебе для существеннейшего сращворения с естеством твоим всей силы воплощенного домостроительства. Сие-то последнее изъявление премногой к тебе любви Божией сделай для себя

предметом постоянного созерцания и углубления, чтоб, узревая всестороннюю полноту ее и преизобилие, питать тем и паче воспламенять свое к Богу всецелое устремление и любовь.

1) Помысли о том, когда стал любить тебя Бог, и увидишь, что сему нет начала. Ибо сколько Сам Он вечен по Божескому естеству Своему, столько же вечна и любовь Его к тебе, по коей Он прежде всех веков положил в совете Своем даровать тебе Сына Своего дивным неким и непостижимым образом. Узрев же сие, восторженной возрадуйся радостью духовной и воззови: «Итак, еще в оной бездне вечности мое ничтожество было попечительно зримо и любимо Богом беспредельным; еще тогда промышлял Он о благе моем и по благоволению неизглаголанной любви Своей положил даровать мне в пищу Сына Своего Единородного. Могу ли я после сего позволить себе хоть один момент не быть прилепленным к Нему всей мыслью моей, всем желанием моим и всем сердцем моим?»

2) Помысли также, что всякие взаимные любления тварей между собой, как бы они велики ни были, имеют свою веру и свой предел, за который и не могут простертись. Одна любовь Божия к нам не имеет предела. Посему, когда потребовалось особым неким образом удовлетворить ее, Он предал на сие Сына Своего, равного Ему по величию и беспре-

дельности, яко сущего единого и того же с Ним естества. Итак, любовь Его такова, каков дар, и, обратно, таков дар Его, какова любовь. И то и другое столь велико, что большей меры великости не может и вообразить никакой тварный ум. Возмерь же ты сию безмерную любовь по крайней мере всевозможной для тебя мерой любви.

3) Помысли еще, что Бог подвигся на возлюбление нас не какой-либо необходимостью, но по единой Своей естественной благости, возлюбил, независимо ни от чего, Сам от Себя, сколько безмерно, столь же и непостижимо.

4) Что с нашей стороны не могло быть предпослано сему возлюблению никакое достохвальное дело, достойное воздаяния, чтоб беспредельный Бог за то презельностью любви воздал нашей всесторонней бедноте, — что Он возлюбил нас потому, что так восхотел, по единому благоволению Своему, и не только возлюбил, но и даровал Себя нам, недостойнейшим тварям Своим.

5) Что любовь сия, если воззришь на чистоту ее, не смешана, как большей частью тварная любовь, с чаянием какого-либо добра от нас впереди. Ибо Бог не имеет нужды в каком-либо добре со стороны, яко Сам в Себе вседовольный и всеблаженный. Посему если благоволил излить на нас неизреченную благость и любовь, то излил не ради блага Себе от нас, а для блага собственно нашего.

Помышляя о всем сем, можешь ли ты не взывать в себе: «О, как дивно сие! Всевышний Бог приложил сердце Свое ко мне, малейшему творению Своему! Что же хочешь Ты от меня, Царю Славы? Чего чаешь от меня, который не что иное есть, как пыль и прах? Вижу добре, Боже мой, при свете безмерной любви Твоей, что у Тебя одно при сем желание, наиболее показывающее светлость Твоей ко мне любви, именно что Ты благоволишь даяти мне всего Себя в пищу и питие не для другого чего, как для того, чтоб преложить всего меня в Себя, не потому, чтоб имел Ты нужду во мне, но потому, что я крайнюю имею нужду в Тебе, ибо, таким образом, Ты бываешь живущим во мне, а я в Тебе; и чрез любительное единение сие делаюсь я как Сам Ты — и скажу так по-человечески: чрез соединение моего земного сердца с Твоим сердцем небесным содевается во мне единое некое божественное сердце».

От таких помышлений не можешь ты не преисполниться изумления и радости, видя себя так высоко ценимым от Бога и так много Ему любезным и уразумевая, что Он безмерной любовью Своей к тебе ничего другого не ищет и не желает от тебя, как привлечь любовь твою к Себе и тебя Собой облаженствовать, отторгши тебя от всякого пристрастия к тварям и к самому себе, чтоб ты таким образом возмог всего себя принести Ему, Богу твоему, как

всесожжение, и чтоб отныне во все последующее время жизни твоей единая любовь к Нему и усердное желание благоугождать Ему обладали и умом твоим, и твоей волей, и памятью, и всеми чувствами твоими. Всякое благодеяние любви Божией к тебе может отразиться таким воздействием на душу твою, наипаче же естественно сему быть при разумном воззрении на многоблагодатное Таинство Божественной Евхаристии, на которое, взирая умом, отверзи и сердце свое к нему и излей следующие благоговейные молитвы и любительные воздыхания.

«О Брашно пренебесное! Когда же настанет для меня час пожретися Тебе всецело не другим каким огнем, а огнем любви Твоей? Когда, о несозданная Любовь, о Хлебе Жизни! Когда стану я жить Тобой единым, для Тебя единого и в Тебе едином? Когда, о Жизнь моя, Жизнь красная, Жизнь сладостная и вечная, Манна небесная, когда, отвратившись от всякого другого брашна земного, стану я вожделевать Тебя единого и питаться Тобой единым? Когда будет сие, о Сладость моя всенасытительная, о Благо мое верховное?! О Господи мой, превожделенный и всеблагодатный! Исторгни сие бедное сердце мое из уз всякого пристрастия и всякой наклонности недоброй, укрась его святыми добродетелями Твоими и исполни таким благонастроением, чтобы мне со всей искренностью все делать только для того одного,

чтобы благоугодить Тебе! Тогда достигну я наконец того, что, отверзши Тебе сердце мое, уже не недостойное Тебя, призову Тебя и любовью понужду Тебя внити в него. Ты же, Господи мой, вошедши внутрь, станешь, не встречая сопротивления, совершать там все воздействия, какие обычно совершаешь в душах преданных Тебе».

В таких любительных помышлениях и чувствах можешь ты проводить вечер и утро, приготовляясь к Святому Причастию. Потом, когда совсем приблизится священный час Причастия, со смирением и сердечно теплотой поживее вообрази, Кто Тот, Кого имеешь ты приять в себя, и кто ты, имеющий приять Его.

Тот есть Сын Божий, в непостижимое облеченный величие, пред Коим трепещут Небеса и все Силы, — есть Святый святых, светлейший солнца, недомыслимая чистота, в сравнении с коей нечиста всякая чистота тварная, Который из любви к тебе прияв зрак раба, восхотел быть презренным, поруганным и распятым злобой мира беззаконного, пребывая в то же время Богом, в деснице Коего жизнь и смерть всего мира. Кто же ты? Ты — ничто, по своему растлению, лукавству и злобе сделавшийся ничтожнее ничего, хуже всякой ничтожнейшей и нечистейшей твари, посмешище преисподних демонов, который вместо воздаяния благодарения щедрому Богу за столькие и толикие благодеяния, увлекаясь

своими фантазиями и похотями, презрел столь великого Благодетеля своего и Владыку и попрал бесценную Кровь Его, за тебя пролитую, а Он при всем том, по непрестающей и неизменной любви Своей к тебе, призывает тебя к Божественной трапезе Своей, иной же раз и понуждает приступить к ней страшными угрозами, напоминая тебе ко всем изреченное слово Свое: *аще не снесте плоти Сына Человеческаго, ни пиете крове Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 53), — и как не затворяет пред тобой двери милосердия Своего, так не отвращает от тебя лица Своего, хотя ты, по грехам своим, и прокажен, и расслаблен, и слеп, и беден, и порабощен всяким страстям и непотребностям.

Вот только чего требует Он от тебя: 1) чтоб ты возболел сердцем своим об оскорблении Его; 2) чтобы ты паче всего ненавидел грех — всякий, и большой и малый; 3) чтоб ты всецело всего себя предал Ему и со всем расположением и любовью сердечной одно имел попечение — всегда и во всем, во всяком деле быть в воле Его и в полной покорности Ему единому; 4) чтоб ты имел крепкую в Него веру и твердо уповал, что Он помилует тебя, очистит тебя от всех грехов твоих и охранит от всех врагов твоих, видимых и невидимых.

Подкрепившись такой неизреченной любовью к тебе Божией, приступи ко Святому Причастию со страхом святым и любительным, говоря: «Недостоин

я, Господи мой, прияти Тебя, ибо столько и столько раз прогневлял Тебя грехами моими, а не оплакал еще всех таких нечестивых дел моих. Недостоин я, Господи мой, прияти Тебя, ибо не очистил еще себя от расположений и пристрастий к тому, что не благоугодно Тебе. Недостоин я, Господи мой, прияти Тебя, ибо не предался еще со всей искренностью в любовь к Тебе, в волю Твою и в покорность Тебе. О Боже мой, всесильный и безмерно благой! Сам Ты, по всещедрому человеколюбию Своему, удостой меня прияти Тебя, с верой притекающего к Тебе».

После же того, как сподобишься Святого Причастия, заключись в сокровенностях сердца своего и, забыв все тварное, простри к Богу такую или подобную сей беседу: «Всевышний Царю Неба и земли! Кто внити Тебя сотворил в недостойное сердце мое, когда я и окаянен, и беден, и слеп, и наг? Никто, конечно, как безмерная любовь Твоя ко мне. О Любовь несозданная! О любовь сладчайшая! Чего же хочешь Ты от меня, вконец обнищавшего? Ничего, как проразумеваю и вижу, кроме любви моей к Тебе; ничего, кроме того, чтоб на жертвеннике сердца моего не горел никакой другой огонь, кроме огня любви моей к Тебе, который бы попалял всякую другую любовь и всякое другое желание, кроме желания всего меня принести Тебе в жертву всесожжения и в воню благоухания. Ничего другого никогда не желал Ты и не искал от меня и теперь не ищешь и не

желаешь. Вонми же, Господи, ныне и обетам сердца моего! Се сочетаваю с желанием Твоим мое желание, и как Ты всего Себя дал мне, и я всего себя предаю Тебе, да буду весь в Тебе. Ведаю, Господи, что сему нельзя быть, если не будет во мне полного самоотвержения, если останется во мне какой-либо след самолюбия, если будет укрываться во мне сочувствие и расположение к какой-либо воле своей, или мыслям своим, или к самоугодливым обычаям моим; посему хочу и порываюсь отныне противиться себе во всем, что неугодного Тебе возжелает душа моя, и нудить себя на все, что благоугодно Тебе, хотя бы все во мне и вовне меня восставало против того. Сам я не силен успеть в этом, но как отныне Ты со мной, то дерзновенно уповаю, что Ты Сам будешь совершать во мне все достодолжное. Порываюсь и ищу, да будет сердце мое едино с Твоим сердцем; и уповаю, что сие будет мне благодатью Твоей. Порываюсь и ищу ничего не видеть и не слышать, ни о чем не помышлять и ничему не сочувствовать, кроме того, к чему поведет и на что указывать будет воля Твоя, заповедями Твоими определенная, и уповаю, что сие будет мне действом силы Твоей во мне. Порываюсь и ищу не отходить вниманием от сердца, в коем Ты, и там, непрестанно взирая к Тебе, согреваться лучами света, от Тебя исходящего; и уповаю, что сие будет мне прикосновениями и объятиями дланей Твоих. Порываюсь и ищу, да

отныне Ты един будешь мне свет, сила и радование; и уповаю, что сие будет мне спасительными Твоими воздействиями на внутреннее мое. О сем и молюсь и непрестанно молиться буду. О премилосердный Господи! Буди мне сие, буди».

Попекись затем день от дня все более и более преизбыточествовать верой в силу сего Пресвятого Таинства Евхаристии и не переставай изумляться сему дивному Таинству, помышляй, как Бог под видом хлеба и вина являет тебе Себя и существенно бывает в тебе, чтобы содевать тебя наиболее святым, преподобным и блаженным. Ибо блаженны те, которые не видят, но веруют, по слову Спасителя: *блажени не видевшии и веровавше* (Ин. 20, 29). И не желай, чтобы в сей жизни Бог являл Себя тебе под другим каким видом, кроме сего Таинства. Старайся возгревать в себе теплое желание сего Таинства, и каждодневно преуспевай и в ревностной готовности творить одну волю Божию, и в духовной мудрости ее делать царицей и правительницей всех твоих дел: и духовных, и душевных, и телесных. Всякий раз, как причащаешься, причащаясь сей Жертвы Бескровной, и себя самого приноси в жертву Богу, то есть изъявляй полную готовность по любви к Господу, за нас пожершемуся, терпеть всякую напасть, всякую скорбь и всякую напраслину, какие могут встретиться в течение жизни твоей.

Святитель Василий Великий полнее изображает долг, налагаемый Святым Причастием на причащающихся, со слов святого Павла, что причащающиеся Тела и Крови Господа смерть Господню возвещают (см.: 1 Кор. 11, 26). Смерть же была подъята Господом за всех людей — и за причащающихся — чего ради? *Да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему* (2 Кор. 5, 15). Следовательно, причащающиеся с верой, любовью и готовностью до положения живота быть верными заповедям Божиим и всякой явно Им изъявленной воле, берут на себя долг уже не жить более себе, ни миру и греху, но приемлемому ими во Святом Причастии Господу Богу, за них умершему и воскресшему.

Наконец, прияв в Святом Причастии Господа, за тебя пожершегося, и общником быв силы сей Жертвы, во имя ее вознеси к Небесному Отцу, после благодарения и славословия, молитвы и моления о твоих нуждах, духовных, душевных и телесных; затем — о Святой Церкви Божией, о домашних твоих, о благодетелях и о душах в вере почивших.

Будучи сочетана с Жертвой, коею Сын Божий исходатайствовал нам от Бога Отца всякую милость, молитва сия и услышана будет, и не оставлена будет без плода.

Глава четвертая

О причащении духовном

Причащаться Господа в Таинстве Тела и Крови можно только в определенные времена, кто как может и как усердствует, не более, однако ж, одного раза в день. Внутренне же, в духе, причащения Ему можем сподобляться каждый час и каждое мгновение, то есть пребывать, по благодати Его, в непрестанном общении с Ним и, когда благоволит Он, сердцем ощущать сие общение. Причастившись Тела и Крови Господа, Его Самого, по обетованию Его, приемлем, и Он вселяется в нас со всеми благодатями Своими, давая и сердцу к тому готовому, ощущать сие. Истинные причастники всегда бывают вслед за Причастием в осязательно благодатном состоянии. Сердце вкушает тогда Господа духовно.

Но как мы и телом стеснены, и внешними делами и отношениями окружены, в коих по долгу должны принимать участие, то духовное вкушение Господа, по раздвоению нашего внимания и чувства, день от дня ослабляется, заслоняется и скрывается. Скрыва-

ется ощущение вкушения Господа, но общение с Господом не пресекается, если, к несчастью, не привзойдет какой грех, расстраивающий благодатное состояние. Со сладостью вкушения Господа ничто сравниться не может, почему ревнители, ощутив оскудение ее, спешат восстановить его в силе и, когда восставят, чувствуют, что как бы снова вкушают Господа. Это и есть причащение Господа духовное.

Оно имеет, таким образом, место между одним и другим причащением Его в Тайнах Святых. Но оно может быть и непрерывно — в том, кто всегда блюдет сердце свое чистым и непрерывным имеет внимание свое и чувство к Господу. При всем том, однако ж, оно есть дар благодати, даруемой труженикам на пути Господнем, усердным и к себе безжалостным.

Но и то, когда кто по временам вкушает Господа в духе, есть дар благодати. От нас только жаждание сего дара, и алкание, и усердное взыскание. Есть, впрочем, дела, открывающие ему путь и споспешествующие принятию его, хотя он всегда приходит как бы невзначай. Дела сии суть чистая с детским воплем из сердца молитва и особые акты самоотвержения в ряду добродетелей. Когда нет на душе греха, когда не терпимы бывают мысли и чувства греховные, то есть когда она чиста и к Богу вопиет, то что может воспрепятствовать Господу присущему дать

душе Себя вкусить, а душе ощутить сие вкушение? Так и бывает, если только Господь не видит, что для блага души нужно несколько продлить алчбу Его и жажду неудовлетворенной. Между актами самоотвержения паче всего сильно в сем отношении смиренное послушание и повержение себя под ноги всех, обнажение себя от стяжаний, благодушное перенесение напраслин, все в духе полного предания себя в волю Божию. Такие деяния наипаче уподобляют действующего Господу, и Господь присущий дает Себя вкусить душе его. И всех заповедей Божиих усердное и чистое исполнение имеет плодом своим вселение Господа в сердце, со Отцом и Святым Духом (см.: Ин. 14, 23).

Духовное Господа причащение не должно смешивать с мысленным воспоминанием о причащении Его в Таинствах Тела и Крови, хотя бы это сопровождалось сильными какими ощущениями духовными и жаждущими порывами к действительному Причастию Его в Тайнах Святых. Не должно также смешивать и того, что дается присущим в храме при совершении Таинства Евхаристии. Они сподобляются освящения Божия и Божия благоволения, как участвующие в принесении Бескровной Жертвы верой, сокрушением и готовностью жертвовать собой во славу Божию и по мере сих расположений; но это не то, что Причастие, хотя оно тут же может совершиться.

Глава пятая

О благодарении Бога

Всякое благо, какое имеем, и всякое добро, какое делаем, есть Божие и от Бога. Посему на нас лежит долг благодарить Его за всё, за всякое благо, от всещедрой десницы Его получаемое, явное ли то или неявное, за всякое доброе деяние, за всякий добрый подвиг и за всякую победу над врагами нашего спасения, как нам и заповедано: *о всем благодарите: сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас* (1 Фес. 5, 18). Позаботься же возгревать в себе чувства благодарения к Богу с первого момента по пробуждении от сна, во весь день и засыпай со словами благодарения на устах, потому что ты погружен в Божии благодеяния, в числе которых есть и самый сон.

Богу не нужны твои благодарения, но тебе неотложно нужны Божии благодеяния. Приятелище же и хранилище сих благодеяний в тебе есть благодарное сердце. «Наилучшее средство сохранить благотворительность к себе благодетеля, — говорит святой

Златоуст, — есть памятование о благодеянии и благодарение непрестанное». И святой Исаак пишет: «Благодарность приемлющего побуждает дающего давать дары, бóльшие прежних. Кто не благодарен за малое, тот и на большее обманется в надежде. Дар не остается без усугубления, разве только когда нет за него благодарности» (Слово 2). Святой же Василий Великий прилагает к сему и некое устрашение, благотворное, однако ж, говоря: «Поскольку не благодарим за блага, подаваемые Богом, то необходимым делается отъятие благ для приведения нас в чувство. Как глаза не видят слишком близкого, но требуют соразмерного некоторого расстояния, так и неблагодарные души, обыкновенно, с лишением благ начинают чувствовать прежнюю милость и, не знав никакой благодарности к Давшему, пока пользовались дарами, по утрате ублажают прошедшее» («Слово о благодарении»).

Вняв сказанному, всяко вопросишь: «Как же мне возгреть в себе чувство благодарения Богу и всегда хранить его?» Рассмотри все благодеяния Божии к роду человеческому — нашему роду — и к тебе самому и чаще проходи их мысль своей и вращай в памяти своей, и если есть у тебя сердце, то не возможешь не возносить к Богу благодарных песней. Образцы сему найдешь в молитвах и в писаниях святых. Вот как живописует святой Василий Великий

Божию к нам великодаровитость: «Мы из небытия приведены в бытие, сотворены по образу Создавшего, имеем и разум, и слово, которые составляют совершенство нашей природы и которыми познали мы Бога. Тщательно же изучая красоты творения, по оным, как по некоторым письменам, объясняем себе великий Божий о всем Промысл и Божию премудрость. Мы можем различать доброе и худое; самой природой научены избирать полезное и отвращаться вредного. Будучи отчуждены от Бога грехом, снова воззваны мы к общению с Богом, освобождены будучи Кровию Единородного от бесчестного рабства. А надежда воскресения, и наслаждения ангельскими благами, Царство на Небесах, обетованные блага, превосходящие силу разумения и слова!» (Там же). Прочитывай это изображение Божиих к нам благодеяний, или другое какое избери, или сам составь, включив сюда и лично тебе данные Богом блага. И повторяй это чаще мыслью и словом, не только каждый день, но многократно на всякий день, и пребудешь в чувствах благодарения Богу.

Но чувство возбужденное не любит оставаться в сокровенности, а ищет обнаружения и изъявления. Чем же прилично нам изъявить пред Богом свои чувства благодарения Ему? Делай то, что хочет от тебя Бог, окружая тебя Своей щедродательностью. Чего же хочет Бог? Окружая тебя Своими благами,

Бог хочет, чтоб ты, видя их, непрестанно воспоминал о Нем, — и помни: хочет, чтоб ты прилепился к Нему всей любовью, — и прилепись; хочет, чтоб ты ни в чем не отступал от воли Его и всем благоугождать Ему старался, — и делай так; хочет, чтоб ты во всем на Него единого полагался, — и положись; хочет, чтоб ты, поминая, как многократно оскорблял Благодетеля своего злыми и срамными делами своими, сокрушался о том, каялся в том, оплакивал то, пока не умиротворишься со своей совестью и не примешь удостоверения, что и Бог простил тебе всё, — и делай так.

Видишь, как обширно поле благодарения и как обильны способы исполнения сего долга? Познай из сего, как неизвинительно погрешает, кто оказывается неисправным в сем, и поревнуй не пятнать себя грехом сим. Между людьми неблагодарность обзывается черной. Какое приберешь слово для обозвания неблагодарности к Богу? Возгревай же в себе всегда чувства благодарения Богу, особенно попекись о сем в храме во время Литургии, на коей приносится Богу Бескровная Жертва, именуемая Евхаристией, что значит «благодарение». Не забудь, что здесь ты ничем другим не можешь достойно изъявить благодарение Богу, как полной готовностью всё свое и себя самого принести в жертву Богу во славу всесвятого имени Его.

Глава шестая

О преданности в волю Божию

Покаявшийся предает себя Богу на служение и тотчас начинает служить Ему хождением в заповедях Его и в воле Его. Начинается труд и работа в поте лица. Заповеди не тяжки, но много препятствий встречает исполнение их во внешних обстоятельствах трудящегося и особенно во внутренних его склонностях и навыках. Неутомимый труженик с Божией помощью наконец все препобеждает: мирно внутри и покойно течение дел вне — разумеется, относительно.

Труженик сам все действует, хотя с помощью Божией. Но опыт с первых дней дает ему разуметь, что при всех его усилиях, если делается что доброе, то только то, на которое подается сила свыше. Чем дальше, тем удостоверение в этом укореняется глубже. С установлением посильного мира внутри оно выступает вперед и делается господствующим и наконец завершается совершенной преданность в волю Божию или преданием себя вседействию Божию. Действование Божие в трудящихся о спасении начинается

с первых минут обращения к Богу, и самое обращение оно же совершает. Но оно возрастает по мере того, как трудящийся, отклоняясь от себя, к Богу прилепляется и, убеждаясь в своем бессилии, утверждается в уповании на силу Божию. Когда наконец он всего себя предаст Богу, Бог бывает в нем действующим и в указании должного, и в исполнении его. Это — верх христианского совершенства, в коем *Бог есть действуяй в вас, и еже хотети и еже деяти* (Флп. 2, 13). Семя ему полагается в ненадеянии на себя и надежде на Бога, как говорилось у нас в начале; а тут оно указывается в полном созрении.

В чем существо совершенной преданности в волю Божию, узнается, когда она проявится в силе своей. Она приходит сама собой, и нет особых правил на стяжание ее, чтоб можно было сказать: делай то и то, и получишь. Она растет незаметно под ненадеянием на себя и надеждой на Бога. Помянул же я о ней здесь, потому что надо же было где-нибудь помянуть, а помянутие в конце предыдущей главы о принесении себя в жертву Богу подало повод помянуть о ней теперь. Предание себя в волю Божию всецелое и есть принесение себя Богу во всесожжение.

Свидетельствуется сие состояние умертвием себе — своим разумениям, своим хотениям и своим чувствам или вкусам, чтоб жить Божиим разумом, в Божией воле и во вкушении Бога. В сем деле впереди

нас Господь Спаситель. Он всего Себя предал Богу и Отцу и в Себе нас, ибо мы *от плоти Его и от костей Его* (Еф. 5, 30). Поспешим же вслед Его, так как Он за нас дал слово Богу Отцу (см.: Ин. 17, 19), чая, что мы действительно будем таковы и так поступим.

Почему такое жертвоприношение совершается в конце, а не в начале? Потому, что жертва Богу должна быть совершенна, без порока. Совершенство же в начале есть предмет искомый, а не владеемый. Когда наконец овладевают им, тогда и в жертву принести себя уместно. На сию жертву в начале только посвящает себя человек, а в конце приносит себя в жертву. Раньше достижения совершенства и принести себя нельзя в жертву всесожжения. Другие жертвы можно приносить, как-то: жертву умилостивления, жертву очищения, жертву благодарения, а не жертву всесожжения. Покуситься на сие можно и говорить можно о сем, но это будет слово, а не дело. Дело это без слов совершается.

Ведай, что коль скоро имеешь еще прилепление к чему-либо земному, коль скоро опираешься на что-либо в тебе или вне тебя, кроме Бога, коль скоро находишь вкус в чем-либо тварном и услаждаешься тем, то ты еще негож ко всесожжению. Потрудись отрешиться прежде от всего, сделай, чтоб в тебе замерли все жизни и осталась одна жизнь по Богу, или

чтоб не ты уже жил, а жил в тебе Бог и Христос Господь и Дух Святой, и тогда посвяти себя Богу, или тогда ты отдан будешь Богу. А до того имей жертвой Богу дух сокрушен и сердце сокрушенно и смиренно и довольствуйся тем до времени, а не навсегда. Ибо все же ты должен наконец дойти до того, чтоб себя принести Богу во всесожжение тучно.

Глава седьмая

О сердечной теплоте и об охлаждении и сухости сердца

Духовная в сердце теплота есть плод чувства к Богу и всему божественному. Зарождение ее современно обращению к Богу в покаянии. Во время покаянных трудов над очищением сердца она все более и более усиливается и из прерывающейся или по временам посещающей сердце постепенно переходит в непрерывную, пока станет наконец состоянием сердца.

Когда святой Иоанн Лествичник советовал в одном месте: старайся всегда быть в чувстве к Богу и божественному, то разумел сию теплоту. Всякий предмет, услаждающии сердце, согревает его; потому теплот сердечных много. Духовная теплота порождается от воздействия на сердце духовных предметов, что бывает в порядке духовной жизни. Отличительная черта ее есть отрешение от всего тварного и окование внимания Богом и всем божественным. По сей черте она отстоит от теплот душевных и телесных, как небо от земли.

Чувство духовной теплоты сосредоточенно и является простым и единичным; но в существе дела оно есть соединение воедино многих духовных движений, как луч солнца есть соединение семи радужных лучей. В нем есть благоговение, сокрушение, умиление, припадение, поклонение, святая ревность, боголюбие. Как все такие чувства духовные не вдруг установляются в сердце, так теплота духовная не вдруг делается достоянием нашего сердца.

Пока духовная в сердце теплота не сделается постоянным его состоянием, дотоле она приходит и отходит. Приходит или сама собой, как гость небесный, или бывает плодом духовных упражнений: чтения, размышления, молитвы, актов самоотвержения и добродеяния. Отходит, когда внимание отклонится от предметов духовных, а за ним и сердце вкусит и усладится чем недуховным. Этим погашается духовная теплота, как водой огонь.

Хочешь хранить духовную сию в сердце теплоту? Будь вниманием внутрь и молитвенно предстой Богу в сердце, не допускай блуждания помыслов рассеивающих, не впускай в сердце сочувствий к чему-либо душевному и плотскому, пресекай тотчас порождения многозаботливости, храни живой воспринятую тобою ревность о богоугождении и о спасении души, в делах же внешних блюди разумный строй, направляй их все к главной твоей цели и, делая одно, не обременяй

мысли попечением о многом. Но, прибавлю: когда узнаешь сию теплоту, не можешь не усиливаться хранить ее; усиливаясь, станешь употреблять пригодные к тому средства; употребляя же их, увидишь, как тебе удобнее соблюсти свою теплоту. Если разумно возьмешься за сие дело, то теплота духовная сделается для тебя верной учительницей, как управляться со своим внутренним и как держать себя во внешних делах и во всем поведении своем, чтобы блюсти ее самую.

Сколь сладостно присутствие духовной теплоты в сердце, столь же горько, томительно и страшливо, когда она отойдет. Отходит она, как замечено, когда внимание и сердце отклонятся от духовного и обратятся к недуховному. Под этим разумеется не греховное что — ибо вкусивший духовной теплоты бывает уже на это неохоч, — но вся душевно-телесная область, суетная, земная, тварная. Как только уклонится к сему внимание, духовная теплота тотчас понижается; когда же и сердце к тому прильнет, она совсем отходит и оставляет холодность ко всему Божественному и Самому Богу, сопровождаясь и равнодушием ко всем духовным деланиям и занятиям, какие были держимы в видах хранения сей теплоты. Кто опомнится тотчас и поспешит поставить себя опять в свой обычный теплопроизводительный строй, теплота возвращается, скоро ли то или не так скоро. Но кто не обратит на то внимания и по рассеянности,

увлечению и самонадеянности позволит себе сознательно помедлить в этой охлаждающей атмосфере, и тем паче если и делом поскользнется удовлетворить свои воскресающие при сем недуховные вкусы, у того и самая ревность о жизни духовной пошатнется, а то и совсем замрет. Последнее есть преддверие падения в прежние обычные грехи, которые и не замедлят постигнуть беспечного. Но опомнившийся и отсюда удобно возвращается к духовному строю своему.

Так всегда происходит охлаждение; бывает же это по нашей вине, именно по ослаблению внимания и бдительности над собой: то по соблазнам окружающей труженика мирской среды, когда прелести мира, одуряющим образом воздействовав, похищают человека из себя самого, то по козням врага, ухищряющегося выманивать человека из себя вовне, в чем успевает он иногда, примешивая только к естественным движениям образов фантазии и свои, наипаче увлекательные, иногда воздействуя каким-то образом и на тело. Но какая бы причина ни была, действие охлаждения начинается выходом внимания изнутри, и установляется в своем дальнейшем течении прилеплением сердца к чему-либо, сначала пустому и суетному, потом страстному и греховному. И в нем всегда виноват сам человек. Ибо ни мир, ни диавол не насилуют свободы, а соблазняют только ее.

Бывает охлаждение и от благодати. Духовная теплота в истинном своем виде есть плод присутствия

в сердце благодати. Когда посещает благодать, на сердце тепло, а когда отходит — холодно. Отходит благодать и когда человек сам выходит вовне к недолжным вещам. И тогда отхождение сие и есть и называется наказательным. Но иной раз благодать сама отходит в видах споспешествования духовному преуспеянию рабов Божиих. И тогда отхождение сие есть и называется обучительным. Но следствие и в этом случае то же — охлаждение, чувство пустоты в сердце: ибо отошел гость и посетитель. Разность в сих охлаждениях та, что виновное охлаждение расслабляет самую ревность о духовной жизни; охлаждение вследствие обучительного отступления благодати наиболее распаляет ее, что бывает и одной из целей отступления благодати обучительного.

Благодать Божия сама, обучительно, отступает по следующим причинам: чтобы раздражить ревность, которая иной раз ослабляется от длительности пребывания в покое; чтобы повнимательнее осмотрелся человек и отстранил сочувствия и занятия, которые не прямо принадлежат к богоугодной жизни и не в Боге конец свой имеют; чтобы восстановить в большей силе сознание и чувство, что все доброе, бывающее в нас, есть плод благодати Божией; чтобы на будущее время больше ценили Божии даяния, ревностнее заботились о хранении их и глубже смиренствовали; чтобы искреннее предавали себя в руки

Промышления Божия, с совершеннейшим самоотвержением и самоуничижением; чтобы не прилеплялись к самым духовным утешениям и не разделяли таким образом сердца своего надвое, когда Бог хочет, чтобы оно все Ему единому принадлежало; чтобы и при действии благодати Божией не опускали рук, но неусыпно работали на пути Божием напрягая все силы свои, данные нам Богом именно для этого.

Таким образом, и когда охлаждение происходит от обучительного отступления благодати Божией, причиной тому служишь ты сам: ибо благодать Божия, хотя отступает сама, но отступает, смотря на тебя. Посему, когда почувствуешь в себе охлаждение к вещам и занятиям духовным и ко всему Божественному, войди в себя и рассмотри, по какой причине оно произошло, и если в этом твоя вина, поспеши ее устранить и изгладить, ревнуя не о возвращении духовных утешений, а паче об уничтожении в себе того, что окажется неподобающим и Богу неугодным. Если же не увидишь ничего такого, покорись воле Божией, сказав в себе: «Так судил Бог; буди воля Твоя, Господи, на мне немощном и ничего не стоющем». И затем терпи и жди, отнюдь не позволяя себе сколько-нибудь отступать от обычного порядка своей духовной жизни и духовных деланий и упражнений; побеждай напавшее безвкусие в них насильным себя к ним принуждением, не внимая отвлекаю-

щим от такого труда помыслам, будто такое занятие бесплодно; охотно испивай сию чашу горечи, говоря к Господу: «Виждь смирение мое и труд и не остави милости Твоей от меня», — и воодушевляй себя на то верой, что чашу сию поднесла тебе любовь Божия, желающая тебе бóльшего совершенства духовного.

Не на Фавор только охотно иди вослед Господа, но и на Голгофу, то есть не тогда только, когда чувствуешь внутри себя Божественный свет и духовные утешения и радости, но и когда нападают омрачения, скорби, туги и горечи, которые приходится иной раз вкушать душе от демонских искушений, внутренних и внешних. Пусть даже охлаждение это будет сопровождаемо таким омрачением и смущением, что ты не будешь знать, что тебе делать и куда обратиться, не бойся и при этом, но стой твердо в своем чине, держись на кресте сем благопокорно, далеко отревая от себя всякое земное утешение, которое вздумает предлагать мир или плоть, по наущениям врага. Старайся также скрывать сию немощь свою от всякого лица и не говори о ней никому, кроме духовного отца своего, не жалуясь, однако ж, на посланную тебе тяготу, а скорее ищи научения, как на будущее время избегать ее, а эту благодушно перенести пока Богу угодно будет держать тебя в ней.

Молитвы же твои, причащение и другие духовные упражнения продолжая совершать, как обычно,

совершай не для получения сладостей духовных, не для того, чтобы быть сняту с настоящего креста, но для того, чтобы дарована была тебе сила благодушно пребывать на нем во славу распеншегося за нас Христа Господа и всегда жить и действовать так, как сие Ему благоугодно. Если иной раз и не можешь ты в этом состоянии молиться и в благих пребывать помышлениях, как обычно бывало, по причине великого омрачения и смущения ума, делай все сие, как можешь, только без лености и поблажки себе. И то, чего не можешь ты явить в совершенстве делом, будет принято явленным в совершенстве по желанию твоему, исканию и усилию. Пребудь в сем желании, искании и усилии и увидишь дивные плоды того — воодушевление и силу, кои преисполнят душу твою.

Предложу тебе образчик того, как прилично тебе взывать к Богу во время такого омрачения ума твоего. Взывай: *Вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему:* (Ты) *спасение лица моего, и Бог мой* (Пс. 42, 5). *Вскую, Господи, отступил Ты далече от меня и презираеши меня, сущего в скорбех?* (Пс. 9, 22). *Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене* (Пс. 37, 22). Припомни молитву, какой, по вдохновению Божию, молилась Сарра, возлюбленная жена Товии, во время скорби своей, и ее употреби, живым взывая гласом: «Верно ведает всякий,

работающий Тебе, Господи, что жизнь сия, если будет под испытанием, увенчается, и если в скорби будет, избавление приимет и в самом истлении не прейдет по милости Твоей. Ты не радуешься о погибели нашей, но после бури и волн подаешь отишие и после плача и слез изливаешь радость. Буди имя Твое благословенно во веки, Боже Израилев!»

Приводи на память и Христа Господа, Который в саду Гефсиманском и на кресте, по причине безмерных страданий, чувствовал Себя оставленным от Отца Своего Небесного, и, чувствуя себя в настоящем твоем положении сущим на кресте, взывай от сердца Его словами: Твоя да будет, Господи, воля! Да будет, не якоже аз хочу, но якоже Ты (ср.: Мф. 26, 39)! Действуя так, сделаешь, что терпение твое и твоя молитва будут возноситься горé пред лицо Бога, как пламя жертвы сердца твоего. И ты засвидетельствуешь сим, что тебя преисполняет живая готовность воли с крепкой, как смерть, любовью следовать за Христом Господом с крестом на раменах по каждой стезе, по какой бы Он ни призывал тебя к Себе. Се истинная жизнь по Богу! Желать и искать Бога ради Бога, и иметь Его, и вкушать так и в такой мере, как и в какой Он того хочет. Если б люди вступали на путь жизни по Богу с таким настроением и твердостью его измеряли свои успехи в сем течении, а не приливами духовных сладостей и утешений, то они

не были бы так удобно прельщаемы ни сами по себе, ни по козням врага и не томились бы бесполезно, а иной раз до роптания, встречая сухости и охлаждения, а, напротив, с благодарностью принимали их и перетерпевали в уверенности, что поскольку так хочет Бог, то это случилось во благо им, и, не обращая на них внимания, с большей ревностью и с более самоотверженным себя насилованием продолжали идти путем богоугодной жизни по всем заведенным порядкам ее.

Случается иной раз, что, тогда как душа томится в таком охлаждении, таком безвкусии ко всему духовному, враг нападает сильнее, воздвигая дурные помыслы, срамные движения и прельстительные сновидения. Цель у него та, чтобы, вдавшись в нечаяние от чувства оставления Божия, человек опустил руки и склонился на что-либо страстное, ибо после сего ему уже легко увлечь его опять в водоворот греховной жизни. Зная сие, стой твердо. Пусть бушуют волны греховные окрест сердца; но пока есть у тебя нехотение греха и желание пребывать верным Богу, кораблик твой цел. Благодать Божия отняла у тебя свои утешения, но она близ есть, и назирает, и не оставит тебя без помощи, пока произволение твое стоит на стороне добра. Стой же твердо, воодушевляясь уверенностью, что буря эта скоро пройдет, а вместе с ней прекратится и сухость твоя. Верь, что

сие попущено тебе на добро тебе, ибо, перетерпев это время искушения, выйдешь из него с бóльшим узнанием своей немощи, с большим смирением и большей уверенностью во всегда готовой тебе помощи Божией. О подобных бурных нападениях вражеских я уже имел случай говорить тебе. Просмотри сказанное там.

Глава восьмая

О хранении и испытании совести

Всяким хранением храни, брате, совесть свою чистой и в мыслях, и в словах, и в делах, да будет она всегда безукоризненна и никогда да не осуждает и не грызет тебя ни за что. Если будешь так делать, она большую приобретет у тебя силу и во внутреннем твоем и во внешнем действовании и, став госпожой над всем, станет добре править твоей жизнью. Чистая совесть и жизнь твою сделает безукоризненной, ибо тогда она будет чутка и сильна на добро и против зла. Она — закон, Богом начертанный в сердцах людей, в освещение путей их и в руководство во всем достодолжном, как учит апостол Павел, называя ее *делом законным, написанным в сердцах* (Рим. 2, 15); основываясь на чем, святой Нил такой дает каждому урок: «Во всех делах своих, как светильником, пользуйся руководством совести».

В четырех отношениях должно тебе блюсти совесть свою безукоризненной: в отношении к Богу, к себе самому, к ближним и ко всем вещам, кои в руках у тебя.

Все это тебе ведомо; напомню, однако ж, тебе главнейшее. ***В отношении к Богу*** — пребывай в памяти Божией и ходи в присутствии Божием; сознавай себя носимым и хранимым силой Божией и ведо́мым к тому концу, для которого Он воззвал тебя к бытию; и себя и все свое посвящай на служение Богу и во славу имени Его; в Нем живи, на Него уповай и Ему предай участь свою, и временную, и вечную.

В отношении к себе самому — будь справедлив к себе и каждой части своего естества отдавай должное: ***дух*** твой, ищущий Бога, небесного и вечного, да властвует над душой и телом, которых назначение устроять временную жизнь; ***душа***, подчиняясь внушениям духа, выю ума да подклоняет богооткровенной истине и ею да освещает всю область своего веде́ния; волю да держит в порядках заповедей Божиих, не давая ей, в противность им, уклоняться к своим похотениям; сердце да учит находить вкус только в вещах Божественных и в том, что носит отпечатки и служит выражением Божественного, — и в сем духе да ведет свои дела и порядки житейские и общественные; ***телу*** давай нужное и, соблюдая в сем строгую мерность, имей законом — никогда ни в чем *не творить плоти угодия в похоти* (Рим. 13, 14). Храня сие, будешь добрым правителем себя самого и истинным себе благодетелем.

В отношении к ближним — чти всех, как образы Божии, сем благожелай и благодетельствуй по силе, пред всеми смиряйся и всем угождай в пределах добра, радуйся с радующимися и соскорби скорбящим, никого не осуждай и не уничижай, даже в мысли и чувстве, от ищущих у тебя совета и вразумления не скрывай истины, когда знаешь, сам же в учители никому не навязывайся, паче же всего блюди мир и согласие со всеми, с готовностью на всякие для того со своей стороны жертвы, и всевозможно избегай соблазнить кого.

В отношении к вещам — почтительно относись ко всем, как творениям Божиим, какие Бог дает тебе во владение, храни и употребляй во славу Божию, будь всякой мерой их доволен и благодари за них Бога, ни к чему не пристращайся и на все смотри как на способы и орудия внешние, чтобы свободно распоряжаться ими и не иметь в них связы [уз] и препон в добрых начинаниях своих, не допускай в себе почивания на них, как на хрупких опорах, не хвались своими, не завидуй чужим, не скупись и не будь расточителен не на доброе.

Всё сие исполнять каждодневно всякому приходится в том или другом виде, чуть не на каждом шагу. Если так ***добре*** будешь жить, ***добру*** будешь ***иметь и совесть***, подражая святому Павлу (см.: Евр. 13, 18).

Добре хотящие ***жити,*** ревнители о спасении все так и действуют, всячески стараясь ни в чем из того не погрешить и ничем не запятнать своей совести. При всем том, однако ж, то мысли и чувства, то слова, а то и дела неправые проскальзывают, иной раз незаметно, а то и заметно, и запыляют чистый лик совести, так что к концу дня, редкий не бывает похож на путника, шедшего по пыльной дороге, у которого всюду набивается пыль: и в глаза, и в нос, и в рот, и в волоса — и всё лицо покрывает. По сей причине и положено всякому ревнующему о спасении вечером испытывать свою совесть и, уяснив себе все неправости, допущенные днем в мыслях, словах и делах, очистить их покаянием, то есть делать то же, что делает запылившийся путник: путник умывается водой, а ревнующий о спасении очищает себя покаянием, сокрушением и слезами.

Испытание должно исследовать всё, доброе и недоброе, правое и неправое, по всем вышеозначенным сторонам. Что увидишь правым по существу дела, посмотри, право ли оно по побуждению и намерению, право ли по образу совершения, и право ли ты взглянул на то по совершении — не сделал ли ты то для показности, или из человекоугодия, или по самоугодию; к месту ли то, ко времени ли, к лицу ли; и после того не потрубил ли ты перед собой, и не помечтал ли о себе, не воздав славы Богу. Правое дело

право воистину, когда оно делается из покорности воле Божией и во славу Божию, с полным самоотвержением и самозабвением.

Что увидишь неправым, рассмотри, как случилось, что ты сделал то, когда держишь постоянно желание делать одно правое, какие были к тому поводы и причины внутренние и внешние, как бы тебе следовало править собой в данном случае, чтоб не погрешить, и почему ты этого не сделал, затем, осудив себя, а никого и ничего другого, разумно определи, как следует тебе держать себя, чтобы вперед не погрешить в таких же или подобных обстоятельствах, и предпиши то себе в закон с решимостью исполнять его без уклонения и поблажки себе или человекоугодию, пользуясь таким образом для удобрения нивы сердца своего и нечистотами.

Кончив испытание, за всё исправное возблагодари Бога, никакой не присвояя себе в том части, ибо воистину *Он есть действуяй в нас и еже хотети и еже деяти* (Флп. 2, 13), и без Него не можем мы творить ничего доброго (см.: Ин. 15, 5). Возблагодарив же Бога, забудь то, подражая святому Павлу, чтобы по его же примеру с бóльшим усердием *простираться в предняя* (Флп. 3, 13). Во всем же неисправном покайся и сокрушись пред Господом, оказывая себя, что на твоей трапезе предложения никогда не приносишь Ему совершенно чистых хлебов, а всё

с мякиной и сором, и твердое полагая намерение строго следить за собой в следующий день, чтобы ничего не прорывалось недолжного не только в делах и словах, но и в мыслях и чувствах.

Внимающие себе всё сие, то есть и испытание, и только что указанное заключительное его действие, совершают среди самого течения дел дня, так что вечером испытание совести бывает у них только повторением дневного, его исправлением и пополнением. И нельзя не согласиться, что такой образ действования лучше и естественнее. От совести не укроешь, что допущено недоброго; заметив же то, она тотчас и беспокоиться начинает. Не естественнее ли тотчас же и успокоить ее самоосуждением, сокрушением и определением вперед быть исправным, чем оставлять это до вечера?

Приложу тебе еще одно-другое указание на этот предмет.

Сколько можно строже разбирай дела свои, и углубляйся в производство их, и потом суд произноси над собою нещадный. Чем глубже будешь вникать во все бывающее в тебе и от тебя и неправое устранять, а в правом утверждаться, тем скорее очистится совесть твоя: подобно [тому], как чем глубже роются, ископывая колодезь, тем чище бывает в нем вода.

Совесть, узнав правое и неправое, не престанет уже требовать действования сообразно с первым и преследовать судом и угрызением за допущение

второго. Но пока она дойдет до полного ве́дения о том и другом или пока стяжет *чувствия обучена в разсуждении добра же и зла* (Евр. 5, 14) и станет таким образом в себе самой иметь очи видети, — она состоит в некоторой зависимости с сей стороны от других душевных сил, и особенно рассуждения. Рассуждение же, пока сердце не очистится от страстей, нередко бывает подкупаемо последними, и обставляет дела многими извинениями, которые, отуманивая око совести, вводят ее в заблуждение, и она признает иной раз черное белым. Посему, пока ты состоишь еще в борьбе со страстями, ставь при испытании себя дела свои пред зерцалом слова Божия и им руководствуйся при определении их качества и достоинства и при этом не стыдись и не ленись учащать к духовному отцу своему.

Начинай и оканчивай обсуждение дел своих усердной молитвой, да даст тебе Господь очи увидеть сокровенности сердца своего, ибо *глубоко сердце (человеку) паче всех, и кто познает его* (Иер. 17, 9)? Никто как *Бог*, Который *болий есть сердца нашего и весть вся* (1 Ин. 3, 20), *Един весть сердца всех сынов человеческих* (ср.: 3 Цар. 8, 39). Есть глубоко в сердце кроющиеся неправые чувства, которые, иной раз мельком проскользая в дела, а иной раз и не быв замечены, обдают их вонею греховною. Вот и молись с пророком Давидом: *от тайных моих очисти мя* (Пс. 18, 13).

Глава девятая

О приготовлении к брани с врагами в час смертный

Хотя вся жизнь наша на земле есть непрестанная брань и нам предлежит вести ее до самого конца, но главнейшая и решительнейшая брань ожидает нас в час смерти. И кто падает в сей момент, тому уже не встать. И не дивись сему. Ибо если враг дерзал приступать к безгрешному Господу в конце земных дней Его, как сказал Сам Господь: *грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30), то что может удержать его от нападения на нас, грешных, в конце нашей жизни? И святой Василий Великий говорит в толковании 7-го псалма на слова: *да не когда похитит, яко лев душу мою, не сущу избавляющу, ниже спасающу* (Пс. 7, 3), что самые неутомимые борцы, всю жизнь неопустительно боровшиеся с демонами, и избегшие их сетей, и устоявшие против нападений их, в конце жизни подвергаются князем века сего осмотру, не окажется ли в них чего-либо грешного; и те, у которых найдутся раны

или пятна и отпечатки греха, удерживаются ими в своей власти, а те, у которых не найдется ничего такого, минуют его свободно и упокоеваются со Христом.

Если так есть дело, то нельзя не поиметь сего в виду и наперед не готовиться встретить час тот, чтобы благоуспешно прейти его. Приготовлением к тому должна служить вся жизнь. Ты окажешься добре приготовленным к тому часу, если в продолжение всей данной тебе временной жизни будешь мужественно бороться с врагами своего спасения. Приобретши во время жизни добрый навык добре побеждать врагов, ты и в час смерти легко стяжешь венец победы.

Также чаще помышляй со вниманием о смерти, приводя на мысль всё, имеющее тогда случиться. Если будешь так поступать, то час тот не неожиданно застанет тебя; почему не устрашит тебя или не сильно устрашит, и душа твоя, не расслабляемая страхом, окажется более крепкой и сильной к подъятию брани и преодолению врага. Мирские люди бегают помышления и воспоминания о смерти, чтобы не пресекать своих чувственных утех и наслаждений, которые не совместимы с памятью смертной. От этого у них все более и более растет и крепнет привязанность к благам мира, не встречая ничего, попеpечащего ей. Зато, когда придет время разлучиться

с жизнью и со всеми любимыми вещами и утехами, они непомерно мятутся, мучатся и ужасаются.

Чтобы такое помышление о смерти принесло весь свой плод, надлежит тебе при сем, поставляя себя мысленно в состояние умирающего, в теснотах и томлениях предсмертных, представлять живо и могущие напасть на тебя тогда искушения вражеские с воспроизведением вместе и тех мыслей и чувств, какие сильны отразить их. Какие именно возможны тогда вражеские нападения и как отразить их, я изложу тебе вслед за сим, чтобы ты, пока жив, навык мысленному в них упражнению, а когда придет час смерти, употребил их и делом. Ибо ту брань и тот бой, который имеет быть только однажды, надо уметь и навыкнуть хорошо принять и поднять тому, кому неизбежно встретить их, чтоб не сделать ошибки и не потерпеть потери, каких уже поправить нельзя.

Глава десятая

О четырех бывающих в час смерти искушениях вражеских. Первое искушение – против веры, и о способе преодоления его

Четыре главных и опаснейших искушения, каковым в час смерти обыкновенно подвергают нас враги наши — демоны: 1) колебания веры; 2) отчаяние; 3) тщеславие; 4) разные образы, в какие облекаются демоны и какие представляют отходящим.

Что касается до первого, то, когда злокозненный враг начнет всевать в тебя помыслы неверия или, явясь видимо, заговорит против веры, ты, не входя с ним в спор, сам в себе восставь веру в то, на что он нападает, и скажи ему со святым негодованием: «Отойди прочь с глаз моих, сатана, отец лжи. Я и слушать тебя не хочу; от всей души всегда веровал и верую во всё, во что верует мать моя, Святая Церковь. И этого для меня довлеет». И отнюдь не допускай помыслов неверия и стой твердо, по слову Писания: *аще дух владеющаго взыдет на тя, места твоего не остави* (Еккл. 10, 4). Сознай живее и держись сего сознания, что тут одна козньдиавола,

покушающегося смутить тебя в последний твой час. Если не сможешь твердо стоять умом, стой бодренно желанием и чувством, не позволяй им преклониться к внушаемому, хотя бы оно прикрываемо было изречениями Писания, приводимыми душегубцем-врагом, ибо что бы из Писания ни напоминал он тебе, все то на пагубу тебе направляется посредством кривого толкования и извращения истины словес Божиих.

Если змий сей злокозненный спросит тебя: «А чему учит Церковь?» — не отвечай и внимания не обращай на слова его, презирая его, но ведая, что он есть одна ложь и лукавство и что начал говорить с тобой, чтоб поймать тебя на словах, погрузись в созерцание веры в верующем сердце своем. Впрочем, если чувствуешь себя крепким в вере и сильным в помысле и желаешь посрамить врага, ответь ему, что Святая Церковь верует тому, что единая есть истина. Если он опять спросит: «Какая же это истина?» — скажи ему: «Та, в которую она верует, именно: что Христос Господь крестом поразил тебя во главу и сокрушил власть твою». И затем прилепись взором ума своего к созерцанию распеншегося за нас Господа и помолись Ему: «Боже мой, Творче и Избавителю! Ускори на помощь мне и не дай мне поколебаться, даже малейше, в истине святой веры Твоей, но благоволи, чтобы я, как родился по благости Твоей в истине сей, так, в ней же пребывая, кончил и жизнь мою смертную во славу имени Твоего».

Глава одиннадцатая

Второе искушение в час смерти – отчаянием

Второе искушение в час смерти, которым враг покушается поразить нас вконец, есть страх при воспоминании множества грехов наших. Страха сего миновать нельзя, но он умеряется верой в искупление грехов наших крестной смертью Христа Спасителя. Враг же, помрачая сию веру, страх за грехи раздувает до того, что он подавляет всякую надежду спасения и поражает безнадежием и отчаянием. Посему, брате мой, наперед готовься к отражению сего нападения и отселе еще замышляй, приближаясь к вратам смерти, крепче держать победное наше знамение — Крест Христов, то есть водруженной в сердце иметь крепкую веру в искупительную силу крестной смерти Господа. Когда же, самым делом вступая в сии врата, ощутишь нападки нечаяния, прежде всего поспеши сознать, что они суть действия вражеские, а не естественные порождения воспоминаний своих грехов. Такому воспоминанию свойственно порождать смирение, сокрушение и скорбь сердечную

об оскорблении Бога праведного, но и всемилостивого; посему оно, хотя поражает страхом, но таким, который не погашает надежды на милость Божию и, будучи ею растворяем, дает место дерзновенному упованию спасения, отражая всякое чувство отверженности. Ведая сие, ты не можешь не признать, что коль скоро воспоминание грехов подавляет тебя и ввергает в отчаяние, погашая всякую надежду спасения и поражая страхом отверженности, то все это есть наваждение диавольское. Сознав же это, тебе уже не трудно будет паче упования возуповать, что и разгонит всякое нечаяние.

Упование паче упования погружает в созерцание милосердия Божия, в бездну коего восчувствовавший его и повергает презельное множество грехов своих, утверждаясь на крепком убеждении, что Бог спасения нашего хочет и ищет, а не пагубы. Крепиться же сие убеждение может и всегда, а наипаче тогда только на беспредельной силе крестной смерти Господа Спасителя. Посему как всегда надлежит нам укрываться под сень креста, так тем паче тогда. И вот какой молитвой прилично тебе, вступая во врата смерти, возмолиться к Господу Богу твоему: «Господи! множество имею я причин опасаться, чтобы Ты не осудил меня и не отверг за грехи мои по правде Твоей, но еще большее имею дерзновение надеяться на помилование по беспредельному милосердию

Твоему, во Христе Иисусе, Искупителе нашем и Спасителе. Посему умоляю безмерную Твою благость, пощади меня, бедную тварь, осуждаемую грехами своими, но омываемую бесценной Кровью Сына Твоего и Бога нашего, да воспрославлю Тебя во веки. Всего себя предаю в руки Твои, сотвори со мной по милости Твоей. Ты — единый Владыка жизни моей».

Глава двенадцатая

Третье искушение в час смерти – тщеславием

Третье искушение в час смерти бывает искушение тщеславием и самоценением, внушающими уповать на себя самого и дела свои. Посему как всегда, так наипаче в час смерти отнюдь не допускай вниманию своему останавливаться на себе и своем и вдаваться в довольство собой и делами своими, хотя бы ты преуспевал в добродетелях паче всех святых. Но довольство твое все да будет в Боге и уповай всецело на одно милосердие Его и страдания Господа Спасителя, да спасешься, всячески уничижая себя пред очами своими до последнего издыхания своего. И если случится, что тебе придет на ум какое-либо твое доброе дело, помышляй, что это Бог совершил его в тебе и тобой, а не ты, и что оно от Него единого произошло.

Прибегай под кров милосердия Божия; однако ж не позволяй себе чаять его, как какого воздаяния тебе за многие и великие брани, выдержанные тобой,

и победы, одержанные в них. Стой всегда в спасительном страхе, исповедуя искренне, что все твои ρвения, усилия и подвиги были бы тщетны и бесплодны, если б Бог не взял их под крыле благоволения Своего, не посодействовал им и не действовал в них. На сие милостивое благоволение Божие и теперь возложи все упование свое.

Если последуешь этим советам моим, то, будь уверен, враги твои в час смерти никакого не будут иметь успеха в нападениях своих на тебя. И откроется тебе свободный путь, коим с радостью прейдешь ты из юдоли земной в Небесный Иерусалим, вожделенное отечество твое.

Глава тринадцатая

Четвертое искушение в час смерти – призраками

Если б враг наш, злой, лукавый и упорный, никогда не утомляющийся искушать нас, восхотел в час смерти тебя и соблазнить какими-либо призраками, видениями и преображениями в ангела светла, ты стой твердо в сознании своей скудости и своего во всем ничтожества. И скажи ему с сердцем мужественным и небоязненным: «Возвратись, окаянный, во тьму свою. Как недостойному, мне не подобают видения и откровения. Одно мне нужно — безмерное благоутробие Господа моего Иисуса Христа, молитвы и заступления Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых». Хотя бы по некоторым явным признакам подумалось тебе, что видишь истинные видения, Богом тебе данные, и в таком случае не спеши верить им, а скорее погрузись в сознание своего недостоинства и ничтожества. Не бойся, что оскорбишь тем Бога, потому что Ему никогда не бывают неприятны наши смиренные чувства.

Если такие видения нужны для тебя, то Бог знает, как сделать, чтобы ты не закрывал от них очей своих, обезвинив твою косность в веровании, что они от Бога. Подающий благодать смиренным не отнимет ее за действия, какие они творят по смирению.

Таковы наиболее употребительные оружия, какими враг нападает на нас в последний час смертный. Но он употребляет на это и всякую другую страсть, какой кто из умирающих обладаем был в жизни и на какую наиболее был падок, и старается возбудить ее, чтобы он отошел в страстном настроении, имеющем решить и участь его. Посему-то, прежде приближения часа брани оной великой, надлежит нам, возлюбленные, вооружиться против сильнейших страстей своих и, мужественно вступив в брань с ними, преодолеть их и очиститься от них, чтобы облегчить себе победу и тогда, в час твой последний, который может найти в каждое мгновение. Всякому в сем отношении говорит Господь: *воюй их, дондеже скончаеши их* (1 Цар. 15, 18).

Глава четырнадцатая

О духовном мире сердца

Сердце твое, возлюбленный, создано Богом для того одного, чтобы оно любило Его единого и служило Ему обителью. Посему Он взывает к тебе, чтобы ты предал Ему свое сердце, говоря: *сыне, даждь Ми сердце* (ср.: Притч. 23, 26). Но как Бог есть мир, превосходящий всякий ум, то всячески необходимо, чтоб сердце, хотящее приять Его в себя, было мирно и свободно от всякого смятения; ибо только *в мире место Его*, как поет святой Давид (Пс. 75, 3). Попекись же паче всего установить и утвердить сердце свое в мирном устроении; так, чтобы все твои добродетели, все делания и подвиги были направлены к стяжанию сего мира, наипаче же твои доблестные дела борьбы с врагами твоего спасения, как сказал великий безмолвник Арсений: «Все твое попечение обрати на то, чтоб внутреннее твое устроение было по Богу, и победишь внешние страсти».

Мир сердца возмущают страсти; не допускай страстей до сердца, и оно всегда будет мирно. Борец

в невидимой брани стоит во всеоружии у врат сердца и отражает покушающихся войти в него и возмутить его. И пока мирно сердце, победа над нападающими не затруднительна. Мир сердца — и цель брани духовной, и самое мощное средство для одержания победы в ней. Посему, когда страстное смятение прокрадется в сердце, не бросайся на страсть, чтоб побороть ее, а сойди поскорее в сердце и напрягись умирить его. Как только умирится сердце — и борьбе конец.

Жизнь человека не что иное есть, как непрерывная брань и непрестанное искушение, как сказал Иов: *не искушение ли житие человеку на земли* (Иов. 7, 1)? Искушение вызывает борьбу — и вот брань. По причине сей-то брани должно тебе всегда бодрствовать и всяким хранением блюсти сердце свое и надзирать над ним, чтобы оно было мирно и упокоенно. Когда подымется в душе твоей какое-либо смутительное движение, восстань с ревностью на подавление его и умиротворение сердца, чтобы не уклониться тебе с правой стези, под действием сего смятения. Ибо сердце человеческое похоже на гирю часовую и на руль корабельный. Облегчи или утяжели гирю — тотчас изменится движение всех колес часовых и стрелки часов перестанут быть верными указателями времени. Подвинь направо или налево руль, тотчас изменится движение корабля, и

он сойдет с того направления, которого держался прежде. Так, когда сердце приходит в смятение, все внутреннее наше приходит в беспорядочное движение и самый ум теряет правость умствования своего. Вот почему необходимо поскорее умирять сердце, как только оно смутится чем-либо внутренним или внешним во время ли молитвы или во всякое другое время.

И ведай, что тогда только будешь ты уметь хорошо молиться, когда научишься добре действовать в подвиге сохранения внутреннего мира своего. Сюда и направляй свое внимание, обдумывай, как достигнуть, чтобы всякое дело твое делалось в мире сердца, с удовольствием и радостью. Кратко скажу, что непрестанным подвигом всей жизни твоей должно быть хранение мира сердца твоего, не допуская его приходить в какое-либо беспорядочное смятение и все дела свои делая под сению сего мира, тихонравно, как написано: *чадо, в кротости* (тихости) *дела твоя препровождай* (Сир. 3, 17), да сподобишься обещаемого тихонравным блаженства: *блажени кротцыи: яко тии наследят землю* (Мф. 5, 5).

Глава пятнадцатая

О способах к хранению мира внутреннего

Для сохранения внутреннего мира:

1) Прежде всего держи в порядке свои внешние чувства и бегай вольности во внешнем своем поведении, именно: не смотри, не говори, не махай руками, не шагай и ничего другого не делай как-нибудь смятенно, но всегда благочинно и тихо. Привыкши держать себя с благочинной тихостью во внешних своих движениях и делах, легко и без труда достигнешь того, чтобы мирствовать в себе самом, в своем сердце, ибо, по свидетельству отцов, внутренний человек настроение свое приемлет от внешнего.

2) Расположись любить всех людей и со всеми жить в согласии, как заповедует святой Павел: *Аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте* (Рим. 12, 18).

3) Храни совесть свою незапятнанной, чтобы она ни в чем не обличала тебя и ни за что не грызла, но была мирна и в отношении к Богу, и в отношении

к тебе самому, и в отношении к ближним, и в отношении ко всем внешним вещам. Такое хранение совести и рождает, и углубляет, и множит мир внутренний, как уверяет святой Давид: *Мир многлюбящим закон Твой, и несть им соблазна* (Пс. 118, 165).

4) Навыкай без смущения сносить всякие неприятности и оскорбления. То правда, что прежде чем приобретешь такой навык, много придется тебе помучиться и пострадать сердцем, по неопытности в управлении себя в таких случаях; зато, когда приобретешь его, душа твоя начнет почерпать великое утешение из самых встречающихся неприятностей. При решимости день ото дня все лучше и лучше будешь ты управляться с собой, и скоро дойдешь до того, что будешь уметь в мире хранить дух свой, при всех бурностях совне и внутри.

Если случится иной раз, что ты не сможешь управиться с сердцем своим и, отогнав тугу и скорбь, водворить мир в нем, прибегни к молитве и поприлежи ей, подражая Господу Спасителю, Который в саду Гефсиманском три раза помолился, чтобы дать тебе пример, что во всякой скорби и туге сердечной прибежищем должно иметь тебе молитву и что, как бы ты ни был опечален и омалодушен, не следует тебе отступать от нее, пока не дойдешь до того, что воля твоя совершенно согласится с волей Божией, и сердце твое, умиротворившись тем, исполнится

мужественного дерзновения с радостью встретить, принять и перенести то, чего пред сим страшилось и желало избегнуть, как и Господь ужасался, тужил и прискорбен был, по молитве же, умиротворившись, спокойно сказал: *востаните, идем: се приближися предаяй Мя* (Мф. 26, 46).

Глава шестнадцатая

Мало-помалу установляется мир в сердце

Имей постоянную заботу о том, чтобы не допускать сердца своего до смущения и тревог, но всячески напрягайся держать его в мирном и покойном настроении. И Бог, видя, как ты о сем трудишься и подвизаешься, благодатью Своей устроит в душе твоей град мира, и сердце твое сделается тогда домом утешения, как это иносказательно разумеется в следующем изречении псаломском: *Иерусалим, зиждемый яко град* (Пс. 121, 3). Того только желает от тебя Бог, чтоб ты всякий раз, как случится тебе встревожиться чем, тотчас восстановлял в себе мир и мирствовал таким образом во всех делах своих и занятиях. Ведай, что имеешь для сего потребу в терпении. Ибо как не в один день устрояется город, так не думай в один день стяжать и внутренний мир. Ибо и это не что иное есть, как устроение дома для Бога мира и скинии для Всевышнего, да будешь храмом для Него. Ведай также, что Сам Бог есть и устроитель в тебе сего дома и без Него тщетен будет

всякий о сем труд твой, как написано: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущий* (Пс. 126, 1). Ведай и еще, что главное основание сего сердечного мира есть смирение и то, чтобы избегать дел, занятий и начинаний тревожных и хлопотливых. Что касается до первого, то кому не известно, что смирение, мир сердечный и кротость так тесно соединены между собой, что где есть одно, там есть и другое; кто тих сердцем и кроток, тот и смирен, и, наоборот, кто смирен сердцем, тот кроток и мирен. Почему и Господь поставил их в неразрывном союзе, когда сказал: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Относительно же второго видим прообраз в древней истории, именно в том, что Бог хотел, чтобы дом для Него построил не Давид, которому всю почти жизнь пришлось вести брани и быть в тревогах, а сын его Соломон, который, по имени своему, был царем мирным и ни с кем не вел браней.

Глава семнадцатая

Для мира сердца надо убегать почестей и любить смирение и нищету

Итак, брате мой, если любишь мир сердца, потщись внити в него дверью смирения; другого входа в него, кроме смирения, нет. Для стяжания же смирения понудь себя и напрягись принять в любительные объятия свои всякие неудовольствия и прискорбности, как сестер родных, и всячески убегать славы и почестей, желая паче быть от всякого уничижаемым и незнаемым и ни от кого не получать попечения и утешения, кроме единого Бога. Утверди в сердце своем, убедясь в благотворности его, такой помысл, что Бог есть единое благо твое и единое убежище, а все другие вещи суть для тебя терния, которые, если вложишь их в сердце свое, причинят тебе вред смертоносный. Если же случится тебе потерпеть от кого посрамление, не печалься о том, но перенеси то с радостью, держа уверенность, что тогда Бог с тобой. И не желай другой чести и не ищи ничего другого, как страдать за любовь к Богу и за то, что служит к наибольшей для Него славе.

Понудь себя и понасиль радоваться, когда кто скажет тебе оскорбительное слово, или осудит тебя, или презрение тебе покажет. Потому что под таким поношением и бесчестием сокрыто великое сокровище, и если ты благоохотно примешь их, то скоро очень окажешься богатым духовно, о чем знать не будет даже и тот, кто сделает тебе такое благодеяние, то есть тот, кто нанесет тебе бесчестие. Не ищи никогда, чтобы тебя любил кто в этой жизни и почитал тебя, чтобы тебе свободнее было спострадать Христу распятому, ни от кого и ни от чего не встречая в том препятствия. Берегись себя самого, как злейшего какого врага своего, и не следуй воле своей, ни уму своему, ни своему вкусу и чувству, если не хочешь потеряться. Потому держи всегда наготове оружия против себя самого, и когда хотение твое склонится на что-нибудь, хотя бы святое, положи его одно, обнаженное от всего стороннего, пред Богом твоим с глубочайшим смирением, умоляя Его, да будет в этом Его, а не твоя воля; и сделай это с искренне сердечным преданием себя в волю Божию, без всякой примеси самолюбия, зная, что сам в себе ты ничего не имеешь и сам по себе ничего сделать не можешь в деле твоего спасения.

Блюди себя от помыслов, которые представляются святыми и разжигают неразумную по ним ревность, о которых иносказательно говорит Господь:

Внемлите от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их (Мф. 7, 15–16). Плод же есть томление и крушение духа. Ведай, что все, что удаляет тебя от смирения и от внутреннего мира и спокойствия, под каким бы то красным видом ни представлялось, всё это — лживые пророки, которые, прикрываясь овчей одеждой, то есть лицемерной ревностью облагодетельствовать ближнего безразборно, суть воистину волки хищные, похищающие у тебя смирение, мир и спокойствие, столь необходимые для всякого, кто желает прочно успевать в духовной жизни. И чем более какое дело по видимости представляется окрашенным святостью, тем строжайшему должно оно быть подвергнуто тобой исследованию, без задора, однако ж, и тревожности. Если случится иной раз впасть при этом в ошибку, не поддавайся малодушию, но смирись пред Богом и, сознав немощь свою, возьми из сего урок на будущее время. Ибо, может быть, Бог попустил это, чтобы смирить в тебе какую-либо черту гордыни, сокрытой в тебе и тебе самому неведомой.

Когда почувствуешь, что душа твоя уязвляется каким-либо остном [шипом] ядовитого терния, то есть страстью или помыслом страстным, не мятись от этого, но усугубь внимание и напрягись не допустить их до сердца, став против них лицом с сопротивлением

им и сердце держа за собой недосязаемым для них и чистым пред Богом, Которого таким образом ты всегда будешь иметь сущим внутри себя, в глубине твоего сердца, ради чистоты настроения его. В то же время осеняй свое внутреннее убеждением, что всё, бывающее с тобой и в тебе, бывает для испытания тебя и обучения, чтобы ты научился наконец верно распознавать, что спасительно для тебя, и, следуя тому, сподобился получить венец правды, уготованный тебе благостью Божией.

Глава восемнадцатая

Необходимо душе пребывать уединенной в себе, чтобы Бог осенил ее миром Своим

Так как Бог богов и Господь господ для того благоволил создать душу твою, да будет она обиталищем и храмом собственно для Него Самого, то тебе надлежит иметь ее в большом почете и не допускать ее унижаться склонением на что-нибудь низшее ее. Всё желание твое и чаяние да будет всегда обращено к сему невидимому посещению Божию. Но ведай, что Бог не посетит души твоей, если не найдет ее уединенной в себе самой. Бог хочет, чтобы она была уединенна в себе, то есть была без всяких помыслов, сколько может, без всяких пожеланий, наипаче же без собственной своей воли. В последнем отношении не следует тебе самому по себе, без рассуждения, принимать какие-либо строгие подвиги и лишения произвольные или искать поводов как-нибудь пострадать по любви к Богу, следуя одному внушению собственной воли. На это должно тебе иметь совет духовного отца твоего, который руководит тебя как

наместник Божий. Его и во всем слушай, и Бог посредством его действительно направит волю твою на то, что Сам хочет и находит благотворным для тебя. Никогда ничего не делай по одной воле своей, но да делает в тебе Сам Бог одно то, чего желает от тебя. Хотение твое да стоит всегда свободно от тебя самого, то есть сам собой не желай ты ничего, и если пожелаешь чего, да будет хотение твое таково, чтобы, будет ли то, чего хочешь, или нет, или даже будет противоположное тому, нисколько не скорбеть о том, но быть покойному духом, как бы ты ничего и совсем не хотел.

Такое настроение и есть истинная свобода сердца и уединенность, когда то есть оно не бывает вяжемо ни умом, ни волей в отношении к чему-либо. Если таким образом представишь ты Богу душу свою столь упраздненной, свободной и единичной в себе, то увидишь, какие дивные действия возблаговолит Он произвести в ней; главное же, Он осенит тебя Божественным миром, который есть дар, имеющий соделаться в тебе вместилищем всех других даров, как говорит великий Григорий Солунский (в «Слове к монахине Ксении». Греческое «Добротолюбие». С. 944). О дивная объединенность, сокровенная сокровищница Всевышнего, в которой одной благоволит Он слушать обращаемые к Нему беседы твои и Сам беседовать к сердцу души твоей! О пу-

стынь и уединилище, в коем созиждился рай! Ибо в нем одном дает Бог доступ видеть Его и беседовать к Нему. *Мимошед увижду видение великое сие* (купину) (Исх. 3, 3), — говорит Моисей в чувственной, умными, однако ж, созерцаниями богатой, пустыне Синайской. Но если и ты желаешь сподобиться того же, необувенными вступи ногами на место сие, ибо земля сия свята. Обнажи прежде ноги твои, то есть расположение души твоей, и да будут они обнажены и свободны от всякой земной вещи. Не бери ни сумы, ни жезла в путь сей, как заповедовал Господь ученикам Своим (см.: Лк. 10, 4). Тебе не следует уже желать ничего от мира сего, и никого не приветствуй на сем пути, как повелевал отроку своему Елисей и Господь заповедовал ученикам Своим, — весь свой помысл, всё расположение и всю любовь обращая к единому Богу, а не к тварям каким. *Остави мертвых погребсти своя мертвецы* (Мф. 8, 22); ты же теки один землей живых, и смерть да не имеет в тебе части.

Глава девятнадцатая

О благоразумии в делах любви к ближним для мира душевного

Господь сказал в Евангелии, что Он пришел воврещи огонь любви на землю сердца нашего и что Ему очень желательно, чтоб огонь сей скорее возгорелся (см.: Лк. 12, 49). Любовь к Богу не имеет меры, как любимый Бог — предела и ограничения. Но любовь к ближним должна иметь свой предел и ограничение. Если ты не будешь держать ее в подобающих ограничениях, то она может удалить тебя от любви к Богу, причинить тебе большой вред, ввергнуть тебя в пагубу. Воистину должен ты любить ближнего, но так, чтобы чрез то не причинить вреда душе своей. Делай все дела свои просто и свято, не имея в виду ничего другого, кроме одного благоугождения Богу, и это охранит тебя в делах любви к ближним от всяких неверных шагов.

В делах сих самое важное есть способствование спасению ближних. Но тут нередко вторгается ревность не по разуму, которая ничего не приносит,

кроме вреда и ближним и себе. Показывай пример искренней веры и богоугодной жизни, и будешь подобно Апостолам благоуханием Христовым, всех привлекающим к последованию Ему. Но не докучай всем словом своим без разбора: этим только мир расстроишь и с другими и сам в себе. Имей ревность горячую и желание сильное, чтобы все познали истину в таком совершенстве, как ты ее содержишь, до опьянения вином сим, которое Бог обетовал и всем ныне подает без цены (см.: Ис. 55, 1), — такую жажду спасения ближнего имей всегда, но надлежит, чтобы она исходила от любви к Богу, а не от неразумной ревности. Бог Сам насадит такую любовь к братьям в душе твоей по отрешении ее от всего и в свое время придет собрать плод от сего. Сам по себе не сей ничего, но предноси Богу землю сердца твоего, чистую от всяких терний и волчцов, и Он посеет на ней семя, как и какое хочет. Сие то семя и принесет плод в свое время.

Помни всегда, что Бог хочет видеть душу твою отрешенной от всего, чтобы соединить ее с Собой. Оставь Его действовать в тебе и не препятствуй Ему вмешательством твоей воли. Сиди без всякого о себе замысла, кроме одного — всегда благоугождать Богу покорностью Его воле. Се уже исшел Домовладыка и ищет делателей в виноградник Свой, по евангельской притче. Отложи всякое попечение и всякий

помысл, обнажись от всякой о себе заботы и от всякого пристрастия к чему-либо временному, и Бог оденет тебя Собой Самим и подаст тебе то, о чем ты и подумать не можешь. Забудь, сколько можешь, совсем о себе, и да живет в душе твоей одна любовь к Богу.

При этом надлежит тебе осмотрительно умерять горячность ревности о других, да сохранит тебя Господь в мире и покое душевном. Смотри, не потерпела бы душа твоя ущерба в своем главном благе, в мире сердца, от неразумных забот о пользе других. То, откуда можешь ты почерпать обогащение сим благом, есть полная покорность души твоей Богу, с отрешением от всего. И это делай не по чаянию воздаяния тебе: и совсем не держи никогда в мысли, что ты делаешь что, достойное того. Бог есть действуяй во всем, и от тебя не желает Он ничего, кроме того, чтобы ты смирялся пред Ним и Ему предавал душу свою свободной от всего земного, держа во глубине сердца одно желание: да исполняется на тебе во всем и чрез всё воля Божия.

Глава двадцатая

Душе, обнажась от своей воли, надлежит предавать себя Богу

Уповай, брате, на Бога, Который призывает всех, говоря: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), и иди вслед сего призывного гласа, чая вместе с тем пришествия Святого Духа. С закрытыми очами повергнись в море Божественного промышления и благоволения, да носят тебя, как бездушную вещь, сильные волны воли Божией, без всякого тому сопротивления воли твоей, чтобы таким образом скорее принесену тебе быть в пристань спасения и совершенства христианского. Делая же сие многократно в день, всячески старайся, сколько можно более, уединяться как внутренне, так и внешне, чтобы всеми силами души предаться таким деланиям, которые особенно сильны воздвигать крепкую любовь к Богу, каковы: молитва, непрестанное призывание сладчайшего имени Господа Спасителя, проливаемые из любви к Нему слезы, теплое и обрадывающее пред Ним благоговеинство,

и другие духовные делания. Делания же сии да совершаются у тебя без принуждения и насилования сердца, чтобы не изнемочь тебе от неразумного утомления себя нудительными упражнениями, не ожестеть от того и не сделаться неспособным к принятию воздействий благодати. Запасись на это дело советами опытных и, совершая его, ищи навыкнуть тому, чтобы пребывать всегда в созерцании святости Божией и неисчетных Его благодеяний, и со смирением принимай сладчайшие капли, какие уканут в душу твою от Его неизреченной благости.

О таких, впрочем, проявлениях Божия к тебе благоволения не докучай Богу, но смиренно стой во внутреннем своем уединилище, ожидая, да исполнится на тебе воля Божия. И когда Бог подаст тебе их без собственного твоего себя преутруждения, тогда испытаешь, как они сладостны и доброплодны. Ключ, коим отверзаются таинственные сокровищницы духовных даров ве́дения и Божественной любви, есть смирение, самоотвержение и предание себя Богу во всякое время и во всяком деле. Этим же ключом заключается и дверь неведения и холодности духовной.

Люби, сколько можешь, молча стоять с Марией у ног Христа Господа и внимай тому, что будет говорить Он душе твоей. Смотри, чтоб враги твои, из которых самый большой ты сам, не помешали сему

святому твоему в молчании предстоянию Господу. Когда ищешь умом своим обрести Бога, да почиешь в Нем, не назначай Ему мест и пределов своею немощной и узкой фантазией. Ибо Он беспределен и есть везде и во всем, лучше же — всё есть в Нем. Ты найдешь Его внутри себя, в душе своей, всякий раз, как истинно взыщешь Его. Богу Самому желательно быть с нами, сынами человеческими, чтобы соделывать нас достойными Себя, хотя не имеет в нас никакой нужды.

Когда читаешь Божественные Писания, не то имей в виду, чтобы только прочитывать лист за листом, но с размышлением вникай в каждое слово, и когда какие слова заставят тебя углубиться в себя, или произведут движение сокрушения, или радостью духовной и любовью исполнят сердце твое, остановись на них. Это Бог приближается к тебе; смиренно приими Его отверстым сердцем, так как Он Сам хочет, да приобщишься Его. Если ради сего придется тебе оставить неисполненным, что положено было для сего духовного упражнения (то есть чтения), не беспокойся о сем. Ибо цель всех духовных упражнений, как и сего, есть сподобиться вкушения Бога, и, когда оно дано, нечего останавливаться на средствах к нему. Равным образом и когда размышляешь о каком божественном предмете, особенно о какой-либо части страданий Христа Господа, на том, от

чего придешь в умиление, остановись и подольше займи тем внимание свое, чтоб продлилось и чувство то святое.

Одно из больших препятствий к сохранению внутреннего мира есть, брате мой, связание себя, как непреложным законом, определением прочитывать в день столько-то кафизм из Псалтири, столько-то глав из Евангелий и Посланий апостольских. Положившие себе это за правило обыкновенно спешат все прочитать, не заботясь о том, приходит ли сердце в умиление от прочитываемого и в уме порождаются ли какие-либо духовные мысли и созерцания; и когда не придется им всего прочитать, тревожно смущаются и мятутся не о том, что лишились духовных от чтения плодов на созидание внутреннего своего человека, а что не все прочитано. Послушай, что говорит о сем святой Исаак: «Если хочешь насладиться стихословием и постигнуть смысл произносимых тобой словес Духа, отложи в сторону количество и меру стихов, да углубляется же ум твой в изучение словес Духа, пока душа твоя удивлением к домостроительству не возбудится к высоким их разумениям и чрез это не подвигнется к славословию или душеполезной печали. В рабском делании нет мира уму, а смущение обыкновенно отнимает вкус у смысла и понятливости и расхищает мысли, подобно пьявице, высасывающей жизнь из тел с кровью их членов» (Слово 30; см. также: Слово 52).

Если истинно желаешь добродетельно прейти течение настоящей жизни, не имей другой при сем цели, кроме того, чтобы обретать Бога, где Он поблаговолит явить Себя тебе; и когда будешь сподобляем сего, пресекай всякое другое дело и не подвигайся в нем вперед, забудь все другое и упокоевайся в едином Боге твоем; когда же благоугодно будет величеству Его взяться от тебя и престать являть близость Свою к тебе в настоящем случае, тогда опять можешь обращаться к обычным твоим духовным упражнениям и продолжать их, имея в виду все ту же цель, то есть обрести чрез них Возлюбленного твоего, чтобы, обретши Его, снова поступить так же, как сказал я выше, то есть пресечь деланное делание, чтобы упокоеваться в Нем едином. Заметь сказанное тебе добре, ибо много есть духовных лиц, которые лишают себя спасительного плода мира от духовных своих деланий тем, что длят их, полагая, что потерпят ущерб, если не доведут их до конца, в уверенности, ложной конечно, что в этом и состоит совершенство духовное. Следуя таким образом воле своей, они много трудят и мучат себя, но не получают покоя истинного и мира внутреннего, в коем воистину обретается и упокоевается Бог.

Глава двадцать первая

Не ищи утех и наслаждений, а единого Бога

Избирай всегда тягостное и прискорбное и не люби утех и удовольствий, от которых не бывает никакой пользы для души; люби быть в подчинении и зависимости от воли других. Каждое дело да будет для тебя шагом в приближении к Богу, и ни одно дело да не будет тебе препоной на сем пути. Вот что должно тебя радовать. Один Бог да будет для тебя сладчайшим утешением, все же другое — горечью. Всякую тяготу свою возноси к Богу. Люби Его и Ему предай все свое сердце, без всякого размышления и страха. И Он найдет способ разрешить все твои недоумения и восставить тебя, если ты пал. Одним словом, если возлюбишь ты Бога, то получишь от Него всякое благо. Всего себя принеси в жертву Богу в мире и спокойствии духа.

А чтобы успешнее тебе шествовать сим путем без утомления и смятения, влагай волю свою в волю Божию; чем полнее вложишь ты ее так, ничего себе не

оставляя, тем более получишь силы и утешения. Воля твоя да будет так настроена, чтобы желать только того, что желает Бог, и не желать ничего из того, чего не желает Бог. Всегда и при всяком деле возобновляй намерение и решимость души твоей быть во всем угодным Богу. Не строй замыслов на будущее время, ибо не знаешь, что *породит находящий день* (ср.: Притч. 27, 1), но держи себя ничем не связанным и свободным. Однако ж этим не воспрещается всякому пещись с разумным попечением и старанием о том, что потребно по его состоянию и званию: ибо такое попечение сообразно с волей Божией и не препятствует внутреннему миру в преданности Богу и всякому преуспеянию в духе. Во всяком деле держи решимость сделать по нему все, что можешь, что подобает и что обязательно для тебя, ко всему же другому при сем будь равнодушен и смиренно покоряйся тому, что последует из того для тебя совне.

То, что всегда возможно для тебя делать, есть приносить в жертву Богу волю свою, и ничего больше этого не желай ты. Имея вследствие сего всегда свободу и ничем ни с какой стороны не будучи связан, будешь ты всегда радоваться и мирствовать в себе. В этой свободе духа состоит то великое благо, о котором слышишь ты в писаниях святых. Она не иное что есть, как крепкое пребывание внутреннего

человека в себе самом, по коему он не исходит вне желанием взыскать что-либо вне его Божественную и неизъяснимую радость, которая неразлучна с Царствием Божиим, водворяющимся внутри нас, как сказал Господь: *се бо Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21).

Глава двадцать вторая

Не малодушествуй, когда отходит или пресекается внутренний мир

Часто случается испытывать идущим путем Божиим, как отходят и пресекаются в них святой мир, сладкое уединение внутреннее и любезная свобода, а иной раз от движений сердца поднимается внутри такая пыль, что от нее не видно бывает пути, по которому следует идти. Когда и тебе случится испытать что подобное, ведай, что сие попускает тебе Бог во благо тебе. Это-то и есть та брань, за которую святые Божии увенчались светлыми венцами. Стой же мужественно, воспоминая сие во всретившем тебя испытании. И при этом, как и во время всякого другого смущения, воззревши ко Господу, говори Ему от сердца: «Господи Боже мой! Призри на раба Твоего, и да будет на мне воля Твоя. Ведаю и исповедую, что истина словес Твоих тверда и обетования Твои не ложны. И на них уповая, стою я, не колеблясь на пути Твоем». Блаженна душа, которая предает себя таким образом Господу всякий раз, как

испытывает смущение и тяготу! И если, несмотря на то, брань упорно стоит, и ты не можешь так скоро, как бы хотелось, согласовать и срастворить волю свою с волей Божией, не скорби и не малодушествуй, но продолжай предавать себя Богу и преклонись благодушно пред определениями Его — и сим победишь. Смотри, какую брань держал Христос Господь в саду Гефсиманском, когда человечество Его, сначала ужасаясь чаши, взывало: *Отче... аще возможно, да мимоидет от Мене чаша сия;* а потом, возвратясь в Себя и вложив душу Свою в руки Божии, полной и свободной волей в глубочайшем смирении изрекло: *обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты* (Мф. 26, 39).

Когда находишься в затруднении, не делай никакого шага, не воздев прежде очей своих к распятому на кресте Христу Господу. Там увидишь ты большими буквами написанным, как и тебе следует держать себя во встреченной тобой прискорбности. Спиши то оттуда на себя самого не буквами, а действиями своими, именно: когда почувствуешь припадки самолюбивого саможаления, не внимай им и в малодушии не сходи со креста, но прибегни к молитве и терпи со смирением, стараясь победить свою волю и восхотеть твердым хотением, да будет на тебе воля Божия. Если с таким плодом отойдешь ты от молитвы, радуйся и торжествуй. Если же не достиг-

нешь этого, то душа твоя останется постной, не вкусив свойственной ей пищи. Подвизайся, чтобы ничто, даже на малейшее время, не вселялось в душу твою, кроме единого Бога. Ни о чем не печалься и ничем не огорчайся. Не обращай очей своих на лукавства других и на худые их примеры; но будь как малое дитя, которое по незлобию своему не замечает их и минует их безвредно.

Глава двадцать третья

Многи козни врага на разорение внутреннего мира: блюдись

Враг наш диавол радуется, когда смущается душа и сердце бывает в тревоге. Посему всячески ухищряется он возмущать души наши. Первым делом его в сих покушениях бывает возбуждение самолюбия, чтобы по причине его отступила благодать созидающая и хранящая внутренний мир. Для сего внушает мнение, будто всё, что есть и кажется нам добрым в нас, стяжано собственным нашим тщанием и трудом, и, отогнав смирение и простоту, располагает придавать себе большую цену и вес и чувствовать себя чем-то важным, покрывая забвением действие благодати Божией, без коей никто не может даже имени Господа назвать, как свидетельствует святой Павел, говоря: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Сия благодать всем верующим подается, и присутствие ее служит признаком того, что кто-нибудь есть истинно верующий. Прияв же ее, верующий не делает

уже и не может делать ничего истинно доброго без ее помощи; и она всегда с ним есть по обетованию Господа, и враг ничего не может сделать с ним, пока она есть в нем и осеняет его. Ее-то отдалить и силится всячески враг, и первое, что делает для сего, есть, как сказано, внушение самоценения, или чувства, что мы не ничто, а нечто, и притом немаловажное. Затем принявшему такие внушения враг подлагает новое мнение, состоящее в уверенности, что он лучше других, ревностнее и богаче делами. Успевши всадить такое мнение, враг далее проводит его к осуждению других и презрению, за коими неотступно следует гордыня. Все сие может произойти в сердце в одно мгновение; всяко, однако ж, благодать тотчас сокращает свое действие, вследствие чего появляется невнимание к себе, ослабление ревности, возникновение помыслов сначала пустых, а потом страстных, далее движение самых страстей, с чем неразрывна буря в сердце. Мир внутренний потерян. Это однократное состояние, и если опомнится пострадавший сие, то приходит в себя, сокрушается, кается и молитвой восстановляет обычный ему внутрений строй. Враг прогнан, но он не отчаивается, а снова и снова приступает с теми же внушениями и с той же целью — расстроить внутренний мир.

Ведай сие, брате мой, противопоставь покушениям врага бодренное блюдение себя, по слову Господа:

бдите и молитеся, да не внидете в напасть (Мф. 26, 41). Внимай себе со всем тщанием, чтобы враг не подкрался и не обокрал тебя, лишив великого сего сокровища, то есть мира внутреннего и тишины душевной. Враг покушается расстроить душевный мир, потому что знает, что когда душа в смятении, то ему подручнее направить ее на что-либо худое; а ты блюди свой мир, ведая, что, когда душа мирна, врагу нет к ней доступа, и она тогда готова бывает на всякое добро и совершает его охотно и без труда, легко преодолевая всякие к тому препятствия. Чтоб тебе удобнее в этом успеть, старайся предугадывать подступы врага. Подступ врага — помысл самонадеянный. Положи же себе в закон — всякий помысл, умаляющий в тебе убеждение, что все доброе от Бога, что без помощи благодати Его ты ни в чем не можешь успеть и что тебе потому на Него единого должно возлагать все упование, всякий такой помысл почитать явно вражеским и как таковой с гневом отвергать и преследовать, пока исчезнет. Дело Духа Святого в нас есть — души наши при всяком случае возводить к единению с Богом, возгревая в них сладчайшую к Нему любовь и благую уверенность в Нем и крепкое на Него упование; противное же сему есть дело врага.

Он все способы и средства, какие только может изобрести, употребляет на то, чтобы расстраивать

душу: наводит излишние страхования на сердце, увеличивает разнемогание души, не дает душе сохранить должные расположения и усладиться как следует ни на исповеди, ни при Святом Причастии, ни в молитве, но делает то, что она все сие проходит без смиренного дерзновения и любви, страшливо и со смущением, делает, что душа оскудение религиозных чувств и лишение внутренней сладости, какие нередко случаются во время молитвы и других духовных упражнений, принимает с безнадежной скорбью, внушая ей, что такое оскудение не для блага ее Богом попущено, но что, значит, все ее дела и труды ни к чему не ведут и что потому лучше бросить все это, — и чрез это доводит ее наконец до столь великого смущения и безнадежия, что она и в самом деле думать начинает, будто всё, что ни делает, бесполезно и бесплодно, и что Бог забыл ее совершенно и оставил.

Но тут явная ложь. Пусть испытывает душа сухость и оскудение религиозных чувств и сладости духовной, но она, несмотря на то, может делать всякого рода добрые дела, следуя простой вере и вооружась святым терпением и постоянством. Впрочем, чтоб тебе лучше это понять и чтоб не послужило тебе во вред, если Богу благоугодно будет, для твоего блага, попустить в тебе или послать тебе такое оскудение духовного чувства и сладости, я изложу в следующей

главе, какие блага происходят от смиренного терпения, какое показывает кто во время сухости и охлаждения сердца, — да научишься не терять душевного мира и не быть поглощаему скорбью, когда придется тебе пострадать это ли или испытать другое какое смути-тельное приражение помыслов и страстных движений.

Глава двадцать четвертая

Не должно смущаться оскудением духовных чувств и другими внутренними искушениями

Хотя в седьмой главе я уже говорил о сухости и охлаждении сердца и об огорчении, какое испытывает от того душа, но и теперь еще скажу нечто, что там не досказано, именно, что много пользы доставляют душе такое огорчение и эта сухость сердца, или оскудение духовной радости и сладости, когда принимаем их и переносим со смирением и терпением. И если бы человек знал наперед эту пользу, то всеконечно не тяготился бы и не огорчался, когда случилось бы ему испытать такое состояние. Ибо тогда он не считал бы этого горького оскудения внутренних духовных утешений знаком неблаговоления Божия, а видел бы в сем дело особенной к себе любви Его, и потому принял то с радостью, как великую милость Божию.

Уже то одно не чуждо утешения, что такие состояния испытывают преимущественно такие лица,

которые с особенной ревностью предаются на служение Богу и с особенным вниманием стараются избегать всего, что может оскорбить Его, — и испытывают не в начале своего к Богу обращения, а уже после того, как довольно поработают Ему, когда довольно очистят сердце свое священной молитвой и сокрушением, когда восчувствуют некую духовную сладость, теплоту и радость и когда вследствие того положат всецело посвятить себя Богу и уже начнут это дело. И не видим, чтобы грешники и те, которые преданы суетам житейским и мирским, испытывали что подобное и подвергались таким искушениям. Из сего ясно видно, что эта горечь есть честная и драгоценная трапеза, к которой Бог приглашает любимцев Своих на угощение, и хотя она во время вкушения не так приятна, однако многую приносит нам пользу, несмотря на то, что это не видится, когда вкушаем ее. Ибо душа, находясь в состоянии такой сухости, вкушая эту горечь и страдая от таких искушений и помыслов, о которых одно воспоминание приводит в трепет, отравляет сердце и совсем почти убивает внутреннего человека — находясь, говорю, в таком состоянии, душа научается не доверять себе и не полагаться на свое благонастроение, и приобретает истинное смирение, которого так желает от нас Бог; к тому же воодушевляется взыскать теплейшей к Богу любви, тщательнейшего

внимания к своим помыслам и сильнейшего мужества к перенесению таких искушений без вреда, и выходит из борьбы сей *с чувствами, обученными к вернейшему различению добра же и зла*, как сказал святой Павел (см.: Евр. 5, 14); хотя, повторю опять, она, не видя сих сокровенных благих плодов, смущается и бежит сказанной горечи, так как не желает и малое время пребывать без вкушения духовных утешений, и без них всякое другое упражнение духовное почитает временем, напрасно потерянным, и трудом бесплодным.

Глава двадцать пятая

Искушения всякие во благо нам посылаются

Чтобы понятнее было тебе, как всякие вообще искушения посылаются Богом на пользу нам, прими во внимание, что скажу. Человек, по влечению растленного естества своего, горд, славолюбив, любит показность, крепко стоит за свои мысли и решения и желает всегда быть высоко ценим всеми гораздо выше, нежели он есть на самом деле. Такое самоценение и самомнение крайне пагубно в деле духовного преуспеяния, так что одной тени его достаточно, чтобы не дать человеку достигнуть истинного совершенства. Посему человеколюбивый Отец наш Небесный, премудро промышляя о всех нас, особенно же о тех, кои искренне предали себя на служение Ему, искушениями, каким попускает найти на нас, поставляет нас в такое настроение, в коем легко можем избежать страшной опасности от этого самоценения и почти вынужденно дойти до истинного смиренного себя познания: так сделал Он со святым апостолом

Петром, попустив ему трижды отвергнуться Его, чтобы он познал немощь свою и перестал надеяться на себя самого, и со святым Павлом, на которого, после того как восхитил его до третьего неба и открыл ему Божественные Свои неизреченные таинства, наложил некое докучливо-тягостное искушение, чтобы он, нося в себе такое указание на свое бессилие и ничтожество, преуспевал в смирении и хвалился только немощами своими и чтобы это величие откровений, каких сподобился он от Бога, не ввело его в превозношение, как сам он о себе свидетельствует: *и чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился* (2 Кор. 12, 7).

Итак, Бог, движимый состраданием к этой несчастной беззаконной склонности нашей (высоко всегда о себе думать), попускает, чтобы на нас разными путями находили искушения, нередко очень тяжелые, чтобы мы, познавая немощь свою, смирялись. В этом Господь являет вместе благость Свою и премудрость, ибо тем, что наиболее кажется вредоносным, наибольшую доставляет нам пользу, потому что смиряет, смирение же паче всего потребно и благотворно для души нашей. Если таким образом все искушения даются для научения смирению, то следует, что и раб Божий, чувствующий в сердце своем

сказанные горькие состояния — сухость, безвкусие духовное, оскудение духовных утешений, испытывает сие, чтобы научился смиряться, подумав, что так бывает с ним по грехам его, что невозможно, чтобы кто-нибудь имел столь скудную всем душу, как он, и чтобы кто-нибудь работал Богу с такой холодностью, как его душа, и что такие состояния находят только на тех, которых оставляет Бог, а следовательно, и он оставлен, и оставлен заслуженно. От таких смиренных помыслов порождается вот какое благо: что тот, кто прежде думал о себе, что он есть нечто, и нечто очень важное, теперь, по испытании горького врачевства, посланного ему свыше, начинает думать, что он наигрешнейший человек в мире, недостойный даже и имени христианина. И поистине никогда он не пришел бы к такому уничиженному о себе мнению и в такое глубокое смирение, если б не понудили его к тому эти особенные искушения, эта великая скорбь и горечь сердца, которые потому суть великая милость, Богом оказываемая в сей жизни душе, смиренномудренно Ему себя предающей, чтобы Он, как Ему благоугодно, исцелил ее такими врачевствами, какие один Он совершенно ведает и находит необходимым для ее оздоровления и приведения в доброе состояние.

Кроме этого плода, приносимого душе сказанными искушениями чрез оскудение духовных уте-

шений, бывают от сего и другие многие плоды. Сокрушенный такими внутренними тяготами, нужно нудится прибегать усердно к Богу за взысканием скорой помощи от Него, старательно делает всё, почитаемое пригодным к уврачеванию душевной скорби и прогнанию горечи сердца, и, чтоб избавиться на будущее время от такого душевного мученичества, полагает твердое намерение проходить прочее путем духовной жизни со всем вниманием к движениям сердца, избегая даже тени греха и всякой, даже легкой, неисправности, могущей отдалить его от Бога и Бога от него, каким бы то ни было образом. Таким образом, эта скорбь, которую он считал столь противной его целям и вредительной, бывает после сего для него жалом, возбуждающим искать Бога с бóльшей теплотой и с бóльшим рвением удаляться от всего того, что находит несообразным с волей Божией. Коротко сказать — все скорби и мучения, какие претерпевает душа во время внутренних искушений и оскудений духовных утешений и сладостей, не другое что суть, как любовью Божией устрояемое очистительное врачевство, коим очищает ее Бог, если она со смирением и терпением переносит их. И всеконечно они уготовляют таким терпеливым страдальцам венец, стяжеваемый только посредством их, и венец тем более славный, чем болезненнее бывают мучения сердца, претерпеваемые во время их.

Из сего явствует, что не следует нам крайне смущать и мучить себя как по причине других искушений внешних, находящих на нас, так и по причине сказанных искушений внутренних, как делают те, которые мало имеют опытности в этом отношении и то, что происходит от Бога, почитают происходящим от диавола или от своих грехов и несовершенства своего — знамения любви Божией признают знамениями Его гнева, благодеяния и дары относят к бичам и ударам, наносимым по крайнему Его на них негодованию; всё, что ни делали и ни делают, почитают излишним трудом, ничего не заслуживающим, и претерпеваемую ими потерю — не имеющею врачевства. Ибо если б они верили, что от таких искушений никакого не бывает ущерба в стяжании добродетелей, а, напротив, великое их приращение, когда душа принимает их со смирением и переносит с благодарностью, и если бы верили, что они суть устроения любительного Божия к ним благоволения, то не смущались бы крайне и не теряли сердечного мира оттого, что подвергаются таким искушениям, испытывают неуместные и срамные помыслы и бывают сухи и хладны во время молитвы и других упражнений духовных. Но паче смиряли бы тогда души свои пред Богом и полагали в сердце своем решение во всяком деле исполнять волю Божию, так как сим только образом Бог желает быть угождаемым в мире

сем, и всячески старались бы хранить себя мирными и покойными, принимая все случающееся как от руки Небесного Отца, от которой исходит и эта горькая чаша, которую они испивают в настоящее время. Ибо пусть и от диавола бывает какое искушение, или от людей, или по причине грехов, но всячески оно зависит от Бога и Им посылается во благо нам и отвращение какого-либо бóльшего искушения.

Глава двадцать шестая

Врачевство против смущения какими-либо легкими погрешностями и слабостями

Если случится тебе впасть в какое-либо простительное погрешение делом или словом, именно: обеспокоиться какой-либо случайностью, или осудить, или услышать, как осуждают другие, или поспорить о чем, или испытать движение нетерпения, суетливости и подозрения других, или понебречь о чем, — то не следует крайне смущаться или скорбеть и отчаиваться, помышляя о том, что ты сделал, тем более прилагать к тому печальные о себе думы, что, верно, тебе никогда не освободиться от таких слабостей, или что сила твоего произволения работать Господу слаба, или что ты не как следует шествуешь путем Божиим, при всяком подобном случае обременяя душу свою тысячами и других страхов от малодушия и печали.

Ибо отсюда что выходит? То, что ты стыдишься предстать пред Богом с дерзновением, как оказавшийся неверным Ему, напрасно тратишь время на

рассматривание, сколько времени пробыл ты в каждом погрешении, сосложился ли с ним и возжелал его или нет, отверг ли такой и такой помысл или нет, и подобное. И чем больше мучишь себя так, тем больше увеличивается в тебе расстройство духа, туга и нехотение исповедаться. Но и когда пойдешь на исповедь и исповедуешься со смутительным страхом, и после исповеди опять не находишь покоя, ибо тебе кажется, что не всё сказал. И живешь ты таким образом жизнью горькой, неспокойной и малоплодной, напрасно тратя много времени. И всё это происходит оттого, что мы забываем о своей естественной немощи и выпускаем из виду, как следует душе относиться к Богу, именно, что когда душа впадает в какое-либо простительное и несмертное погрешение, то ей следует со смиренным покаянием уповательно обращаться к Богу, а не томить себя излишней о том печалью, тугой и горечью.

Говорю это о простительных согрешениях, ибо только в них уместно падать душе, восприявшей строгую жизнь, нами здесь изображаемую. Мы обращаем здесь речь свою к тем, которые живут духовной жизнью и деятельно ищут преуспеяния в ней, всячески избегая грехов смертных. Для тех же, которые живут не строго, а как случится, не тревожась, если и смертным грехом оскорбят Бога, потребно другое слово. Не для них сказанное пред сим

врачевство. Им надлежит глубоко скорбеть и горько плакать, строго всегда обсуждать свою совесть и исповедовать без жаления себя все грехи свои, и никаких не должны они по нерадению лишать себя средств, необходимых к уврачеванию и спасению их.

Покаяние всегда должно быть воодушевлено и проникнуто крепким упованием на Бога и при легких каждодневных падениях, а тем паче при более тяжких погрешениях, чем обычные, в которые падает иногда и усердный раб Божий по попущению. Ибо сокрушение покаянное, которое только мучит и грызет сердце, никогда не восставляет души в благонадежное настроение, если не бывает соединяемо с твердым упованием на милосердие и благость Божию. Такое упование непрестанно должно исполнять сердца ревнующих достигнуть высших степеней христианского совершенства. Оно оживляет и приводит в напряжение все силы души и духа. Но многие, вступившие на путь духовной жизни, не заботясь о нем, останавливаются в своем течении с сердцем расслабленным, не подвигаясь вперед, за что негожими бывают к получению благодатных благ, кои разместил Господь на пути сем и коих обыкновенно сподобляются одни ревнители, с неослабным усилием по нему текущие всё вперед и вперед.

Наипаче же испытывающие какую-либо тревогу сердечную, или какое-либо недоумение, или раз-

двоение в совести своей, должны обращаться к духовному отцу своему или к другому кому, опытному в деле духовной жизни, сопровождая сие уповательной молитвой, да откроет Господь чрез них истину и подаст успокоительное разрешение недоумений и смущений, и затем совершенно успокаиваться на их слове.

Глава двадцать седьмая

Смущенному тотчас надо восстановить мир душевный

Всякий раз, как впадешь в какое простительное погрешение, хотя бы то тысячу раз случилось на день, как только заметишь то, не мучь себя и не трать времени напрасно, но тотчас смирись и, сознав немощь свою, обратись уповательно к Богу и воззови к Нему из глубины сердца: «Господи, Боже мой! Я сделал это потому, что уж я таков, что от меня ничего другого и ожидать нельзя, кроме таких погрешений или чего-нибудь и больше того, если благодать Твоя не поможет мне, оставя меня с одним собою. Сокрушаюсь о сделанном потому особенно, что не отвечаю исправностью жизни Твоим о мне попечениям, но всё падаю и падаю. Прости мне и дай мне силу не оскорблять Тебя более и ни в чем не отступать от воли Твоей. Ибо я усердно желаю работать Тебе и благоугождать и во всем быть Тебе послушным». Сделав это, не томись думанием, простил ли тебя Бог. Господь близ и внемлет воздыха-

ниям рабов Своих. Успокойся же в этой уверенности и, успокоившись, продолжай обычные занятия, как бы с тобой ничего не случилось.

Так тебе не один раз поступить должно, но если нужно, сто раз и каждую минуту, и в последний раз с таким же совершенным упованием и к Богу дерзновением, как и в первый. Действуя так, ты будешь воздавать великое чествование беспредельной благости Бога, Коего всегда долженствуешь ты созерцать беспредельно к нам благоутробным. Вследствие сего ты непрестанно будешь преуспевать в жизни своей и все подвигаться вперед, не теряя напрасно времени и труда.

Охранять мир свой внутренний при впадении в указанные выше погрешения, можешь ты еще, поступая так: с внутренним действием сознания своего окаянства и смирения себя пред Богом подвигнись и на теплое воспоминание великих милостей, тебе лично явленных Богом, и тем, оживив в себе любовь к Нему, расположи себя к благодарению и славословию Его, и самым делом возблагодари и восславословь Его тепло из глубины души. Поскольку благодарение и славословие Бога есть самое высшее проявление живого союза нашего с Богом, то плодом падения твоего, если разумно к нему отнесешься, будет с помощью Божией вящее [большее] возвышение твое к Нему. Это следовало бы поиметь во внимании

тем, которые слишком мятутся и мучатся при малых погрешениях, чтобы увидеть, как велика слепота их в сем случае и как они сами себе вредят по нерассудительности своей. Для них, собственно, и делаем мы последнее указание, дающее в руки наши ключ, которым душа отверзает великую духовную сокровищницу и в короткое время обогатиться может благодатью Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, со Безначальным Его Отцем и Святым Духом, ныне и во веки веков. Аминь.

Оглавление

Иеромонах Феоктист (Игумнов)
Три редакции одной книги 3
Предисловие 13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая
В чем состоит христианское совершенство. Для стяжания его необходима брань. Четыре вещи, крайне потребные для успеха в сей брани . . . 21

Глава вторая
Никогда ни в чем не должно верить себе самим и надеяться на самих себя 30

Глава третья
О надежде на единого Бога и уверенности в Нем 36

Глава четвертая
Как можно узнать, с ненадеянием ли на себя и совершенной надеждой на Бога действует кто . . . 40

Глава пятая
О погрешительности мнения тех, которые почитают чрезмерную печаль добродетелью. 42

Глава шестая
Некоторые ведения, служащие к очертанию предела и пространства неверия себе и полного упования на Бога 44
Глава седьмая
О том, как надлежит нам упражнять ум свой, чтобы он не недуговал неведением 47
Глава восьмая
О том, почему неправо судим мы о вещах и как стяжать правые о них суждения 50
Глава девятая
О хранении ума от бесполезного многоведения и праздной пытливости 53
Глава десятая
Как обучить волю свою, чтобы она во всех делах своих, внутренних и внешних, как последней цели искала одного благоугождения Богу 57
Глава одиннадцатая
Некоторые напоминания, могущие подвигать волю нашу на желание всяким делом благоугождать Богу 66
Глава двенадцатая
О многих желаниях и стремлениях, сущих в человеке, и о борьбе их между собой 68
Глава тринадцатая
О том, как надлежит воевать против бессловесной воли чувственной, и о деланиях, какие должна

проходить воля, чтобы стяжать навык
в добродетелях 74
Глава четырнадцатая
Как быть, когда высшая, разумная воля
кажется совсем будто побеждаемой волей
низшей и врагами 83
Глава пятнадцатая
О том, что брань надо вести непрестанно
и мужественно 87
Глава шестнадцатая
Как воину Христову следует утром устроиться
на брань 92
Глава семнадцатая
В каком порядке следует нам побороть
свои страсти 97
Глава восемнадцатая
Как побороть внезапно поднимающиеся
движения страстей 99
Глава девятнадцатая
Как побороть плотские страсти 103
Глава двадцатая
Как побороть нерадение 113
Глава двадцать первая
Об управлении и добром пользовании
внешними чувствами 120
Глава двадцать вторая
О том, что те же чувственные предметы,
о которых мы говорили, бывают средствами

и орудиями к доброму управлению наших чувств, если от них будем мы переходить к помышению о воплощении Бога Слова и о таинствах Его жизни, страданий и смерти 131

Глава двадцать третья

Как от чувственных впечатлений переходить к нравственно-назидательным урокам 135

Глава двадцать четвертая

Общие уроки об употреблении чувств 142

Глава двадцать пятая

О том, как управлять языком 150

Глава двадцать шестая

Как исправлять воображение и память 157

Глава двадцать седьмая

Воину Христову надлежит всевозможно избегать тревог и смятений сердечных, если желает добре препобеждать врагов своих 172

Глава двадцать восьмая

Что делать, когда бываем уранены на брани 176

Глава двадцать девятая

Какого порядка держится диавол в ведении брани духовной со всеми и как прельщает людей разных состояний нравственных 181

Глава тридцатая

Как диавол утверждает грешников в рабстве греху 183

Глава тридцать первая
Как враг удерживает в своих сетях тех, кои сознали бедственное свое положение и хотят избавиться от него, а к делу не приступают. И отчего добрые наши намерения нередко не приводятся в исполнение 185
Глава тридцать вторая
О кознях врага против тех, которые вступили на добрый путь 191
Глава тридцать третья
Как враг отклоняет от добрых дел и портит их . . . 196
Глава тридцать четвертая
Как враг сами добродетели обращает во вред делателям 202
Глава тридцать пятая
Некоторые указания, благопотребные в деле препобеждения страстей и стяжания добродетели 212
Глава тридцать шестая
О порядке стяжания добродетелей 218
Глава тридцать седьмая
Какие расположения требуются для успеха в стяжании добродетелей вообще, и как вести дело навыкновения в одной какой 221
Глава тридцать восьмая
В добродетелях упражняться надобно со всем усердием и непрестанно 226

Глава тридцать девятая
Не должно убегать встречающихся случаев к доброделанию 229
Глава сороковая
Должно любить случаи к добродетелям, особенно затруднительные 232
Глава сорок первая
Как в разных случаях можно преуспевать в одной и той же добродетели 238
Глава сорок вторая
Сколько времени надлежит упражняться в каждой добродетели и какие признаки преуспеяния в ней 241
Глава сорок третья
О том, что не следует слишком сильно желать освобождения от претерпеваемых скорбей, предаваясь всецело в волю Божию 247
Глава сорок четвертая
Предостережение от злых советов диавола в добром 251
Глава сорок пятая
Если судим строго ближних, то это от высокого о себе мнения и от наущения вражеского. Как преодолеть эту склонность 255
Глава сорок шестая
О молитве 260

Глава сорок седьмая
Что такое умная, или внутренняя, молитва, и каких видов она бывает 270
Глава сорок восьмая
Как научиться молиться сим образом 273
Глава сорок девятая
О молитве своей, самим молящимся слагаемой . . 279
Глава пятидесятая
О кратких молитовках, или кратких молитвенных к Богу воздыханиях 283
Глава пятьдесят первая
О молитве Иисусовой 287
Глава пятьдесят вторая
Способствование к успеху в навыкновении молитве 294
Глава пятьдесят третья
Дело молитвы в невидимой брани 299

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая
О Пресвятом Таинстве Евхаристии 305
Глава вторая
Как надлежит принимать Святое Таинство Евхаристии, или принимать Христа Господа таинственно — в Таинствах 307
Глава третья
Как углублением в Таинство Евхаристии возгревать в себе любовь к Богу 313

Глава четвертая
О причащении духовном 324
Глава пятая
О благодарении Бога. 327
Глава шестая
О преданности в волю Божию 331
Глава седьмая
О сердечной теплоте и об охлаждении
и сухости сердца 335
Глава восьмая
О хранении и испытании совести 346
Глава девятая
О приготовлении к брани с врагами
в час смертный. 353
Глава десятая
О четырех бывающих в час смерти
искушениях вражеских. Первое
искушение — против веры, и о способе
преодоления его 356
Глава одиннадцатая
Второе искушение в час смерти — отчаянием. . . . 358
Глава двенадцатая
Третье искушение в час смерти —
тщеславием 361
Глава тринадцатая
Четвертое искушение в час смерти —
призраками. 363

Глава четырнадцатая
О духовном мире сердца 365
Глава пятнадцатая
О способах к хранению мира внутреннего 368
Глава шестнадцатая
Мало-помалу установляется мир в сердце 371
Глава семнадцатая
Для мира сердца надо убегать почестей
и любить смирение и нищету 373
Глава восемнадцатая
Необходимо душе пребывать
уединенной в себе, чтобы Бог осенил
ее миром Своим 377
Глава девятнадцатая
О благоразумии в делах любви к ближним
для мира душевного 380
Глава двадцатая
Душе, обнажась от своей воли, надлежит
предавать себя Богу 383
Глава двадцать первая
Не ищи утех и наслаждений, а единого Бога 388
Глава двадцать вторая
Не малодушествуй, когда отходит
или пресекается внутренний мир 391
Глава двадцать третья
Многи козни врага на разорение
внутреннего мира: блюдись 394

Глава двадцать четвертая
Не должно смущаться оскудением духовных чувств и другими внутренними искушениями 399
Глава двадцать пятая
Искушения всякие во благо нам посылаются 402
Глава двадцать шестая
Врачевство против смущения какими-либо легкими погрешностями и слабостями. 408
Глава двадцать седьмая
Смущенному тотчас надо восстановить мир душевный 412

Подготовлено по изданиям

1. Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима Святогорца. Перевод с греческого святителя Феофана Затворника. Московский Богородице-Рождественский женский монастырь; Издательство «Правило веры». М., 1996.

2. Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима Святогорца. Перевод с греческаго Епископа Феофана. В двух частях. Издание пятое. Афонский Русский Пантелеимонов монастырь. М., 1912.

3. *Преподобный Никодим Святогорец*. Невидимая брань. Перевод с греческого святителя Феофана Затворника. Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 2004.

4. *Преподобный Никодим Святогорец*. Невидимая брань. Перевод с греческого святителя Феофана Затворника. Издательство Сретенского монастыря. М., 2005.

Преподобный
Никодим Святогорец

НЕВИДИМАЯ БРАНЬ

Перевод с греческого
святителя Феофана Затворника

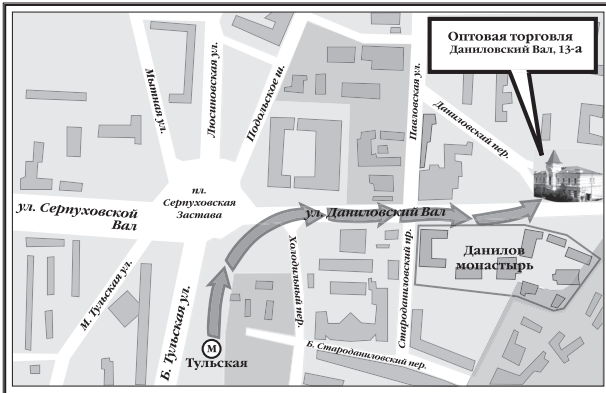
МОСКОВСКИЙ ДАНИЛОВ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Директор Издательства — С. Дубинкин
Главный редактор Издательства — В. Малягин
Главный художник Издательства — А. Григорьев

Редактор — Н. Шапошникова
Верстка — О. Гришина
Допечатная подготовка — Д. Клыгин
Корректор — А. Лапшина

Лицензия ЛР № 030571 от 20.10.1998 г.
Подписано в печать 15.10.2013.
Формат 70×100$^{1}/_{32}$. Тираж 7 000 экз.
Объем 13,5 п. л. Заказ №

Издательство Данилова мужского монастыря
115191, Москва, ул. Даниловский Вал, 22



ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИЗДАНИЙ
Данилова монастыря предлагает:

Более 1200 наименований книг православных издательств, в том числе книги издательства Данилова монастыря «Даниловский благовестник», богослужебную литературу, календари, подарочные издания, аудио- и видеопродукцию.

У нас вы можете сделать предварительный заказ на **оптовую** поставку необходимой вам продукции по телефону, факсу или электронной почте.

Крупнооптовым *покупателям высылаем полный каталог по факсу или почтой.*

При необходимости обеспечиваем доставку книг железной дорогой, автотранспортом, бесплатную доставку на любой ж/д вокзал Москвы.

По вопросам приобретения **одного** или **нескольких** экземпляров книг или дисков убедительная просьба обращаться в **розничную** торговлю монастыря.

Адреса:

Розничная торговля: Москва, ул. Даниловский Вал, д. 22, в стене монастыря, в храме Преподобного Серафима Саровского.
Телефон: (495) 955-67-07.
Часы работы: 8.00–20.00 без выходных.

Отдел распространения изданий: Москва, ул. Даниловский Вал, 13-а, двухэтажное желтое здание напротив Святых врат монастыря.
Телефон: (495) 958-57-89; **факс:** (495) 952-80-59
E-mail: opt@msdm.ru **http://www.msdm.ru**
Проезд: ст. м. «Тульская», 7 мин. пешком или трам. 3, 35, 38, 39, А до остановки «Данилов монастырь».
Часы работы: 9.15–17.30
кроме субботних, воскресных и праздничных дней.

Дирекция Издательства: Москва, ул. Даниловский Вал, 10/12, офис 215
Телефоны: (499) 764-78-45, 764-78-34, 764-78-47
E-mail: blago@msdm.ru